

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки – национальный
научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии с Итоговым
распределением журналов Перечня ВАК по категориям
К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) –
3 уровень.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет
средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала,
проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions, DOAJ, ErichPlus,
Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67379.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических
изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюд-
жетное образовательное учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26;
rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)55-87-61; juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities
and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed
Journals recommended by the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category
(K2) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation
Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) –
the third level.

Opinions expressed in the articles published in the Journal
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors
do not have to pay any article processing charge or open access
publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions
for authors, and archives of full-text issues, please visit our
website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: Dimensions,
DOAJ, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms
of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal
Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store of periodicals
"Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26;
rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo
region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; juredu@yandex.ru

16+

ВЕСТНИК

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

том 9 № 3
2025

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, доцент, МГЮА (Москва, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Ass. Prof., Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, проф., АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof., The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия).

Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар, Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof., Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.), Ass. Prof., Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ

(Великий Новгород, Россия).

Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд

Кемеровской области (Кемерово, Россия).

Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof., All Russian State University of Justice (RLA) of the Ministry of Justice of Russia (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Лясковска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof., University of Białystok (UWB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia).

BULLETIN

SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

KEMEROVO
STATE
UNIVERSITY

VOL. 9 № 3
2025

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, МГЮА
(Москва, Россия).
Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Россинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).
Sergey B. Rossinsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).
Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).
Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).
Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).
Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Kulture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).
Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).
Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).
Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Лонгитюдные исследования нейротипичного развития с использованием ЭЭГ:
обзор зарубежных исследований

Павлова А. А.

337

Междисциплинарные исследования языка

Специфические особенности мотивационной сферы студентов в гендерном аспекте
Сунгатуллина З. Ф., Овсянникова Т. В., Соловьева Н. А.

352

ПЕДАГОГИКА

Методология и технология профессионального образования

Этапы профессионального самоопределения студентов технического вуза

Бобкова В. П.

363

Проблема подготовки будущих юристов в области здоровьесбережения и гражданско-правовой
защиты здоровья граждан

Богомолова Е. В., Мотина О. А.

375

Интеграция сервисов искусственного интеллекта в творческие задания при обучении РКИ

Дрейфельд О. В.

385

Общая педагогика, история педагогики и образования

Структурные компоненты экологической ответственности обучающихся

Добрыгин В. С.

396

Историко-педагогический анализ социально-педагогической реабилитации детей
с особенностями развития

Маркова Д. А.

404

Педагогическая подготовка специалистов по архивному делу в дореволюционной России:
институциональное становление и методические традиции

Понасенко А. В.

413

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

«Долой абсентеизм!», или К вопросу о пропаганде права, осуществляемой политическими
партиями

Коновалчиков Я. А.

421

Генезис нормативно-правового регулирования устойчивого развития сельских территорий
Шиндина А. В.

432

Теоретико-исторические правовые науки

История становления системы народных прокуратур железных дорог КНР

Гавриленко А. А.

442

Уголовно-правовые науки

Цифровая трансформация платежных систем: проблемы мошенничества и перспективы развития
средств и методов обнаружения

Абдурагимова Т. И.

453

Размышления о присягах в уголовном процессе: стоит ли возвращаться к «царскому»
инструментарию?

Россинский С. Б.

462

Частно-правовые (цивилистические) науки

Влияние участников процесса на внутреннее убеждение судьи

Галушкин А. Ф.

472

COGNITIVE SCIENCES

Interdisciplinary Cognitive Studies

Longitudinal EEG Research on Typically Developed Populations: A Review

Pavlova A. A.

337

Interdisciplinary Linguistics

Motivation in University Students: Gender Aspects

Sungatullina Z. F., Ovsyannikova T. V., Solovieva N. A.

352

PEDAGOGY

Methodology and Technology of University Education

Stages of Professional Self-Determination in Technical University Students

Bobkova V. P.

363

Training Future Lawyers in Healthcare and Civil Law Protection of Public Health

Bogomolova E. V., Motina O. A.

375

Integrating Artificial Intelligence Services in Creative Tasks

for Teaching Russian as a Foreign Language

Dreifeld O. V.

385

General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

Structural Components of Environmental Responsibility in University Students

Dobrygin V. S.

396

Socio-Pedagogical Rehabilitation of Children with Developmental Disabilities:

Historical-Pedagogical Analysis

Markova D. A.

404

Pedagogical Training of Archivists in Pre-Revolutionary Russia: Institutions and Methods

Ponasenko A. V.

413

LAW

Public and State Law

Absenteeism Must be Eliminated!, or Political Parties and Propaganda of Voting Right

Konovalchikov Ya. A.

421

State Regulation of Sustainable Rural Development: Genesis

Shindina A. V.

432

Theoretical and Historical Legal Sciences

History of Railway Transport Procuratorates in China

Gavrilenko A. A.

442

Criminal Law

Digital Transformation of Payment Systems: Fraud Issues and Detection Prospects

Abduragimova T. I.

453

Oaths in Criminal Procedure: Back to Tsarist Tools?

Rossinskiy S. B.

462

Private and Civil Law

Influence of Trial Participants on Judge's Belief

Galushko A. F.

472

обзорная статья

<https://elibrary.ru/ddlojo>

Лонгитюдные исследования нейротипичного развития с использованием ЭЭГ: обзор зарубежных исследований

Павлова Анна Андреевна

НИУ Высшая школа экономики – Москва, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0003-1566-243X>

annapavlova98hse@gmail.com

Аннотация: В статье впервые обобщаются результаты лонгитюдных ЭЭГ-исследований, проведенных на нейротипичных популяциях. Цель – выявить ключевые направления лонгитюдных ЭЭГ-исследований на нейротипичных популяциях, малоисследованные аспекты, а также обобщить основные результаты в рамках каждого из направлений. В результате выявлено 4 основных направления исследования: возрастные изменения ЭЭГ, изменения ЭЭГ после воздействия, ЭЭГ-предикторы социально-эмоциональной сферы, ЭЭГ-предикторы когнитивных навыков. В исследованиях возрастных изменений ЭЭГ описывается снижение апериодической активности мозга в младенческом возрасте, а также снижение активности на низких частотах (дельта- и тета-диапазоны) и повышение активности на высоких частотах (альфа- и бета-диапазоны) как в покое, так и во время сна в детском и подростковом возрасте. В исследованиях изменения ЭЭГ после воздействия подчеркивается влияние медитаций и тренингов осознанности на функционирование мозга (снижение числа и мощности микросостояний) и поведенческие характеристики (повышение стрессоустойчивости и осознанности). В исследованиях социально-эмоциональной сферы раскрывается важность асимметрии активации во фронтальных долях (большая активация в правом полушарии) как предиктора ряда неадаптивных поведенческих черт – общей и социальной тревожности, стеснительности, предпочтения стратегий избегания. Особенно выражена эта связь для лиц, имеющих поведенческие предрасположенности к развитию данных признаков. В исследованиях когнитивных навыков сообщается о большей локализации нейронной активации в ответ на задачу у детей старшего возраста, что связано с улучшением выполнения заданий по мере взросления. Высокая синхронизация различных ритмов также связана с высокими когнитивными способностями у детей и взрослых. Сделан вывод о необходимости проведения лонгитюдных ЭЭГ-исследований, посвященных развитию когнитивных навыков у подростков.

Ключевые слова: ЭЭГ, лонгитюдные исследования, возрастные изменения, когнитивные навыки, личностные черты

Цитирование: Павлова А. А. Лонгитюдные исследования нейротипичного развития с использованием ЭЭГ: обзор зарубежных исследований. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 337–351. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-337-351>

Поступила в редакцию 08.05.2025. Принята после рецензирования 04.07.2025. Принята в печать 04.07.2025.

review article

Longitudinal EEG Research on Typically Developed Populations: A Review

Anna A. Pavlova

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0003-1566-243X>

annapavlova98hse@gmail.com

Abstract: This review provides the first comprehensive summary of longitudinal electroencephalographic (EEG) studies conducted on neurotypical populations. The objective was to identify the key areas of longitudinal EEG studies in neurotypical populations, define the understudied aspects, and summarize the main results in each area. The review revealed four primary research directions: (1) developmental changes in EEG, (2) EEG changes following interventions, (3) EEG predictors of socio-emotional functioning, (3) EEG predictors of cognitive abilities. The key developmental EEG changes included a decrease in aperiodic brain activity during infancy, as well as a reduction in low-frequency activity (delta and theta bands) and an increase in high-frequency activity (alpha and beta bands)

during rest and sleep in childhood and adolescence. The studies on post-intervention changes highlighted the impact of meditation and mindfulness training on brain functioning (reduced occurrence and power of microstates) and behavioral characteristics (increased stress resilience and mindfulness). The publications on the socio-emotional domain emphasized the importance of frontal asymmetry (greater activation in the right hemisphere) as a predictor of maladaptive behavioral traits, such as general and social anxiety, shyness, and a preference for avoidance strategies. This correlation was reported as typical of individuals with behavioral predispositions to the abovementioned traits. Cognitive studies demonstrated a greater localization of neural activation in response to tasks in older children, which correlated with improved task performance. The high synchronization of various rhythms was also associated with superior cognitive abilities in both children and adults. The review revealed a gap in longitudinal EEG research focused on the development of cognitive skills in teenagers.

Keywords: EEG, longitude, developmental changes, cognitive skills, personality traits

Citation: Pavlova A. A. Longitudinal EEG Research on Typically Developed Populations: A Review. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 337–351. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-337-351>

Received 8 May 2025. Accepted after review 4 Jul 2025. Accepted for publication 4 Jul 2025.

Введение

Электроэнцефалография (ЭЭГ) – неинвазивный метод, позволяющий записывать электрическую активность коры головного мозга при помощи электродов [1–3]. ЭЭГ широко используют как в медицинских [4–6], так и в популяционных исследованиях [1; 7–10]. Конвенциально принято выделять следующие диапазоны электрической активности головного мозга: 8–13 Гц – альфа-ритм; 13–30 Гц – бета-ритм; 30–200 Гц – гамма-ритм; 1–4 Гц – дельта-ритм, 4–8 Гц – тета-ритм. Более подробно ритмы активности мозга, измеряемые при помощи ЭЭГ, а также физические принципы ЭЭГ описаны в ряде работ [1–3; 11].

Несмотря на то что паттерны ЭЭГ-активности можно использовать в качестве биометрических данных для определения личности человека [12; 13], они не являются стабильными во времени и подвержены изменениям в результате взросления [1], заболеваний [14; 15], специфических воздействий [16; 17]. Данные изменения можно отслеживать как при помощи кросс-секционного дизайна – например, сравнения ЭЭГ-активности в нескольких возрастных группах [18; 19], так и с помощью лонгитюдных исследований, когда ЭЭГ-активность замеряют у одних и тех же людей в разные моменты времени. Лонгитюдные исследования обладают рядом преимуществ по сравнению с кросс-секционным дизайном: с их помощью можно определять причинно-следственные связи [20], отслеживать динамику изменений [21], исследовать нелинейные тренды [22].

Большое внимание лонгитюдному дизайну уделяется в ЭЭГ-исследованиях траекторий атипичного развития. В частности, существуют обзоры и мета-анализы лонгитюдных исследований развития аутизма [23], легких когнитивных нарушений и болезни Альцгеймера [24; 25], болезни

Паркинсона [26], постинсультной афазии [27], общего депрессивного расстройства [28; 29], зависимости от психоактивных веществ [30], эффективности электроконвульсивной терапии [31]. При этом практически нет обзоров, посвященных лонгитюдным ЭЭГ-исследованиям на типичных популяциях. Один из таких обзоров [32] посвящен возрастным изменениям ЭЭГ, записанным во время сна у типично развивающихся подростков.

Цель работы – выявить ключевые направления лонгитюдных ЭЭГ-исследований на нейротипичных популяциях, малоисследованные аспекты, а также обобщить основные результаты в рамках каждого из направлений.

Методы и материалы

В рамках обзора были рассмотрены эмпирические статьи, написанные на английском и русском языках в период 2000–2024 гг. и опубликованные в рецензируемых научных журналах. По результатам тематического анализа удалось выделить 4 основные направления лонгитюдных исследований с использованием ЭЭГ:

1. *Возрастные изменения ЭЭГ.* Исследования, посвященные изменению электроэнцефалограммы с возрастом. Как правило, в таких исследованиях ЭЭГ записывается в состоянии покоя или во время сна. Такие исследования чаще всего проводят на младенцах, детях и подростках. Только одна статья описывала лонгитюдные изменения нейронной активности людей пожилого возраста.

2. *Изменения ЭЭГ в результате воздействия.* Исследования, посвященные изменению электроэнцефалограммы в результате влияния какого-то фактора. Большинство исследований в этой категории посвящены влиянию курсов медитаций или иных

интервенций, направленных на развитие осознанности и спокойствия. Часть исследований посвящена воздействию физических тренировок и музыкальных упражнений. Отдельную категорию составляют исследования, посвященные влиянию стресса, в том числе в раннем возрасте.

3. ЭЭГ-предикторы социально-эмоциональной сферы. Исследования, посвященные выявлению связи между особенностями электроэнцефалограммы и личностными качествами человека, такими как тревожность, стратегии избегания или достижения, интроверсия, социальная отзывчивость, чувствительность к ошибкам в социальном контексте.

4. ЭЭГ-предикторы когнитивных способностей. Исследования, посвященные выявлению связи между особенностями электроэнцефалограммы и когнитивными способностями, такими как рабочая память, способности к чтению и пониманию речи.

Результаты

Возрастные изменения ЭЭГ

Младенческий возраст

Ряд лонгитюдных исследований посвящен изменениям на электроэнцефалограмме, происходящим в первые месяцы жизни. Исследуются изменения ЭЭГ, записанной в состоянии покоя, во время сна, при предъявлении социальных стимулов (например, обращенная к младенцу речь, видео со взаимодействием людей).

В нескольких работах [33; 34] было показано, что в младенческом возрасте в состоянии покоя доминирует апериодическая активность мозга (нейронные осцилляции, которые не имеют фиксированной частоты и не повторяются регулярно), но в первые полгода жизни доля апериодической активности стремительно снижается, а мощность альфа-ритма возрастает. При этом изменения в периодической и апериодической активности происходят нелинейно [35]. Асимметричность ЭЭГ-активности (большая активность в одном полушарии по сравнению с другим) в покое относительно стабильна в период между 10 и 48 месяцами и предсказывает уровень активности ребенка в первые три года жизни [36].

Изменения происходят и на электроэнцефалограмме, записанной во время сна. Лонгитюдное исследование сна младенцев (замеры проводились в возрасте 2 недель и 2, 4, 6, 9 месяцев) показало, что процентная доля быстрого сна и мощность тета-ритма снижается с возрастом, а мощности альфа- и бета-ритмов – возрастают [37]. При этом ни в одном исследовании не была выявлена связь между изменениями ЭЭГ во время сна и психологическими характеристиками младенцев. Так, топографическое распределение медленных волн (дельта- и тета-ритмов) во время сна, записанное в возрасте 6 месяцев,

не предсказывает поведенческие особенности младенцев в 3, 6, 12 и 24 месяца [38]. Одновременно с этим топографическое распределение медленных волн у детей 2,5 лет предсказывает миелинизацию через 3 года, что свидетельствует о важности детского сна для структурного созревания мозга [39].

При предъявлении стимула (обращенная к младенцу речь) мощность тета-ритма возрастает между 4 и 11 месяцами, а мощность дельта-ритма не изменяется [40]. Кроме того, изменяется топографическое распределение тета-активности в ответ на социальные стимулы – смещение с затылочно-теменных областей на фронтально-теменные области. Возрастает функциональная связанность на уровне тета-ритмов в ответ на социальные стимулы, что может говорить о созревании «социального мозга» у младенцев к первому году жизни [41].

Детский и подростковый возраст

Большой пласт работ посвящен изменениям ЭЭГ, происходящим в периоды детства и подросткового возраста. В целом в них акцентируется внимание как на изменениях, так и на стабильности определенных ЭЭГ-маркеров. Так, индивидуальные паттерны ЭЭГ отличаются высокой стабильностью во времени [42; 43], что делает возможным использование ЭЭГ как биометрических данных – для установления личности человека [44]. Показатели электроэнцефалограммы в разные периоды времени демонстрируют корреляцию 0,55–0,84 в зависимости от длительности временного промежутка и выбранного метода [43]. Одновременно с этим возрастные изменения влияют на индивидуальные биометрические показатели ЭЭГ [44]. По электроэнцефалографии, записанной в состоянии покоя, возможно предсказание возрастной категории (ребенок или подросток) при помощи моделей машинного обучения с точностью более 90 % [45] и предсказание возраста с $R^2 = 0,37$ [46]. При этом различные ЭЭГ-маркеры в разной степени подвержены возрастным изменениям. Например, асимметрия альфа-активности наиболее стабильна во времени во фронтальных регионах и не отличается стабильностью теменных и височных долях [47].

Возрастные изменения ЭЭГ имеют высокие показатели наследуемости (0,44–0,57), особенно для бета-диапазона [48]. Данные изменения также связаны со структурными изменениями мозга в период взросления, такими как изменения синаптической плотности и толщины коры мозга [1; 49].

Как и в младенчестве, в детском и подростковом возрасте снижается апериодическая активность мозга [7; 8]. Число состояний (статичных сегментов активности) увеличивается с возрастом, а средняя продолжительность одного состояния – снижается [50].

Одним из самых реплицируемых результатов является снижение активности на низких частотах и увеличение активности на высоких частотах, а также возрастание частоты альфа-пика по мере взросления, что показано в работах S. J. Segalowitz, L. Cragg, S. I. Soroko [1; 9; 10]. Так, в промежутке между 10 и 11 годами абсолютная мощность дельта-ритма и тета-ритма снижается, в то время как относительные мощности бета-ритма и альфа2-ритма (10–12 Hz) и частота альфа-пика возрастают [9]. В лонгитюдном исследовании детей 6–18 лет с интервалом в 4 года было обнаружено, что при контроле частоты альфа-пика возрастные изменения в абсолютной и относительной мощностях альфа-ритма и абсолютной мощности бета-ритма незначительны. При этом увеличение относительной мощности бета-ритма остается существенным, так же как снижение и абсолютных, и относительных мощностей дельта-ритма и тета-ритма [51].

В работах I. G. Campbell и коллег показано, что на протяжении детского и подросткового возраста снижение мощности дельта- и тета-ритмов происходит не только в состоянии покоя, но и в фазах медленного [52–57] и быстрого [54–57] сна. Амплитуда дельта-ритма во время сна также снижается с возрастом [54]. Снижение мощности тета-ритма происходит более интенсивно и начинается в более раннем возрасте по сравнению с дельта-ритмом [58]. Со снижением дельта- и тета-ритмов во сне связана возрастающая сонливость подростков в дневное время [59]. О связи снижения дельта-ритма с половым созреванием получены противоположные данные. Одно исследование [52] показало наличие такой связи, а другое [60] выявило ее отсутствие. Кроме того, с возрастом дельта- и тета-волны распространяются на более дальние дистанции, но скорость распространения остается неизменной [61].

Установлено, что мощность сигма-ритма во время медленного сна снижается с возрастом [22; 62; 63], а частота сигма-ритма повышается [62; 63]. Сонные веретена – вспышки активности сигма-ритма во время медленного сна – также меняют свои свойства с возрастом, но данные о траекториях изменений противоречивы. Одно исследование [64] показало, что частота волн сонных веретен и их плотность возрастают, амплитуда центральной волны и продолжительность – снижаются. В другом исследовании [63] были получены противоположные данные – продолжительность и амплитуда повышаются, а частота волн снижается. Лонгитюдное исследование детей и молодежи 5–22 лет продемонстрировало, что изменение плотности и частоты сонных веретен нелинейно: 15–19 лет соответственно эти показатели возрастают, а далее – снижаются [22]. Лонгитюдное исследование детей 2–5 лет выявило,

что в 2 года сонные веретена фактически отсутствуют, а в 5 лет – заметно выражены [55]. Изменения медленных волн и сонных веретен во сне могут говорить о развитии таламокортикальной системы [53–55] и отражать последствия синаптического прунинга [56]. В целом время медленного сна в подростковом возрасте существенно снижается, а время быстрого сна – несколько увеличивается, что свидетельствует о сокращении времени, необходимого для восстановления, и также может отражать последствия синаптического прунинга [65].

Ряд исследований подчеркивает групповые и индивидуальные различия в траекториях возрастных изменений ЭЭГ. В частности, у девочек снижение дельта-ритма во сне начинается раньше, чем у мальчиков [66], и происходит более интенсивно [56], что является признаком более раннего синаптического прунинга у девочек. С другой стороны, у мальчиков происходят более выраженные возрастные изменения в плотности сонных веретен [22]. Лонгитюдное исследование ЭЭГ, записанной в состоянии покоя, у детей 8–17 лет позволило выявить 4 типа ЭЭГ по частотному составу: быстро-синхронный, полиморфно-синхронный, полиморфно-асинхронный и медленно-синхронный. Процент медленных волн и абсолютная мощность дельта-ритма снижались с возрастом у всех типов. У быстро-синхронного типа также снижалась мощность тета-ритма и альфа-1 ритма, а мощность альфа-2 ритма в затылочной и теменной областях увеличивалась. У полиморфно-синхронного типа возрастали мощности альфа-1 ритма и альфа-2 ритма. У полиморфно-асинхронного типа снижалась мощность во всех частотных диапазонах, а у медленно-синхронного типа возрастала мощность в альфа-2 диапазоне [10].

Часть исследований посвящена развитию паттернов синхронизации ЭЭГ-ритмов по мере взросления. Было показано, что в период детства возрастает ЭЭГ-когерентность (степень синхронизации электрической активности) в состоянии покоя во фронтальных [67] и височных [68] областях, снижается ЭЭГ-когерентность между отдаленными участками мозга [67]. Изменения происходят скачкообразно, что связано с генетической обусловленностью: с возрастом на ЭЭГ-когерентность начинают влиять новые гены [67]. ЭЭГ-когерентность, записанная во время сна, возрастает на протяжении детского и подросткового возраста [68; 69]. В период между 7 и 10 годами увеличивается синхронизация активности мозга на различных частотах, т. е. разные частоты начинают больше совпадать с друг другом по фазам [70]. К тому же в этом возрасте усиливается функциональная связанныность между затылочными и височными областями коры и ослабляется функциональная связанныность между соседними регионами фронтальных

областей. Кроме этого, увеличивается функциональная связанность внутри сети пассивного режима и возрастает сегрегация данной сети от других сетей в частотах альфа-диапазона. Эти изменения связаны с развитием способности целенаправленно контролировать свою деятельность [71].

Пожилой возраст

Было найдено только одно исследование, посвященное возрастным изменениям ЭЭГ активности в пожилом возрасте. Оно позволило установить, что в пожилом возрасте лонгитюдные изменения ЭЭГ-активности во время сна значительно варьируют между индивидами (трудно выделить общие тренды), при этом изменения ЭЭГ-маркеров REM и NREM стадий сна высоко коррелируют [72].

Изменения ЭЭГ после воздействия

Другое направление лонгитюдных ЭЭГ-исследований фокусируется на изменениях электроэнцефалограммы, возникающих под воздействием внешних факторов. Как правило, длительность таких исследований не превышает одного года, в то время как лонгитюдные исследования, посвященные возрастным изменениям в детском и подростковом возрасте, отслеживают изменения, происходящие на протяжении нескольких лет.

Медитации и тренинги

Больше всего исследований в данной категории посвящено влиянию интервенций, направленных на повышение уровня осознанности и спокойствия, таких как медитации и тренинги. В частности, в работах M. Saggar, A. P. Zanesco и коллег было показано, что после курса медитаций изменяется таламокортикальная активность мозга [73], наблюдается снижение мощности бета-ритма в передне-центральной и затылочной областях головы как во время медитации [74], так и в состоянии покоя [75]. В состоянии покоя наблюдается незначительное снижение мощности альфа-ритма и частоты альфа-пика [75], снижается хаотичность (энтропия) активности мозга [76]. Другое исследование выявило, что после 8 недель интервенции, направленной на снижение стресса, участники демонстрировали повышение мощности альфа-ритма в затылочных и фронтальных областях. Особенно это было заметно во время выполнения заданий, призванных вызвать стресс, что может говорить о повышении стрессоустойчивости участников [77].

После медитаций также снижается продолжительность и мощность ЭЭГ-микросостояний (кратковременных, устойчивых паттернов электрической активности). Эти изменения коррелируют с возрастанием субъективной оценки спокойствия

и осознанности в повседневной жизни [78]. Такие же изменения (снижение продолжительности и мощности микросостояний) наблюдались у солдат после 8-недельного тренинга позитивного мышления [79].

Медитации и тренинги вызывают изменения ЭЭГ-активности не только в состоянии покоя, но и при выполнении когнитивных тестов. Так, установлено, что после курса медитаций изменяется активность мозга при выполнении задачи Струпа: повышается активность в левой медиальной и латеральной затылочно-височных областях при предъявлении конгруэнтного стимула [80]. Также после курса медитаций во время выполнения задач на рабочую память возрастают мощность тета-ритма в правой фронтальной и левой теменной областях. Эти изменения положительно коррелировали с баллами по опроснику осознанности [81].

Музыка и физическая активность

Ряд исследований посвящен изменениям, вызванным занятиями музыкой или спортом. При этом цели и выводы таких исследований достаточно разрознены, что не позволяет выявить общие закономерности. Например, M. Bangert и E. O. Altenmüller обнаружили, что после обучения игре на пианино изменяются паттерны активности в передних отделах правого полушария мозга при выполнении заданий на распознавание звуков [16]. S. M. Carpentier, S. Moreno и A. R. McIntosh зафиксировали следующее: кратковременная музыкальная тренировка (один месяц) увеличивает разнообразие состояний нейронных сетей при выполнении музыкальных заданий [82]. Еще в одной публикации сообщается, что после выполнения музыкальных заданий в паре повышалась межличностная синхронизация ЭЭГ-активности на уровне дельта-ритма [83].

Два лонгитюдных исследования были посвящены изменениям после физической активности. Одно из них [17] показало, что после физических тренировок, скомбинированных с нейрофидбэком, улучшается функциональная связанность между центральной исполнительной сетью и сетью значимости. Другое [84] выявило кратковременное снижение мощности альфа- и дельта-ритмов во фронтальных областях после интенсивной физической активности (эффект исчезает через несколько недель).

Негативные факторы

Несколько исследований посвящены воздействию негативных факторов – таких как недостаточный или некачественный сон, стресс, высокая утомленность, употребление алкоголя – на изменения электроэнцефалограммы. Было показано, что после четырех ночей с ограниченным количеством сна снижается мощность альфа-ритма во время сна [85] и мощность

сигма-ритма в медленной фазе сна [86], что сопровождается повышением дневной сонливости [53]. Некачественный сон, измеренный при помощи ЭЭГ, в 5,5 лет предсказывает некачественный сон и психологические трудности через 1 год [87].

S. Yousof и соавторы сравнивали ЭЭГ-активность во время выполнения задачи на рабочую память у студентов до и во время экзаменационного периода – периода высокого уровня стресса [88]. Значимые различия не были обнаружены. Т. Т. N. Do и коллеги установили, что общая функциональная связанность положительно связана с уровнем когнитивной нагрузки в нормальном состоянии, но отрицательно связана – в состоянии утомленности [89].

Два исследования были посвящены употреблению алкоголя в подростковом возрасте. Одно из них [90] показало, что употребление алкоголя отрицательно связано с мощностью тета-ритма при выполнении задачи Фланкера, данная связь объясняется преимущественно генетическими факторами. Другое [57] выявило связь употребления алкоголя с уменьшением процентной доли быстрого сна, увеличением времени засыпания и уменьшением общего времени сна.

Воздействие в раннем возрасте

Три работы были посвящены влиянию на ЭЭГ воздействий, имевших место в младенческом возрасте. A. Brandes-Aitken и другие обнаружили, что материнский стресс, измеренный как уровень кортизола, связан с увеличением относительной мощности тета-ритма и снижением относительной мощности бета-ритма во фронтальных долях у младенцев между 3 и 15 месяцами [91].

C. Stamoulis и коллеги выявили, что у младенцев, оставшихся без попечения родителей, к 8 годам обнаруживались аномалии функциональной связанности: чрезмерно высокая функциональная связанность в затылочно-теменной сети и недостаточная функциональная связанность между левыми височными и билатеральными регионами [92]. Обратная ситуация – высокое внимание матери к младенцу – связана с большей межличностной синхронизацией ребенка и матери в правой височно-лобной сети во время взаимодействия [93].

Нейростимуляция и когнитивные тренировки

Две работы посвящены изменениям ЭЭГ, вызванным нейростимуляцией. По мнению K. T. Jones и других ученых, транскраниальная стимуляция переменным током способна увеличить функциональную связанность при выполнении заданий на когнитивный контроль и повысить успешность выполнения этого задания в пожилом возрасте [94]. Другое исследование [95] показало, что после транскраниальной стимуляции,

совмещенной с тренировкой рабочей памяти, наблюдалось снижение мощности альфа-ритма в затылочных долях при выполнении заданий на рабочую память. В совокупности с поведенческими данными (улучшение выполнения задания) эти результаты свидетельствуют о том, что совмещение стимуляции с тренировкой повысило эффективность удержания объектов в рабочей памяти. Кроме этого, в работе F. Pugin и коллег [96] выявлено увеличение мощности медленных волн (дельта- и тета-ритмов) в левой фронтально-височной области во время сна после трех недель тренировки рабочей памяти.

ЭЭГ-предикторы социально-эмоциональной сферы

Третье направление лонгитюдных исследований посвящено тому, как показатели ЭЭГ, записанные в более раннем возрасте, могут предсказывать личностные особенности (например, тревожность, умение регулировать эмоции, стратегии поведения в обществе) в более позднем возрасте или, напротив, личностные особенности в раннем возрасте предсказывают показатели ЭЭГ в более позднем возрасте.

Ряд исследований показывает значимость асимметрии активации во фронтальных областях, особенно на уровне альфа-ритма как предиктора личностных особенностей. Так, большая активация в правых фронтальных областях, по сравнению с левыми, зарегистрированная в раннем детстве (4,5 года), связана с высокой тревожностью и трудностями в регулировании эмоций в 9 лет [97]. Дети 6–7 лет с более высокой альфа-активностью правого полушария спустя два года демонстрировали выраженные стратегии избегания в социальной и эмоциональной сфере, тогда как дети с более высокой альфа-активностью левого полушария – стратегии достижения [98]. У детей, демонстрирующих торможение поведения в 2–3 года, более высокая альфа-активность правого полушария в 12 лет связана с высокой чувствительностью к ошибкам в социальном контексте [99]. У молодых людей, которые демонстрировали повышенную чувствительность к социальным проблемам, стеснительность оказалась связана с более высокой активацией правой фронтальной коры 10 лет спустя [100]. Дети с высокой негативной эмоциональностью и низкой позитивной эмоциональностью в 3 года демонстрируют снижение относительной активации левой фронтальной коры к 6 годам [101]. Высокая реактивность в 4 месяца и пугливость в 14 и 21 месяц связана с более высокой мощностью альфа-ритма в правой фронтальной коре по сравнению с левой в 10 лет [102]. Еще одно исследование показало, что высокая пугливость в 36 месяцев предсказывает асимметрию ЭЭГ-активности в 48 месяцев, но не наоборот [36].

J. Не и соавторы также выявили, что асимметрия активации во фронтальных долях модерирует взаимосвязь между агрессивностью в 4 месяца и способностью к ингибиторному контролю в 9 месяцев: для младенцев с более высокой активностью правого полушария наблюдалась выраженная отрицательная связь, а для младенцев с более высокой активностью левого полушария связи не наблюдалось [103]. A. P. R. Broomell, J. Savla и M. A. Bell установили, что высокая ЭЭГ-когерентность в правой фронтально-височной области по сравнению с левой в младенческом возрасте предсказывает меньшее торможение поведения в 2 года, что, в свою очередь, предсказывает меньшую социальную отзывчивость в 4 года [104].

Некоторые исследования фокусируются на согласованности различных ритмов ЭЭГ-активности как предикторе социально-эмоциональных качеств. Так, дети с высокой и стабильной социальной тревожностью имели более высокие корреляции дельта- и бета-ритмов в состоянии покоя, записанные годом ранее [105]. Другое исследование показало, что высокая корреляция дельта- и бета-ритмов в 5–7 лет связана с адаптивными стратегиями регуляции эмоций два года спустя [106]. Корреляция дельта- и бета-ритмов может отражать функциональную согласованность кортикалных и субкортикалных нейронных цепей, которая важна для эмоциональной регуляции [106]. Более высокая фазовая синхронизация бета- и тета-ритмов в состоянии покоя 12–15 лет предсказывает более низкий уровень психологического дистресса и более высокий уровень субъективного благополучия к моменту окончания школы [107]. Высокая синхронизация различных частот (*cross-frequency coupling*) в областях мозга, ассоциированных с эмоциями, вниманием и обработкой социальной информации, связана с интроверсией в период 7–10 лет [70].

Еще в двух исследованиях была выявлена роль мощности альфа-ритма как предиктора социальных и эмоциональных качеств. Мощность альфа-ритма во фронтальных долях в детстве оказалась положительно связана с уровнем агрессии в подростковом возрасте у мальчиков, и эта связь полностью объясняется генетическими факторами [108]. В другом исследовании [109] испытуемые, отмечавшие высокую значимость религии и духовности, демонстрировали более высокую мощность альфа-ритма 10 лет спустя по сравнению с контрольной группой.

В работе G. G. Knyazev и других выявлена важность баланса активности различных сетей мозга: изменение баланса между активностью сети пассивного режима работы мозга и центральной исполнительной сети в альфа-диапазоне между 7 и 8 годами предсказывает положительные личностные качества

ребенка по оценке родителей [71]. Наконец, низкое качество сна и более долгое засыпание, измеренное при помощи электроэнцефалограммы в 5 лет, предсказывает жестокость и низкий уровень эмпатии в 14 лет [110].

ЭЭГ-предикторы когнитивных и метакогнитивных навыков

Четвертое направление исследований фокусируется на изучении лонгитюдных взаимосвязей между особенностями ЭЭГ и когнитивными и метакогнитивными навыками. Ряд исследований показывает наличие ЭЭГ-предикторов когнитивных способностей уже в младенческом возрасте. В частности, ЭЭГ-активность в левых фронтальных и центральных областях коры, записанная в 14 месяцев, предсказывает способность младенца к поддержанию совместного внимания в 18 месяцев [111; 112], мощность в диапазонах 4–6 Гц и 6–9 Гц во фронтальных областях коры в 14 месяцев предсказывает способность младенцев к протодекларативному указанию в 18 месяцев [113], а более высокая мощность тета-ритма во время концентрации внимания у младенцев в 3 месяца предсказывает более высокую способность к запоминанию объектов в 9 месяцев [114].

Возрастные изменения, происходящие в младенческом возрасте, также влияют на связь между особенностями ЭЭГ и когнитивными навыками. Например, изменение активности мозга при выполнении заданий на рабочую память по сравнению с состоянием покоя предсказывает объем рабочей памяти у младенцев в возрасте 10 месяцев, но не предсказывает – у младенцев в возрасте 5 месяцев. А увеличение ЭЭГ-когерентности при выполнении задания на рабочую память по сравнению с состоянием покоя более локализовано у младенцев 10 месяцев по сравнению с младенцами 5 месяцев [115]. Еще одно исследование [116] выявило, что при выполнении задания на рабочую память у младенцев менялась мощность электрической активности во всей коре мозга, а у детей 4,5 лет – только во фронтальной медиальной коре. ЭЭГ-когерентность у младенцев изменялась для всех пар электродов, а у детей 4,5 лет – только для пар электродов, расположенных в области медиальной фронтальной / задней височной коры, и для пар, расположенных в области медиальной фронтальной / затылочной коры. Данные результаты свидетельствуют о локализации активности, связанной с рабочей памятью, по мере взросления [116].

Исследования детей более старшего возраста демонстрируют наличие ЭЭГ-предикторов для способности к чтению. Так, дошкольники с более высокой синхронизацией речи и активности мозга

(показатель того, насколько мозг отслеживает речь) на уровне дельта-ритма в правом полушарии показывали более высокие результаты по чтению после окончания первого класса [117]. А дети, демонстрирующие трудности в чтении в 3 классе, имели более высокую амплитуду альфа-ритма и более низкую амплитуду дельта-ритма в состоянии покоя в возрасте 3 лет [118]. Незрелость ЭЭГ-ритмов в 7 лет предсказывает трудности в освоении чтения и речевых навыков [119]. Помимо этого, одно исследование показало, что ЭЭГ в состоянии покоя, записанная в 4 года, предсказывает активность мозга при выполнении заданий на *теорию сознания* (*theory of mind*) в дорсальной медиальной префронтальной коре [120].

Два исследования касаются ЭЭГ-предикторов когнитивных способностей пожилых людей. Одно из них [121] выявило связь между частотой альфа-ритма и экспонентой апериодической активности в состоянии покоя и снижением когнитивных способностей через 10 лет у людей в зрелом и старческом возрасте. Другое [122] установило, что увеличение фазовой синхронизации тета- и гамма-ритмов связано с улучшением выполнения заданий на рабочую память у пожилых людей.

Обсуждение

Подавляющее большинство исследований посвящено возрастным изменениям ЭЭГ, особенно в младенческом, детском и подростковом возрасте. В этой области получен ряд широко реплицируемых результатов, таких как снижение апериодической активности мозга [7; 8; 33; 34; 36], снижение активности на низких частотах и повышение активности на высоких частотах по мере взросления [1; 9; 10; 51–57]. При этом некоторые исследования [63; 64] противоречат друг другу касательно траекторий возрастных изменений характеристик сонных веретен. Возможными объяснениями противоречий могут быть нелинейные паттерны изменений – возрастания показателей в одном возрастном диапазоне и снижения в другом [22], а также наличие различных сценариев в зависимости от индивидуальных особенностей [10]. Практически отсутствуют лонгитюдные ЭЭГ-исследования, посвященные процессам здорового старения мозга. Было найдено только одно исследование здоровых пожилых людей [72], в котором не удалось выявить устойчивые паттерны изменений.

В исследованиях, в которых изучаются различные воздействия на ЭЭГ, особое внимание уделяется медитациям и тренингам, направленным на развитие осознанности и улучшения качества жизни. Из-за того, что исследования в этой области фокусируются на разных параметрах ЭЭГ,

обобщить результаты затруднительно. Как минимум два исследования [78; 79] показывают снижение продолжительности и мощности микросостояний на ЭЭГ после проведенного воздействия. В целом результаты демонстрируют эффективность интервенций на психофизиологическом и поведенческом уровне [77; 79; 81]. Отдельные исследования посвящены влиянию на ЭЭГ образа жизни, эмоциональных состояний, воздействий в раннем детстве. Малое количество исследований, различные цели и дизайн не позволяют сделать общие выводы.

Исследования, направленные на выявление ЭЭГ-предикторов социальных и эмоциональных черт, подчеркивают связь большей активации правой фронтальной коры по сравнению с левой и ряда неадаптивных личностных особенностей, таких как общая и социальная тревожность, стратегии избегания [36; 97; 98; 101; 102]. Особенно выраженной эта связь является для детей и подростков, имеющих поведенческие предрасположенности к развитию данных признаков [99; 100]. Ряд исследований посвящен влиянию синхронизации различных ритмов и различных участков мозга, а также мощности альфа-ритма на социальные и эмоциональные качества, но различия в исследуемых фенотипах и дизайнах исследований не позволяют обобщить результаты. В частности, два исследования, сфокусированных на корреляции дельта- и бета-ритмов, показали противоположные результаты: в одном из них сильная связь коррелирует с высокой тревожностью [105], в другом – с адаптивными стратегиями регулирования эмоций [106].

Исследования, направленные на выявление ЭЭГ-предикторов когнитивных черт, разнородны по исследуемым фенотипам, параметрам ЭЭГ и возрасту испытуемых. В целом исследования свидетельствуют о большей локализации областей мозга, активирующихся при выполнении когнитивных задач, с возрастом [115; 116]. Отметим, что исследования проводились с участием младенцев, детей младшего возраста, взрослых и пожилых людей. Не было обнаружено лонгитюдных ЭЭГ-исследований когнитивных способностей подростков. Три работы [117–119] были посвящены ЭЭГ-предикторам чтения у детей дошкольного и младшего школьного возраста, но обобщить результаты невозможно из-за разных исследуемых параметров ЭЭГ.

Заключение

Данный обзор выявляет недостаток знания о траекториях развития нейронных механизмов когнитивных способностей подростков школьного возраста, несмотря на то что подростковый возраст – это период активного развития когнитивных способностей. При этом ряд кросс-секционных

исследований показывает актуальность подобных работ. В частности, были выявлены нейронные корреляты математической одаренности [123] и рабочей памяти [124] подростков. Сравнение нейронных механизмов рабочей памяти у детей, взрослых и подростков выявило как общие принципы, так возрастную специфику [124]. Необходимы лонгитюдные ЭЭГ-исследования для понимания динамики изменений нейронных механизмов когнитивных способностей в подростковом возрасте. Такие исследования в совокупности с существующими исследованиями, проведенными на младенческих и детских выборках, а также выборках людей пожилого возраста,

помогут понять, как нейронные механизмы, лежащие в основе когнитивных способностей, развиваются на протяжении жизни и обуславливают возрастные изменения в успешности выполнения когнитивных заданий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflict of interest in relation to the research, authorship, and/or publication of this article.

Литература / References

1. Segalowitz S. J., Santesso D. L., Jetha M. K. Electrophysiological changes during adolescence: A review. *Brain and Cognition*, 2010, 72(1): 86–100. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2009.10.003>
2. Zhang H., Zhou Q. Q., Chen H., Hu X. Q., Li W. G., Bai Y., Han J. X., Wang Y., Liang Z. H., Chen D., Cong F. Y., Yan J. Q., Li X. L. The applied principles of EEG analysis methods in neuroscience and clinical neurology. *Military Medical Research*, 2023, 10(1). <https://doi.org/10.1186/s40779-023-00502-7>
3. Müller-Putz G. R. Electroencephalography. *Handbook of Clinical Neurology*, 2020, 168: 249–262. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-63934-9.00018-4>
4. Seneviratne U., D'Souza W. J. Ambulatory EEG. *Handbook of clinical neurology*, 2019, 160: 161–170. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-64032-1.00010-2>
5. Romagnoli S., Franchi F., Ricci Z. Processed EEG monitoring for anesthesia and intensive care practice. *Minerva Anestesiologica*, 2019, 85(11): 1219–1230. <https://doi.org/10.23736/S0375-9393.19.13478-5>
6. Omejc N., Rojc B., Battaglini P. P., Marusic U. Review of the therapeutic neurofeedback method using electroencephalography: EEG Neurofeedback. *Bosnian Journal of Basic Medical Sciences*, 2019, 19(3): 213–220. <https://doi.org/10.17305/bjbms.2018.3785>
7. McSweeney M., Morales S., Valadez E. A., Buzzell G. A., Fox N. A. Longitudinal age- and sex-related change in background aperiodic activity during early adolescence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 2021, 52. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2021.101035>
8. McKeon S. D., Perica M. I., Parr A. C., Calabro F. J., Foran W., Hetherington H., Moon C.-H., Luna B. Aperiodic EEG and 7T MRSI evidence for maturation of E/I balance supporting the development of working memory through adolescence. *bioRxiv*, 2023. <https://doi.org/10.1101/2023.09.06.556453>
9. Cragg L., Kovacevic N., McIntosh A. R., Poulsen C., Martinu K., Leonard G., Paus T. Maturation of EEG power spectra in early adolescence: A longitudinal study. *Developmental Science*, 2011, 14(5): 935–943. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2010.01031.x>
10. Soroko S. I., Shemyakina N. V., Nagornova Z. V., Bekshaev S. S. Longitudinal study of EEG frequency maturation and power changes in children on the Russian North. *International Journal of Developmental Neuroscience*, 2014, 38: 127–137. <https://doi.org/10.1016/j.ijdevneu.2014.08.012>
11. Jackson A. F., Bolger D. J. The neurophysiological bases of EEG and EEG measurement: A review for the rest of us. *Psychophysiology*, 2014, 51(11): 1061–1071. <https://doi.org/10.1111/psyp.12283>
12. Chan H. L., Kuo P. C., Cheng C. Y., Chen Y. S. Challenges and future perspectives on electroencephalogram-based biometrics in person recognition. *Frontiers in Neuroinformatics*, 2018, 12. <https://doi.org/10.3389/fninf.2018.00066>
13. Zhong W., An X., Di Y., Zhang L., Ming D. Review on identity feature extraction methods based on electroencephalogram signals. *Journal of Biomedical Engineering*, 2021, 38(6): 1203–1210. <https://doi.org/10.7507/1001-5515.202102057>
14. Ahmadieh H., Ghassemi F. Assessing the effects of Alzheimer disease on EEG signals using the entropy measure: A meta-analysis. *Basic and Clinical Neuroscience*, 2022, 13(2): 153–164. <https://doi.org/10.32598/bcn.2021.1144.3>
15. Smailovic U., Jelic V. Neurophysiological markers of Alzheimer's disease: Quantitative EEG approach. *Neurology and Therapy*, 2019, 8: 37–55. <https://doi.org/10.1007/s40120-019-00169-0>
16. Bangert M., Altenmüller E. O. Mapping perception to action in piano practice: A longitudinal DC-EEG study. *BMC Neuroscience*, 2003, 4. <https://doi.org/10.1186/1471-2202-4-26>

17. Shaw S. B., Levy Y., Mizzi A., Herman G., McKinnon M. C., Heisz J. J., Becker S. Combined aerobic exercise and neurofeedback lead to improved task-relevant intrinsic network synchrony. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2022, 16. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.838614>
18. Kavčič A., Demšar J., Georgiev D., Bon J., Soltirovska-Šalamon A. Age-related changes and sex-related differences of functional brain networks in childhood: A high-density EEG study. *Clinical Neurophysiology*, 2023, 150: 216–226. <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2023.03.357>
19. Kroupi E., JH Jones E., Oakley B., Buitelaar J., Charman T., Loth E., Murphy D., Soria-Frisch A. Age-related differences in delta-beta phase-amplitude coupling in autistic individuals. *Clinical Neurophysiology*, 2024, 167: 74–83. <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2024.08.010>
20. Raudenbush S. W. Comparing personal trajectories and drawing causal inferences from longitudinal data. *Annual Review of Psychology*, 2001, 52: 501–525. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.501>
21. Boland J., Telesca D., Sugar C., Jeste S., Goldbeck C., Senturk D. A study of longitudinal trends in time-frequency transformations of EEG data during a learning experiment. *Computational Statistics & Data Analysis*, 2022, 167. <https://doi.org/10.1016/j.csda.2021.107367>
22. Ricci A., He F., Calhoun S. L., Fang J., Vgontzas A. N., Liao D., Bixler E. O., Younes M., Fernandez-Mendoza J. Sex and pubertal differences in the maturational trajectories of sleep spindles in the transition from childhood to adolescence: A population-based study. *eNeuro*, 2021, 8(4). <https://doi.org/10.1523/eneuro.0257-21.2021>
23. Dawson G., Rieder A. D., Johnson M. H. Prediction of autism in infants: Progress and challenges. *The Lancet Neurology*, 2023, 22(3): 244–254. [https://doi.org/10.1016/S1474-4422\(22\)00407-0](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(22)00407-0)
24. Giannakopoulos P., Missonnier P., Gold G., Michon A. Electrophysiological markers of rapid cognitive decline in mild cognitive impairment. *Frontiers of Neurology and Neuroscience*, 2009, 24: 39–46. <https://doi.org/10.1159/000197898>
25. Jeong J. EEG dynamics in patients with Alzheimer's disease. *Clinical Neurophysiology*, 2004, 115(7): 1490–1505. <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2004.01.001>
26. Dijkstra F., de Volder I., Viaene M., Cras P., Crosiers D. Polysomnographic predictors of sleep, motor, and cognitive dysfunction progression in Parkinson's disease. *Current Neurology and Neuroscience Reports*, 2022, 22(10): 657–674. <https://doi.org/10.1007/s11910-022-01226-2>
27. Arheix-Parras S., Glize B., Guehl D., Python G. Electrophysiological changes in patients with post-stroke aphasia: A systematic review. *Brain Topography*, 2023, 36: 135–171. <https://doi.org/10.1007/s10548-023-00941-4>
28. Watts D., Pulice R. F., Reilly J., Brunoni A. R., Kapczinski F., Passos I. C. Predicting treatment response using EEG in major depressive disorder: A machine-learning meta-analysis. *Translational Psychiatry*, 2022, 12(1). <https://doi.org/10.1038/s41398-022-02064-z>
29. Jacobs R. H., Orr J. L., Gowins J. R., Forbes E. E., Langenecker S. A. Biomarkers of intergenerational risk for depression: A review of mechanisms in longitudinal high-risk (LHR) studies. *Journal of Affective Disorders*, 2015, 175: 494–506. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2015.01.038>
30. Bel-Bahar T. S., Khan A. A., Shaik R. B., Parvaz M. A. A scoping review of electroencephalographic (EEG) markers for tracking neurophysiological changes and predicting outcomes in substance use disorder treatment. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2022, 16. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.995534>
31. Abbott C. C., Gallegos P., Rediske N., Lemke N. T., Quinn D. K. A review of longitudinal electroconvulsive therapy: Neuroimaging investigations. *Journal of Geriatric Psychiatry and Neurology*, 2014, 27(1): 33–46. <https://doi.org/10.1177/0891988713516542>
32. Feinberg I., Campbell I. G. Sleep EEG changes during adolescence: An index of a fundamental brain reorganization. *Brain and Cognition*, 2010, 72(1): 56–65. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2009.09.008>
33. Schawronkow N., Voytek B. Longitudinal changes in aperiodic and periodic activity in electrophysiological recordings in the first seven months of life. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 2021, 47. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2020.100895>
34. Rico-Picó J., Moyano S., Conejero Á., Hoyo Á., Ballesteros-Duperón M. Á., Rueda M. R. Early development of electrophysiological activity: Contribution of periodic and aperiodic components of the EEG signal. *Psychophysiology*, 2023, 60(11). <https://doi.org/10.1111/psyp.14360>
35. Wilkinson C. L., Yankowitz L. D., Chao J. Y., Gutiérrez R., Rhoades J. L., Shinnar S., Purdon P. L., Nelson C. A. Developmental trajectories of EEG aperiodic and periodic components in children 2–44 months of age. *Nature Communications*, 2024, 15(1). <https://doi.org/10.1038/s41467-024-50204-4>
36. Howarth G. Z., Fettig N. B., Curby T. W., Bell M. A. Frontal electroencephalogram asymmetry and temperament across infancy and early childhood: An exploration of stability and bidirectional relations. *Child Development*, 2016, 87(2): 465–476. <https://doi.org/10.1111/cdev.12466>

37. Jenni O. G., Borbély A. A., Achermann P. Development of the nocturnal sleep electroencephalogram in human infants. *American Journal of Physiology-Regulatory, Integrative and Comparative Physiology*, 2004, 286(3): R528–R538. <https://doi.org/10.1152/ajpregu.00503.2003>
38. Beaugrand M., Jaramillo V., Markovic A., Huber R., Kohler M., Schoch S. F., Kurth S. Lack of association between behavioral development and simplified topographical markers of the sleep EEG in infancy. *Neurobiology of Sleep and Circadian Rhythms*, 2023, 15. <https://doi.org/10.1016/j.nbscr.2023.100098>
39. LeBourgeois M. K., Dean D. C., Deoni S. C. L., Kohler M., Kurth S. A simple sleep EEG marker in childhood predicts brain myelin 3.5 years later. *NeuroImage*, 2019, 199: 342–350. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2019.05.072>
40. Attaheri A., Choisdealbha Á. N., Di Liberto G. M., Rocha S., Brusini P., Mead N., Olawole-Scott H., Boutris P., Gibbon S., Williams I., Grey C., Flanagan S., Goswami U. Delta- and theta-band cortical tracking and phase-amplitude coupling to sung speech by infants. *NeuroImage*, 2022, 247. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2021.118698>
41. Van der Velde B., White T., Kemner C. The emergence of a theta social brain network during infancy. *NeuroImage*, 2021, 240. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2021.118298>
42. Lustenberger C., Moutouh A. L., Tesler N., Kurth S., Ringli M., Buchmann A., Jenni O. G., Huber R. Developmental trajectories of EEG sleep slow wave activity as a marker for motor skill development during adolescence: A pilot study. *Developmental Psychobiology*, 2017, 59(1): 5–14. <https://doi.org/10.1002/dev.21446>
43. Dünki R. M., Schmid G. B., Stassen H. H. Intraindividual specificity and stability of human EEG: Comparing a linear vs a nonlinear approach. *Methods of Information in Medicine*, 2000, 39(1): 78–82. <https://doi.org/10.1055/s-0038-1634249>
44. Maiorana E., Campisi P. Longitudinal evaluation of EEG-based biometric recognition. *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*, 2018, 13(5): 1123–1138. <https://doi.org/10.1109/tifs.2017.2778010>
45. Vandenbosch M. M. L. J. Z., Van 't Ent D., Boomsma D. I., Anokhin A. P., Smit D. J. A. EEG-based age-prediction models as stable and heritable indicators of brain maturational level in children and adolescents. *Human Brain Mapping*, 2019, 40(6): 1919–1926. <https://doi.org/10.1002/hbm.24501>
46. Al Zoubi O., Ki Wong C., Kuplicki R. T., Yeh H., Mayeli A., Refai H., Paulus M., Bodurka J. Predicting age from brain EEG signals – A machine learning approach. *Frontiers in Aging Neuroscience*, 2018, 10. <https://doi.org/10.3389/fnagi.2018.00184>
47. Müller B. C. N., Kühn-Popp N., Meinhardt J., Sodian B., Paulus M. Long-term stability in children's frontal EEG alpha asymmetry between 14-months and 83-months. *International Journal of Developmental Neuroscience*, 2015, 41(1): 110–114. <https://doi.org/10.1016/j.ijdevneu.2015.01.002>
48. Markovic A., Achermann P., Rusterholz T., Tarokh L. Heritability of sleep EEG topography in adolescence: Results from a longitudinal twin study. *Scientific Reports*, 2018, 8(1): 3–13. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-25590-7>
49. Feinberg I., Campbell I. G. Longitudinal sleep EEG trajectories indicate complex patterns of adolescent brain maturation. *American Journal of Physiology-Regulatory, Integrative and Comparative Physiology*, 2013, 304(4): R296–R303. <https://doi.org/10.1152/ajpregu.00422.2012>
50. Vakorin V. A., McIntosh A. R., Mišić B., Krakovska O., Poulsen C., Martinu K., Paus T. Exploring age-related changes in dynamical non-stationarity in electroencephalographic signals during early adolescence. *PLOS ONE*, 2013, 8(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0057217>
51. Gmehlin D., Thomas C., Weisbrod M., Walther S., Pfüller U., Resch F., Oelkers-Ax R. Individual analysis of EEG background activity within school age: Impact of age and sex within a longitudinal data set. *International Journal of Developmental Neuroscience*, 2011, 29(2): 163–170. <https://doi.org/10.1016/j.ijdevneu.2010.11.005>
52. Campbell I. G., Darchia N., Higgins L. M., Dykan I. V., Davis N. M., de Bie E., Feinberg I. Adolescent changes in homeostatic regulation of EEG activity in the delta and theta frequency bands during NREM sleep. *Sleep*, 2011, 34(1): 83–91. <https://doi.org/10.1093/sleep/34.1.83>
53. Campbell I. G., Van Dongen H. P. A., Gainer M., Karmouta E., Feinberg I. Differential and interacting effects of age and sleep restriction on daytime sleepiness and vigilance in adolescence: A longitudinal study. *Sleep*, 2018, 41(12): 1–8. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsy177>
54. Baker F. C., Turlington S. R., Colrain I. Developmental changes in the sleep electroencephalogram of adolescent boys and girls. *Journal of Sleep Research*, 2011, 21(1): 59–67. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2869.2011.00930.x>
55. Olbrich E., Rusterholz T., LeBourgeois M. K., Achermann P. Developmental changes in sleep oscillations during early childhood. *Neural Plasticity*, 2017, (1): 1–12. <https://doi.org/10.1155/2017/6160959>
56. Ricci A., He F., Fang J., Calhoun S. L., Vgontzas A. N., Liao D., Younes M., Bixler E. O., Fernandez-Mendoza J. Maturational trajectories of non-rapid eye movement slow wave activity and odds ratio product in a population-based sample of youth. *Sleep Medicine*, 2021, 83: 271–279. <https://doi.org/10.1016/j.sleep.2021.05.002>

57. Kiss O., Goldstone A., de Zambotti M., Yüksel D., Hasler B. P., Franzen P. L., Brown S. A., De Bellis M. D., Nagel B. J., Nooner K. B., Tapert S. F., Colrain I. M., Clark D. B., Baker F. C. Effects of emerging alcohol use on developmental trajectories of functional sleep measures in adolescents. *Sleep*, 2023, 46(9): 1–14. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsad113>
58. Campbell I. G., Feinberg I. Longitudinal trajectories of non-rapid eye movement delta and theta EEG as indicators of adolescent brain maturation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2009, 106(13): 5177–5180. <https://doi.org/10.1073/pnas.0812947106>
59. Campbell I. G., Higgins L. M., Trinidad J. M., Richardson P., Feinberg I. The increase in longitudinally measured sleepiness across adolescence is related to the maturational decline in low-frequency EEG power. *Sleep*, 2007, 30(12): 1677–1687. <https://doi.org/10.1093/sleep/30.12.1677>
60. Feinberg I., Higgins L. M., Khaw W. Y., Campbell I. G. The adolescent decline of NREM delta, an indicator of brain maturation, is linked to age and sex but not to pubertal stage. *American Journal of Physiology-Regulatory, Integrative and Comparative Physiology*, 2006, 291(6): R1724–R1729. <https://doi.org/10.1152/ajpregu.00293.2006>
61. Kurth S., Riedner B. A., Dean D. C., O'Muircheartaigh J., Huber R., Jenni O. G., Deoni S. C. L., LeBourgeois M. K. Traveling slow oscillations during sleep: A marker of brain connectivity in childhood. *Sleep*, 2017, 40(9): 1–10. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsx121>
62. Campbell I. G., Kraus A. M., Burright C. S., Feinberg I. Restricting time in bed in early adolescence reduces both NREM and REM sleep but does not increase slow-wave EEG. *Sleep*, 2016, 39(9): 1663–1670. <https://doi.org/10.5665/sleep.6088>
63. McClain I. J., Lustenberger C., Achermann P., Lassonde J. M., Kurth S., LeBourgeois M. K. Developmental changes in sleep spindle characteristics and sigma power across early childhood. *Neural Plasticity*, 2016, (1): 1–9. <https://doi.org/10.1155/2016/3670951>
64. Zhang Z. Y., Campbell I. G., Dhayagude P., Espino H. C., Feinberg I. Longitudinal analysis of sleep spindle maturation from childhood through late adolescence. *The Journal of Neuroscience: The Official Journal of the Society for Neuroscience*, 2021, 41(19): 4253–4261. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.2370-20.2021>
65. Campbell I. G., Feinberg I. Maturational patterns of sigma frequency power across childhood and adolescence: A longitudinal study. *Sleep*, 2016, 39(1): 193–201. <https://doi.org/10.5665/sleep.5346>
66. Campbell I. G., Darchia N., Khaw W. Y., Higgins L. M., Feinberg I. Sleep EEG evidence of sex differences in adolescent brain maturation. *Sleep*, 2005, 28(5): 637–643. <https://doi.org/10.1093/sleep/28.5.637>
67. Van Baal G. C. M., Boomsma D. I., De Geus E. J. C. Longitudinal genetic analysis of EEG coherence in young twins. *Behavior Genetics*, 2001, 31(6): 637–651. <https://doi.org/10.1023/a:1013357714500>
68. Ríos-López P., Molinaro N., Bourguignon M., Lallier M. Development of neural oscillatory activity in response to speech in children from 4 to 6 years old. *Developmental Science*, 2020, 23(6): 1–16. <https://doi.org/10.1111/desc.12947>
69. Tarokh L., Carskadon M. A., Achermann P. Developmental changes in brain connectivity assessed using the sleep EEG. *Neuroscience*, 2010, 171(2): 622–634. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2010.08.071>
70. Knyazev G. G., Savostyanov A. N., Bocharov A. V., Tamozhnikov S. S., Kozlova E. A., Leto I. V., Slobodskaya H. R. Cross-frequency coupling in developmental perspective. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2019, 13. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00158>
71. Knyazev G. G., Savostyanov A. N., Bocharov A. V., Slobodskaya H. R., Bairova N. B., Tamozhnikov S. S., Stepanova V. V. Effortful control and resting state networks: A longitudinal EEG study. *Neuroscience*, 2017, 346: 365–381. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2017.01.031>
72. Gao C., Scullin M. K. Age-related longitudinal trajectories in NREM and REM spectral power. *Sleep*, 2020, 43(1): A130–A131. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsaa056.341>
73. Saggar M., Zunesco A. P., King B. G., Bridwell D. A., MacLean K. A., Aichele S. R., Jacobs T. L., Wallace B. A., Saron C. D., Miikkulainen R. Mean-field thalamocortical modeling of longitudinal EEG acquired during intensive meditation training. *NeuroImage*, 2015, 114: 88–104. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2015.03.073>
74. Saggar M., King B. G., Zunesco A. P., MacLean K. A., Aichele S. R., Jacobs T. L., Bridwell D. A., Shaver P. R., Rosenberg E. L., Sahdra B. K., Ferrer E., Tang A. C., Mangun G. R., Wallace B. A., Miikkulainen R., Saron C. D. Intensive training induces longitudinal changes in meditation state-related EEG oscillatory activity. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2012, 6. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00256>
75. Skwara A. C., King B. G., Zunesco A. P., Saron C. D. Shifting baselines: Longitudinal reductions in EEG beta band power characterize resting brain activity with intensive meditation. *Mindfulness*, 2022, 13(10): 2488–2506. <https://doi.org/10.1007/s12671-022-01974-9>

76. Gao J., Fan J., Wu B. W. Y., Zhang Z., Chang C., Hung Y.-S., Sik H. H. Entrainment of chaotic activities in brain and heart during MBSR mindfulness training. *Neuroscience Letters*, 2016, 616: 218–223. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2016.01.001>
77. An A., Hoang H., Trang L., Vo Q., Tran L., Le T., Le A., McCormick A., Du Old K., Williams N. S., Mackellar G., Nguyen E., Luong T., Nguyen V., Nguyen K., Ha H. Investigating the effect of mindfulness-based stress reduction on stress level and brain activity of college students. *IBRO Neuroscience Reports*, 2022, 12: 399–410. <https://doi.org/10.1016/j.ibneur.2022.05.004>
78. Zanesco A. P., Skwara A. C., King B. G., Powers C., Wineberg K., Saron C. D. Meditation training modulates brain electric microstates and felt states of awareness. *Human Brain Mapping*, 2021, 42(10): 3228–3252. <https://doi.org/10.1002/hbm.25430>
79. Dziego C. A., Zanesco A. P., Bornkessel-Schlesewsky I., Schlesewsky M., Stanley E. A., Jha A. P. Mindfulness training in high-demand cohorts alters resting-state electroencephalography: An exploratory investigation of individual alpha frequency, aperiodic 1/f activity, and microstates. *Biological Psychiatry Global Open Science*, 2024, 4(6). <https://doi.org/10.1016/j.bpsgos.2024.100383>
80. Moore A., Gruber T., Derose J., Malinowski P. Regular, brief mindfulness meditation practice improves electrophysiological markers of attentional control. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2012, 6. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00018>
81. Nyhus E., Engel W. A., Pitfield T. D., Vakkur I. M. W. Increases in theta oscillatory activity during episodic memory retrieval following mindfulness meditation training. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2019, 13. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00311>
82. Carpentier S. M., Moreno S., McIntosh A. R. Short-term music training enhances complex, distributed neural communication during music and linguistic tasks. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2016, 28(10): 1603–1612. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00988
83. Khalil A., Musacchia G., Iversen J. R. It takes two: Interpersonal neural synchrony is increased after musical interaction. *Brain Sciences*, 2022, 12(3). <https://doi.org/10.3390/brainsci12030409>
84. Moussiopoulou J., Pross B., Handrack M., Keeser D., Pogarell O., Halle M., Falkai P., Scherr J., Hasan A., Roeh A. The influence of marathon running on resting-state EEG activity: A longitudinal observational study. *European Journal of Applied Physiology*, 2024, 124(4): 1311–1321. <https://doi.org/10.1007/s00421-023-05356-4>
85. Campbell I. G., Cruz-Basilio A., Darchia N., Zhang Z. Y., Feinberg I. Effects of sleep restriction on the sleep electroencephalogram of adolescents. *Sleep*, 2021, 44(6): 1–9. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsaa280>
86. Campbell I. G., Grimm K. J., de Bie E., Feinberg I. Sex, puberty, and the timing of sleep EEG-measured adolescent brain maturation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, 109(15): 5740–5743. <https://doi.org/10.1073/pnas.1120860109>
87. Hatzinger M., Brand S., Perren S., Von Wyl A., Stadelmann S., Von Klitzing K., Holsboer-Trachsler E. In pre-school children, sleep objectively assessed via sleep-EEGs remains stable over 12 months and is related to psychological functioning, but not to cortisol secretion. *Journal of Psychiatric Research*, 2013, 47(11): 1809–1814. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2013.08.007>
88. Yousof S., Ibrahim D., El-Baz A., Osama A., El-Wazir Y. Gender difference in the effect of examination stress on brain oscillations during memory tasks. *Suez Canal University Medical Journal*, 2014, 17(1): 21–28. <http://dx.doi.org/10.21608/scumj.2014.45588>
89. Do T. T. N., Wang Y. K., Lin C. T. Increase in brain effective connectivity in multitasking but not in a high-fatigue state. *IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems*, 2020, 1(1): 566–574. <https://doi.org/10.1109/TCDS.2020.2990898>
90. Harper J., Malone S. M., Iacono W. G. Testing the effects of adolescent alcohol use on adult conflict-related theta dynamics. *Clinical Neurophysiology*, 2017, 128(11): 2358–2368. <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2017.08.019>
91. Brandes-Aitken A., Pini N., Weatherhead M., Brito N. H. Maternal hair cortisol predicts periodic and aperiodic infant frontal EEG activity longitudinally across infancy. *Developmental Psychobiology*, 2023, 65(5): 1–11. <https://doi.org/10.1002/dev.22393>
92. Stamoulis C., Vanderwert R. E., Zeanah C. H., Fox N. A., Nelson C. A. Neuronal networks in the developing brain are adversely modulated by early psychosocial neglect. *Journal of Neurophysiology*, 2017, 118(4): 2275–2288. <https://doi.org/10.1152/jn.00014.2017>
93. Schwartz L., Hayut O., Levy J., Gordon I., Feldman R. Sensitive infant care tunes a frontotemporal interbrain network in adolescence. *Scientific Reports*, 2024, 14(1). <https://doi.org/10.1038/s41598-024-73630-2>
94. Jones K. T., Johnson E. L., Gazzaley A., Zanto T. P. Structural and functional network mechanisms of rescuing cognitive control in aging. *NeuroImage*, 2022, 262. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2022.119547>

95. Jones K. T., Peterson D. J., Blacker K. J., Berryhill M. E. Frontoparietal neurostimulation modulates working memory training benefits and oscillatory synchronization. *Brain Research*, 2017, 1667: 28–40. <https://doi.org/10.1016/j.brainres.2017.05.005>
96. Pugin F., Metz A. J., Wolf M., Achermann P., Jenni O. G., Huber R. Local increase of sleep slow wave activity after three weeks of working memory training in children and adolescents. *Sleep*, 2015, 38(4): 607–614. <https://doi.org/10.5665/sleep.4580>
97. Hannesdóttir D. K., Doxie J., Bell M. A., Ollendick T. H., Wolfe C. D. A longitudinal study of emotion regulation and anxiety in middle childhood: Associations with frontal EEG asymmetry in early childhood. *Developmental Psychobiology*, 2010, 52(2): 197–204. <https://doi.org/10.1002/dev.20425>
98. Poole K. L., Santesso D. L., Van Lieshout R. J., Schmidt L. A. Trajectories of frontal brain activity and socio-emotional development in children. *Developmental Psychobiology*, 2018, 60(4): 353–363. <https://doi.org/10.1002/dev.21620>
99. Harrewijn A., Buzzell G. A., Debnath R., Leibenluft E., Pine D. S., Fox N. A. Frontal alpha asymmetry moderates the relations between behavioral inhibition and social-effect ERN. *Biological Psychology*, 2019, 141: 10–16. <https://doi.org/10.1016/j.biopspsycho.2018.12.014>
100. Hassan R., Schmidt L. A. Longitudinal investigation of shyness and physiological vulnerability: Moderating influences of attention biases to threat and safety. *Developmental Psychobiology*, 2021, 63(7): 1–13. <https://doi.org/10.1002/dev.22180>
101. Goldstein B. L., Shankman S. A., Kujawa A., Torpey-Newman D. C., Dyson M. W., Olino T. M., Klein D. N. Positive and negative emotionality at age 3 predicts change in frontal EEG asymmetry across early childhood. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2019, 47(2): 209–219. <https://doi.org/10.1007/s10802-018-0433-7>
102. McManis M. H., Kagan J., Snidman N. C., Woodward S. A. EEG asymmetry, power, and temperament in children. *Developmental Psychobiology*, 2002, 41(2): 169–177. <https://doi.org/10.1002/dev.10053>
103. He J., Degnan K. A., McDermott J. M., Henderson H. A., Hane A. A., Xu Q., Fox N. A. Anger and approach motivation in infancy: Relations to early childhood inhibitory control and behavior problems. *Infancy*, 2010, 15(3): 246–269. <https://doi.org/10.1111/j.1532-7078.2009.00017.x>
104. Broomell A. P. R., Savla J., Bell M. A. Infant electroencephalogram coherence and toddler inhibition are associated with social responsiveness at age 4. *Infancy*, 2019, 24(1): 43–56. <https://doi.org/10.1111/infa.12273>
105. Poole K. L., Schmidt L. A. Frontal brain delta-beta correlation, salivary cortisol, and social anxiety in children. *The Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2019, 60(6): 646–654. <https://doi.org/10.1111/jcpp.13016>
106. Myruski S., Bagrodia R., Dennis-Tiware T. Delta-beta correlation predicts adaptive child emotion regulation concurrently and two years later. *Biological Psychology*, 2022, 167. <https://doi.org/10.1016/j.biopspsycho.2021.108225>
107. Sacks D. D., Schwenn P. E., Boyes A., Mills L., Driver C., Gatt J. M., Lagopoulos J., Hermens D. F. Longitudinal associations between resting-state, interregional theta-beta phase-amplitude coupling, psychological distress, and wellbeing in 12–15-year-old adolescents. *Cerebral Cortex*, 2023, 33(12): 8066–8074. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhad099>
108. Niv S., Ashrafulla S., Tuvblad C., Joshi A., Raine A., Leahy R., Baker L. A. Childhood EEG frontal alpha power as a predictor of adolescent antisocial behavior: A twin heritability study. *Biological Psychology*, 2015, 105: 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.biopspsycho.2014.11.010>
109. Tenke C. E., Kayser J., Svob C., Miller L., Alvarenga J. E., Abraham K., Warner V., Wickramaratne P., Weissman M. M., Bruder G. E. Association of posterior EEG alpha with prioritization of religion or spirituality: A replication and extension at 20-year follow-up. *Biological Psychology*, 2017, 124: 79–86. <https://doi.org/10.1016/j.biopspsycho.2017.01.005>
110. Eisenhut L., Sadeghi-Bahmani D., Ngo V. T., Mikoteit T., Brühl A. B., Stadler C., Dürsteler K. M., Hatzinger M., Brand S. The origins of the dark-hyperactivity and negative peer relationships, an objectively lower sleep efficiency, and a longer sleep onset latency at age five were associated with callous-unemotional traits and low empathy at age 14. *Journal of Clinical Medicine*, 2023, 12(6): 1–18. <https://doi.org/10.3390/jcm12062248>
111. Mundy P., Card J., Fox N. EEG correlates of the development of infant joint attention skills. *Developmental Psychobiology*, 2000, 36(4): 325–338. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1098-2302\(200005\)36:4<325::AID-DEV7>3.0.CO;2-F](https://doi.org/10.1002/(SICI)1098-2302(200005)36:4<325::AID-DEV7>3.0.CO;2-F)
112. Mundy P., Fox N., Card J. EEG coherence, joint attention and language development in the second year. *Developmental Science*, 2003, 6(1): 48–54. <https://doi.org/10.1111/1467-7687.00253>
113. Henderson L. M., Yoder P. J., Yale M. E., McDuffie A. Getting the point: Electrophysiological correlates of protodeclarative pointing. *International Journal of Developmental Neuroscience*, 2002, 20(3-5): 449–458. [https://doi.org/10.1016/s0736-5748\(02\)00038-2](https://doi.org/10.1016/s0736-5748(02)00038-2)
114. Brandes-Aitken A., Metser M., Braren S. H., Vogel S. C., Brito N. H. Neurophysiology of sustained attention in early infancy: Investigating longitudinal relations with recognition memory outcomes. *Infant Behavior and Development*, 2023, 70. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2022.101807>

115. Cuevas K., Bell M. A., Marcovitch S., Calkins S. D. Electroencephalogram and heart rate measures of working memory at 5 and 10 months of age. *Developmental Psychology*, 2012, 48(4): 907–917. <https://doi.org/10.1037/a0026448>
116. Bell M. A., Wolfe C. D. Changes in brain functioning from infancy to early childhood: Evidence from EEG power and coherence working memory tasks. *Developmental Neuropsychology*, 2007, 31(1): 21–38. https://doi.org/10.1207/s15326942dn3101_2
117. Ríos-López P., Molinaro N., Bourguignon M., Lallier M. Right-hemisphere coherence to speech at pre-reading stages predicts reading performance one year later. *Journal of Cognitive Psychology*, 2021, 34(2): 179–193. <https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1986514>
118. Schiavone G., Linkenkaer-Hansen K., Maurits N. M., Plakas A., Maassen B. A. M., Mansvelder H. D., Van der Leij A., Van Zuijen T. L. Preliteracy signatures of poor-reading abilities in resting-state EEG. *Frontiers in human neuroscience*, 2014, 8. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00735>
119. Lyakso E. E., Frolova O. V., Grigorev A. S. Infant vocalizations at the first year of life predict speech development at 2–7 years: Longitudinal study. *Psychology*, 2014, 5(12): 1433–1445. <https://doi.org/10.4236/psych.2014.512154>
120. Bowman L. C., Dodell-Feder D., Saxe R., Sabbagh M. A. Continuity in the neural system supporting children's theory of mind development: Longitudinal links between task-independent EEG and task-dependent fMRI. *Developmental cognitive neuroscience*, 2019, 40. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2019.100705>
121. Finley A. J., Angus D. J., Knight E. L., Van Reekum C. M., Lachman M. E., Davidson R. J., Schaefer S. M. Resting EEG periodic and aperiodic components predict cognitive decline over 10 years. *The Journal of Neuroscience*, 2024, 44(13): 1–12. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.1332-23.2024>
122. Brooks H., Mirjalili M., Wang W., Kumar S., Goodman M. S., Zomorodi R., Blumberger D. M., Bowie C. R., Daskalakis Z. J., Fischer C. E., Flint A. J., Herrmann N., Lanctôt K. L., Mah L., Mulsant B. H., Pollock B. G., Voineskos A. N., Rajji T. K. Assessing the longitudinal relationship between theta-gamma coupling and working memory performance in older adults. *Cerebral Cortex*, 2022, 32(8): 1653–1667. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhab295>
123. Zhang L., Gan J. Q., Wang H. Neurocognitive mechanisms of mathematical giftedness: A literature review. *Applied Neuropsychology: Child*, 2017, 6(1): 79–94. <https://doi.org/10.1080/21622965.2015.1119692>
124. Gómez C. M., Barriga-Paulino C. I., Rodríguez-Martínez E. I., Rojas-Benjumea M. Á., Arjona A., Gómez-González J. The neurophysiology of working memory development: From childhood to adolescence and young adulthood. *Reviews in the Neurosciences*, 2018, 29(3): 261–282. <https://doi.org/10.1515/revneuro-2017-0073>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ibxnxa>

Специфические особенности мотивационной сферы студентов в гендерном аспекте

Сунгатуллина Зульфия Фирдависовна

Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск

eLibrary Author SPIN: 5622-6410

<https://orcid.org/0000-0002-7312-6697>

zulfiya.s2014@yandex.ru

Соловьева Надежда Александровна

Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск

eLibrary Author SPIN: 2123-2794

<https://orcid.org/0000-0002-2377-8013>

Овсянникова Татьяна Вадимовна

Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск

eLibrary Author SPIN: 1143-3252

<https://orcid.org/0000-0002-2956-8869>

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфических особенностей мотивационной сферы студентов разных направлений подготовки, изучающих английский язык в Удмуртском государственном университете и в Ижевской медицинской академии. Цель – выделить специфические особенности мотивационной сферы студентов в гендерном аспекте. В исследовании принимали участие 100 студентов неязыковой специальности первых курсов двух разных вузов. Материал – ответы студентов на опросник В. Молчановского и Л. Шипелевича. В рамках работы на основе гипотез были выделены критерии специфических особенностей мотивационной сферы: 1) количественное соотношение мотивов; 2) зависимость доминирующих мотивов от гендерных особенностей; 3) выявление равенства средних значений; 4) определение взаимосвязи ориентации мотивационной сферы с направлением подготовки студентов; 5) выявление зависимости между спецификой затруднений в изучении английского языка и направлением подготовки студентов. Сопоставив специфические особенности мотивационной сферы девушек студентов-психологов и девушек студентов-медиков, получили такие данные: количество мотивов в мотивационной сфере студенток-медиков больше; различие в доминирующих мотивах; ориентированы на процесс изучения языка; мотив принуждения и обязательности превалирует в мотивационной сфере у студенток-медиков; совпадение в затруднении при изучении языка: письмо, аудирование, говорение, чтение. Специфические особенности мотивационной сферы юношей студентов-психологов и студентов-медиков: приоритет в выборе мотивов у мотивационной сферы студентов-медиков; различие в доминирующих мотивах; мотив принуждения и обязательства у юношей студентов-медиков имеет более высокую степень выраженности, чем у юношей студентов-психологов; ориентации на результат, процесс, оценку преподавателя; различие в затруднении при изучении языка. Данные исследования помогут преподавателю построить занятие в соответствии со специфическими особенностями мотивационной сферы студентов.

Ключевые слова: мотивационная сфера личности, студенты, неязыковая специальность, мотивация к изучению английского языка, гендерный аспект

Цитирование: Сунгатуллина З. Ф., Овсянникова Т. В., Соловьева Н. А. Специфические особенности мотивационной сферы студентов в гендерном аспекте. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 352–362. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-352-362>

Поступила в редакцию 12.03.2025. Принята после рецензирования 12.05.2025. Принята в печать 12.05.2025.

full article

Motivation in University Students: Gender Aspects

Zulfiya F. Sungatullina

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

eLibrary Author SPIN: 5622-6410

<https://orcid.org/0000-0002-7312-6697>

zulchic.979@gmail.com

Tatiana V. Ovsyannikova

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

eLibrary Author SPIN: 1143-3252

<https://orcid.org/0000-0002-2956-8869>

Nadezda A. Solovieva

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

eLibrary Author SPIN: 2123-2794

<https://orcid.org/0000-0002-2377-8013>

Abstract: Some features of motivational sphere depend on the gender. This research featured the correlation between gender and motivation in university students in relation to ESL classes: 100 first-year students of two different non-linguistic majors (psychology and medicine) filled in V. Molchanovsky and L. Shipelevich's questionnaire. The criteria of specific motivational features included: 1) quantitative correlation of motives; 2) correlation between the dominating motives and the gender; 3) equal mean values; 4) correlation between the motivational orientation and the future profession; 5) correlation between difficulties in learning English and the future profession. The female students of medicine and psychology demonstrated the following criteria: 1) the medical students had more motives in the motivational sphere; 2) the two groups had different dominant motives; 3) both were oriented to the process of language learning; 4) the medical students showed more coercion and obligation in the motivational sphere; 5) both groups had the same difficulties in English writing, listening, speaking, and reading. The male students demonstrated the following criteria: 1) the medical students had a priority in the choice of motives in the motivational sphere; 2) the two groups had different dominant motives; 3) the medical students were more prone to coercion and obligation; 4) both groups were oriented to the result, process, and teacher's evaluation; 5) they had different difficulties in language learning. The results might help professors to adjust ESL classes to the specifics of motivational sphere.

Keywords: motivational sphere of personality, students, non-language major, motivation to learn English, gender aspect

Citation: Sungatullina Z. F., Ovsyannikova T. V., Solovieva N. A. Motivation in University Students: Gender Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 352–362. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-352-362>

Received 12 Mar 2025. Accepted after review 12 May 2025. Accepted for publication 12 May 2025.

Введение

В последнее время существуют разногласия между учеными по поводу динамики мотивационной сферы студентов в процессе обучения в высшей школе [1–10]. Вопрос о мотивационной сфере студентов остается одним из наиболее дискуссионных в психологии личности, педагогике. В исследованиях недостаточно рассмотрены особенности мотивационной сферы студентов при изучении английского языка. Приведем разные трактовки понятия *мотивационная сфера личности*:

- «иерархия мотивов на основе их осознания и обобщения в поведении и деятельности» [11, с. 7];
- «осознание объективных закономерностей, понимание значений содержания для себя» [12, с. 40];

- «важнейшая сторона личности, включающая систему мотивов (мотивацию), которая определяется в ее определенном построении (иерархии)» [13, с. 20];
- «совокупность мотивов, которые имеют иерархию, устойчивы и выражают направленность личности» [14, с. 50].

В данной работе понятие *мотивационная сфера* трактуется как иерархия мотивов, которыми руководствуется студент при изучении английского языка. Исследование мотивов у студентов неязыковых специальностей проводилось многими учеными [6; 15–23]. Под мотивами исследователи понимают «проявление учебной активности: потребность, цель, установка, чувство долга, интерес» [24, с. 347]; «потребности, цели, намерения,

побуждения и свойства личности, детерминирующие поведение человека» [25, с. 34]; «сложное интегральное психическое образование, включающее потребность, цель, намерение, которые побуждают человека к сознательным действиям и поступкам, а также служащие для них основанием» [26, с. 27]; «внутреннее побуждение личности к тому или иному виду деятельности, связанное с удовлетворением определенной потребности» [27, с. 36]. В данной работе мотив – это утверждение, отражающее цель человека в изучении английского языка.

Иерархическая структура мотивационной сферы определяет направленность личности человека, которая имеет разный характер в зависимости от того, какие именно мотивы по своему содержанию и строению стали доминирующими [28, с. 52].

Е. И. Савонько [29] и Н. М. Симонова [30] на материале изучения мотивации в овладении иностранным языком в вузе выявили четыре мотивационные ориентации (на процесс, результат, оценку преподавателем и избегание неприятностей), которые наряду с другими компонентами учебной мотивации определяют направление, содержание и результат учебной деятельности. Наиболее тесно связаны с успеваемостью – ориентация на процесс и на результат, менее – ориентация на оценку преподавателем. Связь ориентации на избегание неприятностей с успеваемостью слабая.

Проанализировав точку зрения ученых на влияние направления подготовки студента на мотивационную сферу студента, подчеркнем, что одна группа ученых утверждает, что специфика структуры мотивационной сферы студента зависит от факультета [31; 32]; другая группа ученых полагает, что мотивационная структура для студентов разных факультетов не имеет такой зависимости [33–35]. В психологической литературе недостаточно ясно представлена связь между особенностями мотивационной сферы студентов и направлением подготовки студентов. Часть авторов отмечает положительную динамику мотивов учения к концу обучения [35; 36], в то время как другие исследователи свидетельствуют об отрицательной динамике данных мотивов [37; 38].

Согласимся с Е. А. Семеновой и Н. Ю. Чопюк [39], что изучение и понимание мотивационной сферы заслуживает серьезного анализа, в том числе в гендерном аспекте. Гендерные исследования наиболее подробно рассмотрены в трудах зарубежных ученых: в одних трудах указывается, что девушки более мотивированы к изучению английского языка, чем юноши [40–45]; в других работах подчеркивается, что девушки имеют преимущества в решении языковых задач [46; 47]. Существует мнение, что девушки более мотивированы на хорошую успеваемость [48; 49]. Преподавателям необходимо

рассмотреть возможность использования стратегий с учетом гендерных особенностей, которые способствуют созданию мотива к изучению языка [50].

Рассмотрев разные точки зрения на мотивационную сферу личности, сформулируем следующие гипотезы:

Гипотеза № 1. Существует разница в количественном соотношении доминирующих мотивов в мотивационной сфере студентов-психологов и студентов-медиков в гендерном аспекте.

Гипотеза № 2. Существуют различия между степенью выраженности мотивов и направлением подготовки.

Гипотеза № 3. Существует равенство средних значений мотивов у студентов разных направлений подготовки.

Гипотеза № 4. Существует взаимосвязь ориентации мотивационной сферы с направлением подготовки студента.

Гипотеза № 5. Существует зависимость между спецификой затруднений в изучении английского языка и направлением подготовки студентов.

Цель статьи – выделить специфические особенности мотивационной сферы студентов в гендерном аспекте.

Задачи:

1. Выявить разницу в количественном соотношении доминирующих мотивов в мотивационной сфере студентов-психологов и студентов-медиков в гендерном аспекте.

2. Выделить зависимость между доминирующими мотивами и гендерными особенностями.

3. Определить равенство средних значений мотивов у студентов разных направлений подготовки.

4. Выявить взаимосвязь ориентации мотивационной сферы с направлением подготовки студента.

5. Описать зависимость между спецификой затруднений в изучении английского языка и направлением подготовки студентов.

Актуальность данного исследования заключается в выявлении специфических особенностей мотивационной сферы студентов, исходя из критериев, состоящих из пяти пунктов, с учетом гендерного аспекта. Новизна – в выявленных критериях, по которым можно представить специфические особенности мотивационной сферы студентов. Практическая значимость работы состоит в рекомендациях, благодаря которым преподаватель сможет разработать учебный план в соответствии со специфическими особенностями мотивационной сферы студентов.

Методы и материалы

В процессе исследования применены следующие психодиагностические методики исследования: диагностическая методика классификации учебных

мотивов по В. Молчановскому и Л. Шипелевич [24] и опросник по выявлению затруднений в изучении английского языка.

В феврале 2025 г. было проведено анкетирование с целью выявления специфики затруднений в изучении английского языка, в котором приняли участие 100 человек: 50 студентов Удмуртского государственного университета, обучающихся по специальностям «Клиническая психология» (далее – студенты-психологи) и 50 студентов Ижевской медицинской академии, обучающихся по специальности «Лечебное дело» (далее – студенты-медики). Количество участников в возрасте 17–18 лет составило 60 человек, в возрасте 19–20 лет – 40.

Материал исследования – ответы студентов на опросник В. Молчановского и Л. Шипелевича.

Методы, используемые в работе: метод статистической проверки гипотез, основанных на распределении Стьюдента, и метод статистического анализа (среднее арифметическое).

Результаты

Гипотеза № 1. Рассчитав среднее значение мотивационной сферы у студентов-психологов и студентов-медиков, приходим к выводу, что мотивационная сфера студентов-медиков состоит из большего количества мотивов (3,51), чем мотивационная сфера студентов-психологов (3,49). Количество мотивов у студентов-медиков больше на 0,02. У девушек студентов-психологов (3,51) имеется преимущество перед девушками студентами-медиками (3,48). Юноши студенты-медики (3,59) набрали больше мотивов, чем юноши студенты-психологи (3,41). Таким образом, существует разница в количестве мотивов у студентов разного направления подготовки.

Гипотеза № 2. Исходя из данных, представленных в таблице 1, у девушек на первом месте познавательные мотивы (3,86), на втором – дидактические (3,82),

на третьем – коммуникативные (3,55) и мотивы принуждения и обязательства (3,55), на четвертом – эмоционально-эстетические (3,40), на пятом – прагматические (2,85).

У юношей на первом месте также познавательные мотивы (3,95), на втором – дидактические (3,75), на третьем – эмоционально-эстетические (3,54), на четвертом – коммуникативные (3,29), на пятом – мотивы принуждения и обязательства (2,88), на шестом – прагматические (2,75).

Итак, количество мотивов в мотивационной сфере студентов-психологов в гендерном аспекте различно.

В результате исследования студентов-медиков оказалось, что девушки на первом месте мотивы принуждения и обязательства (4,21), втором – познавательные (3,71), третьем – эмоционально-эстетические (3,55), четвертом – коммуникативные (3,52), пятом – дидактические (3,49), шестом – прагматические (2,78).

В мотивационной сфере юношей на первом месте также располагаются мотивы принуждения и обязательства (3,95), втором – эмоционально-эстетические (3,85), третьем – дидактические (3,73), четвертом – познавательные (3,67), пятом – коммуникативные (3,39), шестом – прагматические (3,18).

Таким образом, мотивационная сфера студентов-медиков неоднородна. Представленные данные подтверждают гипотезу о том, что существуют различия между степенью выраженности мотивов и направлением подготовки.

Гипотеза № 3. Проверим гипотезу о равенстве средних значений мотивов у студентов-психологов и студентов-медиков (табл. 2). Выдвинем нулевую гипотезу: средние значения у студентов-психологов и студентов-медиков по различным мотивам равны.

Вычислим для каждого мотива эмпирические значения статистики *t*-критерия по формуле:

$$t_{эмп} = \frac{\bar{x} - \bar{y}}{\sqrt{\frac{s_x^2}{n_1} + \frac{s_y^2}{n_2}}}.$$

Табл. 1. Степень выраженности мотивов у студентов-психологов и студентов-медиков в гендерном аспекте
Tab. 1. Expression of motives vs. gender in psychology students and medical students

Мотивы	Студенты-психологи			Студенты-медики		
	Девушки	Юноши	Общее (среднее значение)	Девушки	Юноши	Общее (среднее значение)
Эмоционально-эстетический	3,40	3,54	3,44	3,55	3,85	3,63
Прагматический	2,85	2,75	2,83	2,78	3,18	2,88
Дидактический	3,82	3,75	3,81	3,49	3,73	3,57
Познавательный	3,86	3,95	3,88	3,71	3,67	3,70
Коммуникативный	3,55	3,29	3,49	3,52	3,39	3,48
Мотив принуждения и обязательства	3,55	2,88	3,40	4,21	3,95	4,11

Табл. 2. Степень выраженности равенства средних значений мотивов у студентов разных направлений подготовки
Tab. 2. Equality of mean values of motives in students of medicine and psychology

Мотивы	Студенты-психологи	Студенты-медики	$t_{эмп}$
Эмоционально-эстетический	3,44	3,63	-1,147*
Прагматический	2,83	2,88	-0,226*
Дидактический	3,81	3,57	1,625*
Познавательный	3,88	3,70	0,614*
Коммуникативный	3,49	3,48	0,062*
Мотив принуждения и обязательства	3,40	4,11	-6,146**

Прим.: * – различие незначимо; ** – различие значимо.

Выберем 95 % надежность. Сравним эмпирические значения с критическим значением 1,96. Если $|t_{kp}| < t_{эмп}$, то результаты наблюдения не противоречат выдвинутой гипотезе и, следовательно, различие незначимо.

Аналогичные исследования проведены отдельно для девушек и юношей (табл. 3). Так, проверим гипотезу о равенстве средних значений мотивов у девушек, которые обучаются по разным направлениям подготовки. Выдвинем нулевую гипотезу: средние значения мотивов у девушек, обучающихся по разным направлениям подготовки, различны.

Сравнив эмпирические значения t -критерия Стьюдента с критическими значениями, мы получили результаты, по которым можно утверждать,

что различия у девушек, обучающихся на разных направлениях подготовки, в пяти мотивах незначительны. Однако сопоставление в мотиве принуждения и обязательства значимо. Мотив принуждения и обязательности превалирует в мотивационной сфере у студенток-медиков.

Заметим, что степень выраженности среднего значения по дидактическому мотиву и мотиву принуждения и обязательства различна. Степень выраженности среднего значения дидактического мотива у юношей студентов-психологов преобладает над показателем степени выраженности у студентов-медиков. Мотив принуждения и обязательства у юношей студентов-медиков имеет более высокую степень выраженности, чем у юношей студентов-психологов.

В итоге средние значения у студентов-психологов и студентов-медиков по различным мотивам равны (за исключением двух мотивов: дидактического и мотива принуждения и обязательства).

Гипотеза № 4. Рассмотрим иерархию мотивационной сферы студентов-психологов. Несмотря на то что мотивационная сфера студентов-психологов однородна по гендерному аспекту, есть различия в доминирующих утверждениях (табл. 4).

При анализе иерархии степени выраженности доминирующих утверждений оказалось, что мотивационная сфера девушек больше ориентирована на процесс: *хотели бы чаще говорить на английском языке; нравится подход и взаимодействие моего преподавателя с группой, комфортно находиться в аудитории; нравится сам процесс освоения иностранного языка, я каждый раз открываю для себя что-то новое.*

В мотивационной сфере юношей есть ориентация на результат, на оценку преподавателя, на процесс: *знание английского языка позволяет совершенствовать кругозор; важна оценка в процессе обучения;*

Табл. 3. Степень выраженности равенства средних значений мотивов у девушек и юношей разных направлений подготовки
Tab. 3. Equality of mean values of motives in female and male students of medicine and psychology

Мотивы	Девушки			Юноши		
	Студенты-психологи	Студенты-медики	$t_{эмп}$	Студенты-психологи	Студенты-медики	$t_{эмп}$
Эмоционально-эстетический	3,54	3,82	-1,597*	3,44	3,55	-0,775*
Прагматический	2,75	3,18	-1,943*	2,85	2,78	0,318*
Дидактический	3,75	3,73	0,134*	3,82	3,49	2,156**
Познавательный	3,95	3,67	0,886*	3,86	3,71	0,662*
Коммуникативный	3,29	3,39	-0,606*	3,55	3,52	0,188*
Мотив принуждения и обязательства	2,88	3,95	-9,339**	3,55	4,21	-6,496**

Прим.: * – различие незначимо; ** – различие значимо.

знание английского языка необходимо при просмотре фильмов, чтении книг, использовании социальных сетей.

Рассмотрим иерархию степени выраженности утверждений у студентов-медиков в гендерном аспекте (табл. 5). У студентов-медиков мотивационная сфера девушек ориентирована на процесс: *просмотр фильмов, чтение книг, музыка и использование социальных сетей на иностранном языке подогревают мой интерес к изучению английского языка; нравится подход и взаимодействие моего преподавателя с группой, мне комфортно находиться в аудитории.*

Мотивационная сфера юношей ориентирована на результат: *знания иностранного языка обеспечит комфортные условия пребывания в другой стране; качество результатов учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка зависит от меня.* Как и в мотивационной сфере девушек, присутствует ориентация на преодоление трудностей: *непросто выделить дополнительное время изучению иностранного языка вне университета.* Итак, существует взаимосвязь ориентации мотивационной сферы с направлением подготовки студента.

Табл. 4. Иерархия степени выраженности частотных утверждений у студентов-психологов в гендерном аспекте
Tab. 4. Hierarchy of frequent statements in male and female students of psychology

Мотив	Утверждение	Среднее значение
<i>Девушки</i>		
Коммуникативный	Я бы хотела чаще говорить на иностранном языке и находить возможности для общения с носителями языка	76,5
Эмоционально-эстетический	Мне нравится подход и взаимодействие моего преподавателя с группой, мне комфортно находиться в аудитории	58,34
Познавательный	Мне нравится сам процесс освоения иностранного языка, я каждый раз открываю для себя что-то новое	53,5
<i>Юноши</i>		
Познавательный	Иностранный язык позволяет мне совершенствовать мой кругозор (как общие, так и специальные знания)	77,5
Мотив принуждения и обязательности	Мне важна оценка в процессе обучения, я испытываю беспокойство перед экзаменами и зачетами	54
Познавательный	Просмотр фильмов, чтение книг, музыка и использование социальных сетей на иностранном языке подогревают мой интерес к изучению языка	52,34

Табл. 5. Иерархия степени выраженности частотных утверждений у студентов-медиков в гендерном аспекте
Tab. 5. Hierarchy of frequent statements in male and female students of medicine

Мотив	Утверждение	Среднее значение
<i>Девушки</i>		
Познавательный	Просмотр фильмов, чтение книг, музыка и использование социальных сетей на иностранном языке подогревают мой интерес к изучению языка	77,17
Мотив принуждения и обязательности	Мне непросто выделить дополнительное время изучению иностранного языка вне университета	37,67
Эмоционально-эстетический	Мне нравится подход и взаимодействие моего преподавателя с группой, мне комфортно находиться в аудитории	32,5
<i>Юноши</i>		
Мотив принуждения и обязательности	Мне непросто выделить дополнительное время изучению иностранного языка вне университета	75,34
Прагматический	Знания иностранного языка обеспечит комфортные условия пребывания в другой стране	37,67
Дидактический	Я осознаю, что качество результатов учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка зависит от меня	36,5

Гипотеза № 5. Рассмотрим специфику затруднений в изучении английского языка у студентов-психологов и студентов-медиков (таблицы 6 и 7). Проверим, не противоречат ли данные исследования гипотезе о том, что существует зависимость между тем, что затрудняет изучение иностранного языка, и направлениями подготовки. Воспользуемся t -критерием Стьюдента для сравнения долей. Вычислим эмпирические значения t -критерия для каждой темы.

Выберем 99 % надежность. Сравним эмпирические значения t -критерия Стьюдента с критическим значением 2,58. Если $|t_{kp}| < t_{эмп}$, то результаты наблюдения не противоречат выдвинутой гипотезе и, следовательно, различие незначимо.

Таким образом, затруднения в изучении английского языка, вызывающие трудности в изучении иностранного языка, не зависят от направления подготовки.

Заключение

На основе гипотез, представленных в исследовании, выделены критерии, которые определят специфические особенности мотивационной сферы студентов в гендерном аспекте: 1) количественное соотношение мотивов; 2) зависимость доминирующих мотивов от гендерных особенностей; 3) выявление равенства средних значений; 4) определение взаимосвязи ориентации мотивационной сферы

с направлением подготовки студентов; 5) выявление зависимости между спецификой затруднений в изучении английского языка и направлением подготовки студентов.

Специфические особенности мотивационной сферы студенток-психологов:

1. У студенток-психологов количество мотивов больше, чем у студенток-медиков.

2. Доминирующие мотивы: познавательные, дидактические, коммуникативные, мотивы принуждения и обязательства, эмоционально-эстетические, pragmatische.

3. Равенства средних значений у девушек незначимы, кроме мотива принуждения и обязательства, который менее выражен, чем у девушек-медиков.

4. Девушки ориентированы на процесс изучения языка: хотели бы чаще говорить на английском языке; нравится подход и взаимодействие моего преподавателя с группой, мне комфортно находиться в аудитории; нравится сам процесс освоения иностранного языка, я каждый раз открываю для себя что-то новое.

5. В процессе изучения английского языка возникают проблемы при освоении следующих видов речевой деятельности: письмо, аудирование, говорение, чтение.

Специфические особенности мотивационной сферы студенток-медиков:

1. Количество мотивов меньше, чем у девушек-психологов.

Табл. 6. Сравнение затруднений в видах речевой деятельности у студентов-психологов в гендерном аспекте
Tab. 6. ESL difficulties in female students of psychology

Виды речевой деятельности	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	$t_{эмп}$
	Частота		Относит. частота		
Говорение	15	10	0,2542	0,2500	0,048*
Аудирование	16	5	0,2712	0,1250	1,874*
Письмо	17	16	0,2881	0,4000	-1,149*
Чтение	4	2	0,0678	0,0500	0,374*

Прим.: * – различие незначимо.

Табл. 7. Сравнение затруднений в видах речевой деятельности у студентов-медиков в гендерном аспекте
Tab. 7. Gender-specific ESL difficulties in medical students

Виды речевой деятельности	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	$t_{эмп}$
	Частота		Относит. частота		
Говорение	7	9	0,1186	0,2250	-1,358*
Аудирование	16	16	0,2712	0,4000	-1,332*
Письмо	18	16	0,3051	0,4000	-0,969*
Чтение	6	4	0,1017	0,1000	0,028*

Прим.: * – различие незначимо.

2. Доминирующие мотивы: мотивы принуждения и обязательства, познавательные мотивы, эмоционально-эстетические, коммуникативные, дидактические, прагматические.

3. Равенства средних значений у девушек незначимы, кроме того, что мотив принуждения и обязательности превалирует в мотивационной сфере у студенток-медиков, чем у студенток-психологов.

4. Мотивационная сфера у девушек ориентирована на процесс: *просмотр фильмов, чтение книг, музыка и использование социальных сетей на иностранном языке подогревают мой интерес к изучению английского языка; нравится подход и взаимодействие моего преподавателя с группой, мне комфортно находиться в аудитории.*

5. В процессе изучения английского языка возникают проблемы при освоении видов речевой деятельности (письмо, аудирование, говорение, чтение).

Специфические особенности мотивационной сферы студентов-психологов:

1. Меньшее количество мотивов по сравнению со студентами медиков.

2. Доминирующие мотивы: познавательные мотивы, дидактические, эмоционально-эстетические, коммуникативные, мотивы принуждения и обязательства, прагматические.

3. Степень выраженности среднего значения дидактического мотива у юношей студентов-психологов преобладает над показателем степени выраженности у студентов-медиков.

4. Юноши ориентированы на процесс, результат и оценку преподавателя.

5. В процессе изучения английского языка возникают проблемы при освоении следующих видов речевой деятельности: письмо, говорение, аудирование, чтение.

Специфические особенности мотивационной сферы студентов-медиков:

1. Юноши студенты-медики набрали больше мотивов, чем юноши студенты-психологи.

2. Доминирующие мотивы: мотивы принуждения и обязательства, эмоционально-эстетические, дидактические мотивы, познавательные, коммуникативные, прагматические.

3. Мотив принуждения и обязательства у юношей студентов-медиков имеет более высокую степень выраженности, чем у юношей студентов-психологов.

4. Мотивационная сфера юношей ориентирована на результат: *знания иностранного языка обеспечит комфортные условия пребывания в другой стране; качество результатов учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка зависит от меня.*

5. В процессе изучения английского языка возникают проблемы при освоении таких видов речевой деятельности, как аудирование, письмо, говорение, чтение.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Стрекалова И. В. К проблеме формирования мотивации у студентов при обучении иностранным языкам. *Педагогический журнал*. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 693–700. [Strekalova I. V. On the problem of formation of motivation among students when teaching foreign languages. *Pedagogical Journal*, 2023, 13(4-1): 693–700. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.59.88.084>
- Ковалёва К., Герасименко Э. Особенности мотивации обучения иностранным языкам. *International scientific and practical conference world science*. 2020. Т. 3. № 4. С. 10–18. [Kovalyova K., Gerasimenko E. Motivation of foreign language learning. *International scientific and practical conference world science*, 2020, 3(4): 10–18. (In Russ.)] https://doi.org/10.31435/rsglobal_ws/30042020/7031
- Димитричева О. И., Савченко И. А., Ахматгатин А. А., Устинкин С. В. Мотивационная сфера современного студента в фокусе социологического анализа. *Власть*. 2020. Т. 28. № 5. С. 170–175. [Dimitricheva O. I., Savchenko I. A., Akhmatgatin A. A., Ustinkin S. V. Motivational sphere of students under the focus of sociological analysis. *Vlast*, 2020, 28(5): 170–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7594>
- Бура Л. В., Везетиу В. В. Проблема структуры мотивационной сферы личности. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 65-1. С. 325–328. [Bura L. V., Vezetiu V. V. Problem of structure of the motivational sphere of personality. *Problems of modern pedagogical education*, 2019, (65-1): 325–328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/przhii>

5. Попова Е. Л. Особенности мотивационной сферы студентов российских вузов. *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11. № 4. С. 51–60. [Popova E. L. Features of the motivational sphere of Russian university students. *Society. Communication. Education*, 2020, 11(4): 51–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.11405>
6. Царская Т. С., Сергиенко Н. А., Кушнырь Л. А., Шукрова И. В. Выявление мотивов студентов неязыковых направлений подготовки к изучению иностранного языка в вузе. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2018. № 3. С. 17–22. [Tsarskaya T. S., Sergienko N. A., Kushnyr L. A., Shukurova I. V. Revealing motives of non-linguistic students for mastering a foreign language in university. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*, 2018, (3): 17–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pogoaz>
7. Толстых Л. Р., Гольберт Е. В. Особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения. *Психолог*. 2023. № 1. С. 24–31. [Tolstykh L. R., Golbert E. V. Features of the motivational and value sphere of students of different courses of study. *Psychologist*, 2023, (1): 24–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.1.39811>
8. Ларина Е. А. Исследование структуры и динамики мотивационной сферы личности студентов. *Известия Самарского научного центра РАН*. 2009. Т. 11. № 4–5. С. 1218–1227. [Larina E. A. Students' personality motivational sphere: Structure and dynamics investigation. *Izvestia of Samara Scientific Center of the RAS*, 2009, 11(4–5): 1218–1227. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lmbaaz>
9. Бадалова Б. Т. Особенности мотивационной сферы студентов. *Academic research in educational sciences*. 2021. Т. 2. № 12. С. 1243–1247. [Badalova B. T. Motivational sphere of students. *Academic research in educational sciences*, 2021, 2(12): 1243–1247. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2181-1385-2021-12-1243-1247>
10. Daif-Allah A. S., Aljumah F. H. Differences in motivation to learning English among Saudi University students. *English Language Teaching*, 2020, 13(2): 63–74. <https://doi.org/10.5539/elt.v13n2p63>
11. Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка. *Изучение мотивации поведения детей и подростков*, ред. Л. И. Божович, Л. В. Благонадежина. М.: Педагогика, 1972. С. 7–44. [Bozhovich L. I. Developing the motivational sphere in children. *Motivation of behavior in children and teenagers*, eds. Bozhovich L. I., Blagonadezhina L. V. Moscow: Pedagogika, 1972, 7–44. (In Russ.)]
12. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. 5-е изд., стер. М.: Смысл, 2010. 509 с. [Leontiev A. N. *Lectures on general psychology*. 5th ed. Moscow: Smysl, 2010, 509. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxzyl>
13. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1988. 191 с. [Kovalev V. I. Motives of behavior and activity. Moscow: Nauka, 1988, 191. (In Russ.)]
14. Вилюнас В. Психологические механизмы мотивации человека. М.: МГУ, 1990. 283. [Viliunas V. *Psychological mechanisms of human motivation*. Moscow: MSU, 1990, 283. (In Russ.)]
15. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2013. 384 с. [Zimnyaya I. A. *Pedagogical psychology*. Moscow: Logos, 2013, 384. (In Russ.)]
16. Маркова А. К. Пути исследования мотивации учебной деятельности школьников. *Вопросы психологии*. 1980. № 5. С. 47–59. [Markova A. K. Ways to study the motivation of schoolchildren's learning activities. *Voprosy psychologii*, 1980, (5): 47–59. (In Russ.)]
17. Грамма Д. В. Формирование мотивации к изучению иностранного языка студентов неязыковых специальностей. *Современное педагогическое образование*. 2023. № 8. С. 39–44. [Gramma D. V. Formation of motivation to study foreign languages among students of non-linguistic specialties. *Modern pedagogical education*, 2023, (8): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/epphme>
18. Симонова О. Б., Котляренко Ю. Ю. Проблемы формирования положительной мотивации к изучению иностранного языка студентов неязыковых специальностей в условиях цифровизации процесса обучения. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 1. [Simonova O. B., Kotliarenko Y. Y. The problems of formation of positive motivation to learn a foreign language for students of non-language specialties in conditions of digitalization of the learning process. *World of science. Pedagogy and psychology*, 2021, 9(1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlwfc>
19. Денисова И. В. Система формирования мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей в системе среднего профессионального образования. *Образование: прошлое, настоящее и будущее*: VIII Междунар. науч. конф. (Краснодар, 20–23 октября 2020 г.) Краснодар: Инновация, 2020. С. 77–79. [Denisova I. V. System of forming the motivation to learn a foreign language among students of non-linguistic majors in secondary vocational education. *Education: Past, present, and future*: Proc. VIII Intern. Sci. Conf., Krasnodar, 20–23 Oct 2020. Krasnodar: Innovation, 2020, 77–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jbpvgg>
20. Николаева Е. А., Котляренко Ю. Ю. Стратегии мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка в процессе профессиональной подготовки с использованием технологий искусственного интеллекта. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024. Т. 16. № 3.

- C. 63–73. [Nikolaeva E. A., Kotliarenko Y. Y. Motivation strategies for non-linguistic students to learn a foreign language in the process of professional training using artificial intelligence technologies. *Bulletin of Maikop State Technological University*, 2024, 16(3): 63–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-63-73>
21. Kvach N. V. Формирование мотивации студентов к изучению иностранного языка в неязыковом вузе средствами иноязычного вокабуляра. *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 6. [Kvach N. V. Formation of motivation of students to study a foreign language in a non-linguistic university by means of a foreign language vocabulary. *Modern problems of science and education*, 2021, (6). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.31245>
22. Стрекалова И. В. К проблеме формирования мотивации у студентов при обучении иностранным языкам. *Педагогический журнал*. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 693–700. [Strekalova I. V. On the problem of formation of motivation among students when teaching foreign languages. *Pedagogicheskiy zhurnal*, 2023, 13(4-1): 693–700. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.59.88.084>
23. Ермолова Т. В. Условия формирования положительной мотивации у студентов неязыкового вуза при обучении иностранному языку. *Современное педагогическое образование*. 2020. № 1. С. 30–34. [Ermolova T. V. Conditions for the formation of positive motivation among students of a non-linguistic university in the process of teaching a foreign language. *Modern pedagogical education*, 2020, (1): 30–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrcamo>
24. Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990. 192 с. [Markova A. K., Mathis T. A., Orlov A. B. *Formation of learning motivation*. Moscow: Prosveshchenie, 1990, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjpj0j>
25. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 508. [Ilyin E. P. *Motivation and motives*. St. Petersburg: Piter, 2002, 508. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxzgqh>
26. Леонтьев А. Н. Психологические механизмы мотивации учебной деятельности. Новосибирск: НГПИ, 1987. 92 с. [Leontiev A. N. *Psychological mechanisms of motivation of learning activity*. Novosibirsk: NSPU, 1987, 92. (In Russ.)]
27. Ильин Е. П. Сущность и структура мотива. *Психологический журнал*. 1995. Т. 16. № 2. С. 27–41. [Ilyin E. P. Essence and structure of motive. *Psychological Journal*, 1995, 16(2): 27–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpdykd>
28. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. М.-Воронеж: Ин-т практ. психологии, 1995. 348 с. [Bozhovich L. I. *Problems of personality formation*. Moscow-Voronezh: In-t prakt. psichologii, 1995, 348. (In Russ.)]
29. Савонько Е. И. Возрастные особенности соотношения ориентации на самооценку и оценку другими людьми: дис. ... канд. психол. наук. М., 1970. 106 с. [Savonko E. I. *Age-related features of the relationship between self-esteem orientation and evaluation by other people*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 1970, 106. (In Russ.)]
30. Симонова Н. М. Опыт исследования характера мотивации (на материале студенческих исследований). *Иностранный язык в высшей школе*. 1980. № 15. С. 81–87. [Simonova N. M. Experience of research of the character of motivation: Students' research work. *Inostrannyj jazyk v vysshei shkole*, 1980, (15): 81–87. (In Russ.)]
31. Карнаухов В. А. Особенности мотивационно-смысловой сферы личности студентов-первокурсников педагогических вузов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 16 с. [Karnaughov V. A. *Features of the motivational and semantic sphere of the personality in first-year students of pedagogical universities*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1997, 16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkgjld>
32. Столяренко Л. Д. Основы психологии. 23-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 671 с. [Stolyarenko L. D. *Fundamentals of psychology*. 23rd ed. Rostov-on-Don: Feniks, 2010, 671. (In Russ.)]
33. Вайсман Р. С. К проблеме развития мотивов и потребностей человека в онтогенезе. *Вопросы психологии*. 1973. № 5. С. 30–41. [Weissman R. S. To the problem of the development of human motives and needs in ontogenesis. *Voprosy psychologii*, 1973, (5): 30–41. (In Russ.)]
34. Горская Н. Е. Самосознание и мотивационная сфера личности. Иркутск: ИрГТУ, 2011, 175 с. [Gorskaya N. E. *Self-consciousness and motivational sphere of personality*. Irkutsk: IrSTU, 2011, 175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tohrbl>
35. Иванова Т. В., Шеина Л. П., Шарипова Э. И., Афанасьев М. Ю. Использование методов контрастивной лингвистики в обучении билингвов. *Педагогический журнал*. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 560–568. [Ivanova T. V., Sheina L. P., Sharipova E. I., Afanas'ev M. Yu. Using the methods of contrastive linguistics in teaching bilinguals. *Pedagogical Journal*, 2023, 13(4-1): 560–568. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.35.62.068>
36. Попова Л. В. Методы изучения процессов идентификации. *Вопросы психологии*. 1988. № 1. С. 163–168. [Popova L. V. Methods of studying identification processes. *Voprosy Psychologii*, 1988, (1): 163–168. (In Russ.)]
37. Абрамович И. Р. Особенности мотивационной сферы студентов: методические рекомендации. Мн.: НИО, 1995. 103 с. [Abramovich I. R. *Peculiarities of motivational sphere of students: Methodical recommendations*. Minsk: NIO, 1995, 103. (In Russ.)]

38. Гапонова С. А. Функциональные психические состояния студентов в образовательном пространстве вуза: динамика, детерминанты, оптимизация: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2005. 51 с. [Gaponova S. A. *Functional mental states of students in the academic environment of higher education institution: Dynamics, determinants, and optimization*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2005, 51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znaipn>
39. Семенова Е. А., Чопюк Н. Ю. Гендерные различия мотивации: социокультурный контекст. *Филология и культура*. 2014. № 1. С. 333–338. [Semenova E. A., Chopyuk N. Yu. Gender distinctions of motivation: Sociocultural context. *Philology and culture*, 2014, (1): 333–338. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sczxnd>
40. Grazvini D. S., Khajehpour M. Attitudes and motivation in learning English as second language in high school students. *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, 15: 1209–1213. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.264>
41. Henry A., Apelgren B. M. Young learners and multilingualism: A study of learner attitudes before and after the introduction of a second foreign language to the curriculum. *System*, 2008, 36(4): 607–623. <https://doi.org/10.1016/j.system.2008.03.004>
42. Mori S., Gobel P. Motivation and Gender in the Japanese EFL Classroom. *System*, 2006, 34(2): 194–210. <https://doi.org/10.1016/j.system.2005.11.002>
43. Dörnyei K. C. Some dynamics of language attitudes and motivation: Results of a longitudinal nationwide survey. *Applied Linguistics*, 2002, 23(4): 421–462. <https://doi.org/10.1093/applin/23.4.421>
44. Wright M. Influences on learner attitudes towards foreign language and culture. *Educational Research*, 1999, 41(2): 197–208. <https://doi.org/10.1080/0013188990410207>
45. Sung H., Padilla F. M. Student motivation, parental attitudes, and involvement in the learning of Asian languages in elementary and secondary schools. *Modern Language Journal*, 1998, 82(2): 205–216. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.1998.tb01193.x>
46. Kiss C., Nikolov M. Preparing, piloting and validating an instrument to measure young learners' aptitude. *Language Learning*, 2005, 55(1): 99–150. <https://doi.org/10.1111/j.0023-8333.2005.00291.x>
47. Maitland S. B., Herlitz A., Nyberg L., Bäckman L., Nilsson L.-G. Selective sex differences in declarative memory. *Memory and Cognition*, 2004, 32: 1160–1169. <http://doi.org/10.3758/BF03196889>
48. Kissau S. P., Kolano L. Q., Wang C. Perceptions of gender differences in high school students' motivation to learn Spanish. *Foreign Language Annals*, 2010, 43(4): 703–721. <http://doi.org/10.1111/j.1944-9720.2010.01110.x>
49. Dornyei Z., Csizér K., Németh N. *Motivation, language attitudes and globalisation: A Hungarian perspective*. Clevedon: Multilingual Matters, 2006, 224.
50. Sabiq A. H. A., Arwi S. H., Khusna A., Adifia D. U. S., Nada D. Z. Q. Investigating gender differences on the students' attitudes and motivation toward English learning. *ENGLISH FRANCA: Academic Journal of English Language and Education*, 2021, 5(2): 233–258. <https://doi.org/10.29240/ef.v5i2.2704>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/iucsak>

Этапы профессионального самоопределения студентов технического вуза

Бобкова Валерия Павловна

Университет Синергия, Россия, Москва

Национальный исследовательский университет МИЭТ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3479-4053

<https://orcid.org/0000-0003-3137-8412>

sharaevalera@mail.ru

Аннотация: Исследование направлено на изучение этапов процесса профессионального самоопределения студентов технического вуза. Основанием для исследования стал ряд факторов и причин, из них вытекающих: существующая модель поступления в высшие учебные заведения, основанная на системе приоритетов, и низкая информированность абитуриентов о выбираемых направлениях подготовки / специальностях, специфика обучения на технических направлениях подготовки / специальностях ввиду изучения фундаментальных наук (таких как математика и физика) без прикладного применения на младших курсах, снижение доли трудоустроенных выпускников технических направлений подготовки / специальностей за последние 4 года. Цель – описать этапы профессионального самоопределения студентов технического вуза для последующей разработки модели профессионального самоопределения студентов технического вуза. Дан анализ психолого-педагогической литературы по проблеме профессионального самоопределения, сформулировано определение понятия *профессиональное самоопределение студента технического вуза*, представлены структурный компонентный состав, этапы и концепция профессионального самоопределения студентов технического вуза. В предложенных этапах учтена не только специфика обучения в техническом вузе, но и охвачены все курсы обучения. Данные этапы войдут в состав модели профессионального самоопределения студентов технического вуза.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, студенты технического вуза, этапы профессионального самоопределения, профессиональная идентификация студентов, концепция профессионального самоопределения

Цитирование: Бобкова В. П. Этапы профессионального самоопределения студентов технического вуза. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 363–374. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-363-374>

Поступила в редакцию 20.02.2025. Принята после рецензирования 16.04.2025. Принята в печать 18.04.2025.

full article

Stages of Professional Self-Determination in Technical University Students

Valeria P. Bobkova

Synergy University, Russia, Moscow

National Research University of Electronic Technology, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3479-4053

<https://orcid.org/0000-0003-3137-8412>

sharaevalera@mail.ru

Abstract: The last four years have seen a decrease in the proportion of technical graduates employed in their professional sphere. Since the present model of admission to universities is based on the system of priorities, most applicants of technical courses have a poor understanding of the major they choose. Further on, junior students have no classes of practical application in such fundamental disciplines as Mathematics and Physics. The authors identified the stages of professional identification in technical university students to develop a model of their professional self-determination. The review of psychological and pedagogical studies on the problem of professional identity made it possible to define the concept of *professional self-determination of a technical university student* with its structure,

composition, and development stages. The proposed stages take into account all years of technical university education. The research prospects involve a model of professional self-determination in students of technical universities.

Keywords: professional self-determination, technical university students, stages of professional self-identification, professional identification of students, concept of professional identity

Citation: Bobkova V. P. Stages of Professional Self-Determination in Technical University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 363–374. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-363-374>

Received 20 Feb 2025. Accepted after review 16 Apr 2025. Accepted for publication 18 Apr 2025.

Введение

Профессиональное самоопределение является сложным и длительным процессом, который начинается еще в школьные годы и продолжается на протяжении всей жизни. Однако именно в студенческие годы молодые люди сталкиваются с необходимостью принятия важных решений о своей будущей карьере: они начинают обучаться по выбранному направлению подготовки (специальности), получают новые компетенции, а также сталкиваются с первой профессиональной деятельностью.

По данным Роструда¹ за 2019–2023 гг., количество трудоустроенных выпускников технических направлений подготовки (специальностей) в целом уменьшается каждый год: с 81 % (2019) до 65 % (2023), при этом количество трудоустроенных по полученному образованию значительно меньше. Кроме этого, в текущих условиях поступления абитуриентов в вузы велика вероятность поступления на не наиболее предпочтительное направление подготовки (специальность), что связано, в свою очередь, с низкой информационной осведомленностью абитуриентов о выбираемых направлениях подготовки (специальностях) в целом, моделью выстраивания направлений подготовки (специальностей) при подаче заявления в вуз по приоритетам² и др.

Особенность технического высшего профессионального образования – углубленное изучение фундаментальных дисциплин (физика, математика и др.), занимающих большую часть аудиторных занятий в течение первых двух лет обучения. Данные дисциплины не способствуют формированию образа своей будущей профессиональной деятельности, т. к. в основном не сопровождаются демонстрацией их прикладного применения в области выбранной профессиональной деятельности получаемого образования. Например, использование единых рабочих программ дисциплин для студенческих групп разных

направлений подготовки (специальностей) носит преимущественно теоретический характер.

В итоге к 3 курсу студент обладает теоретическими знаниями без учета прикладного их применения в выбранной им профессиональной деятельности, что способствует снижению его мотивации к обучению из-за непонимания того, как изучаемые дисциплины могут быть ему полезны в его будущей профессии и кем он будет по прошествии четырех (пяти) лет обучения.

Ввиду отсутствия общепринятых механизмов по организации профессионального самоопределения студентов технического университета с младших курсов является необходимым и целесообразным предпринять попытки решения возникшей проблемы. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения и формирования этапов профессионального самоопределения студентов для последующей разработки модели профессионального самоопределения студентов технического вуза по всесторонней поддержке будущих молодых специалистов во включении в профессиональную деятельность, начиная с младших курсов.

Цель исследования – описать этапы профессионального самоопределения студентов технического вуза для последующей разработки модели профессионального самоопределения студентов технического вуза.

Результаты

Анализ отечественной и зарубежной психологопедагогической литературы (К. А. Абульханова-Славская, Е. А. Климов, И. С. Кон, Т. В. Кудрявцев, Э. Гинзберг, Дж. Холланд, А. К. Маркова, Н. С. Пряжников и др.) по теме «Профессиональное самоопределение» позволил обобщить положения ученых

¹ Трудоустройство и зарплаты выпускников по образовательным организациям. Роструд; обработка «Если быть точным», 2024. Условия использования: Creative Commons BY 4.0. URL: https://tochno.st/datasets/graduates_university (дата обращения: 20.01.2025).

² Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Приказ Минобрнауки РФ № 821 от 27.11.2024. ИПП Гарант.

и выделить следующее определение: профессиональное самоопределение студента рассматривается нами как «осознанное, свободное занятие им общественно-профессиональной позиции, выраженной в согласовании его профессионально-психологических возможностей с содержанием и требованиями профессиональной деятельности на основе выявления смыслов выбираемой профессиональной деятельности, самоанализа, самопознания и самооценивания собственных способностей, определяющей его поведение в выбираемой профессиональной деятельности» [1, с. 72].

Ввиду особенностей обучения в техническом вузе является необходимым выделить главные акценты данного определения в современных условиях (с уточнением категории – студенты технического вуза). В результате под *профессиональным самоопределением студента технического вуза* мы понимаем свободное занятие им общественно-профессиональной позиции, выраженной в согласовании его профессионально-значимых качеств с содержанием и требованиями выбранной им профессиональной деятельности, ориентированной на техническое мышление, на основе выявления смыслов выбираемой профессиональной деятельности, самоанализа, самопознания и самооценивания собственных способностей и реализации этой общественно-профессиональной позиции в аудиторной и внеаудиторной деятельности, а также при решении научно-исследовательских, проектно-конструкторских и производственно-технологических задач.

Разработка этапов профессионального самоопределения студентов технического вуза невозможна без определения компонентного состава структуры профессионального самоопределения студентов технического вуза. При определении компонентного состава данной структуры основывались на следующем:

- на анализе теоретического и практического состояния проблемы формирования профессионального самоопределения студента [2–5];
- на определении понятия *профессиональное самоопределение студента*, под которым понимаем осознанное, свободное занятие им общественно-профессиональной позиции [1];
- на понимании сущности общественно-профессиональной позиции, которая выражается в том числе в умениях студента сохранять устойчивое отношение к выбранной профессии, управлять своей мотивацией деятельности, осуществлять самореализацию, саморазвитие, самоизменение под воздействием внутренних мотивов по заранее задуманной профессиональной траектории и др. [6–8].

В структуре профессионального самоопределения студента С. В. Чебровская выделяет следующие компоненты: *базовый* (психофизические особенности, знание своих индивидуальных способностей и др.); *мотивационный* (ценности и цели труда как образа жизни, наличие интереса к будущей работе, мотивы в профессиональной деятельности, стремление к самореализации, потребность в развитии и др.); *операциональный* (информированность о профессиях, владение умениями и навыками получения информации, адекватной самодиагностики и работы, наличие вариантов профессионального обучения и др.); *коммуникативный* (умения работать в команде, достаточный уровень коммуникативных и организаторских способностей, знание условий работы и др.) [9, с. 226].

Н. И. Константинова выделяет такие структурные компоненты профессионального самоопределения студентов, как: мотивационно-смысовой, когнитивный, ценностно-нравственный, профессионально-рефлексивный, деятельностино-практический. Показателями мотивационно-смыслового критерия являются мотивы, определяющие выбор профессиональной деятельности, место профессии в структурной иерархии смысла жизни, наличие плана саморазвития. Когнитивный критерий профессионального самоопределения характеризует способность к самообразованию, глубину и дифференцированность читательских интересов. Ценностно-нравственный критерий представлен самоорганизацией деятельности, саморегуляцией поведения и уровнем интеллигентности. Показатели профессионально-рефлексивного критерия – самоанализ и адекватная самооценка. Деятельностно-практический критерий характеризуется владением общими и профессиональными умениями, а также способностью личности включаться в профессиональную деятельность в определенной ролевой позиции [10].

О. В. Лесина, исследуя профессиональное самоопределение студентов атомной отрасли, выделяет также три компонента: когнитивный, мотивационно-ценостный и деятельностиный, однако когнитивный компонент рассматривает с точки зрения расширения знаний только в профессиональной области, а под деятельностиным компонентом понимает реализацию и закрепление в профессиональной деятельности мотивов профессионального самоопределения [11].

К структурным компонентам профессионального самоопределения студента мы относим: *когнитивный* (процесс получения и осознания информации о будущей профессии, процесс осознания своих способностей и интересов на основе их самоанализа, самопознания, самооценивания); *мотивационный* (как система мотивов, интересов, целей и ценностей,

которые согласовывают внутреннее Я с определенным кругом профессий); *деятельностный* (конкретные действия и стратегии, которые студенты используют для реализации своих профессиональных целей, планов, мотивов профессионального самоопределения); *рефлексивный* (способность анализировать и оценивать свои действия, результаты и прогресс намеченных стратегий в процессе профессионального становления).

Процесс профессионального самоопределения студентов учеными рассматривается поэтапно [2; 12–16]. Л. Н. Павлова и И. С. Гордеева выделяют несколько этапов профессионального самоопределения студентов-педагогов:

- профессиональная ориентация: возникновение профессиональных интересов, формирование профессиональных намерений (начальные курсы);
- сознательный и самостоятельный выбор профессии;
- профессиональное обучение: активное освоение выбранной сферы профессиональной деятельности (выпускной курс);
- профессиональная самореализация: посредством воплощения профессиональных планов и ожиданий, связанных с официально выбранной сферой профессионального труда (начало карьеры) [12, с. 19–20].

И. А. Гареева и соавторы предлагают рассматривать процесс профессионального самоопределения студентов-бакалавров через три этапа, где ключевым понятием первого этапа является *выбор* (цель, задачи, мотивы, желания), второго этапа – *обучение* (развитие, формирование и др.), третьего этапа – *реализация* (достижения, опыт, квалификация, карьера и др.) [17].

Д. А. Музалева и М. М. Шубович представляют процесс профессионально-личностного самоопределения студентов как пятиэтапный процесс, основу содержания которого составляет самостоятельность деятельности студентов, помочь студентам в профессионально-личностном самоопределении и управление им [18]. Первый этап представляет собой социально-образовательную адаптацию (собрания, беседы, работа с родителями). Второй этап – индивидуально-диагностический этап – направлен на выявление обучающимися собственных биологически обусловленных особенностей, а также интересов и мотивов с помощью анкетирования, тестирования и др. Третий этап основывается на результатах второго этапа и характеризуется коррекционной работой, связанной с ранее сделанным выбором профессиональной деятельности. Авторы отмечают следующие возможные итоги третьего этапа: подтверждение правильности

выбора профессиональной деятельности студентом, подтверждение ошибочного профессионального выбора студентом, осознание студентом необходимости в развитии. Четвертый этап является подготовительным к профессиональной деятельности, а пятый – заключительный – представляет собой определение будущей деятельности, потенциального работодателя и места работы в целом.

В исследованиях, связанных с профессиональным самоопределением студентов, в основном представлены этапы профессионального самоопределения будущего педагога [5; 12; 15; 16; 19]. У будущих педагогов, как правило, есть представление о сути профессии и получаемой специальности, в отличие от тех, кто выбрал техническое направление подготовки.

Опрос студентов, поступивших в Национальный исследовательский университет МИЭТ, показал, что 54 % опрашиваемых студентов затрудняются ответить на вопрос *По какой образовательной программе Вы обучаетесь?*, 70 % студентов не смогли ответить на вопрос *Кем будете работать по окончании вуза?*, 61 % студентов утвердительно ответили, что *Изначально не планировали поступать на данное направление подготовки* [20]. Таким образом, все это говорит о недостаточной осведомленности поступивших о будущей профессиональной деятельности, о неверном понимании ее сущности, о низкой мотивации студентов к обучению в выбранной сфере профессиональной деятельности. Исходя из этого, первый этап работы по профессиональному самоопределению студента технического вуза будет отличаться от содержания работы со студентами педагогического вуза. Эти отличия заключаются в следующем: коррекция студентом технического вуза его общих профессиональных установок (профессиональных интересов, целей, задач, ориентиров, ценностей и др.), поиск и построение студентом своего образа Я-профессионал, осознание им личностного смысла в реализации этого желаемого образа совершенного профессионала и др.

Собственный педагогический опыт показывает, что к 3 курсу студенты технических вузов теряют интерес к получаемому образованию. Из-за большого потока теоретических знаний по фундаментальным наукам без прикладного их применения отсутствует понимание необходимости этих дисциплин для будущей профессиональной деятельности, а также появляется неуверенность в ранее сделанном профессиональном выборе.

Исходя из вышеизложенного, профессиональное самоопределение студентов технического вуза необходимо начинать осуществлять с младших курсов, предварительно знакомя их с профессией во внеаудиторной деятельности. Это позволит понять

важность общеобразовательных дисциплин для освоения выбранной профессии и построения карьеры.

В работах исследователей проектирование Я-концепции строится на самосознании Я-прошлого, Я-настоящего, Я-будущего. Все эти модели Я постепенно вырисовываются у растущего, саморазвивающегося человека как бы в нескольких измерениях: в измерении Я-реального и Я-идеального.

В данном исследовании Концепция профессионального самоопределения студента была разработана на основе следующих положений:

- на результатах исследований «самости» личности, включающих проектирование Я-концепции в измерениях Я-реального и Я-идеального, отраженных в трудах философов (Н. А. Бердяев, И. С. Кон, В. А. Лекторский, А. Г. Спиркин и др.) и психологов (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Е. В. Шорохова и др.);
- на структурных компонентах идеала [21; 22];
- на сущности понятия *профессиональный идеал* [23; 24];

- на теории идеалов, ценностей и их классификации [25; 26];

- на положениях государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵.

Концепция профессионального самоопределения студента включает Я-концепцию профессионального самоопределения студента (табл. 1) и программу его профессионального развития (табл. 2).

Основываясь на позициях ученых, в работах которых раскрываются проблемы поэтапного формирования профессионального самоопределения студента, занятия человеком профессиональной позиции [27; 28], формирования личностно-профессионального становления студента [29–31], формирования профессиональных идеалов студентов [22; 32], а также на анализе содержания и сущности понятия *профессиональная идентификация* студента [13; 15; 33], разработан поэтапный процесс профессионального самоопределения студентов технического вуза.

Табл. 1. Пример Я-концепции профессионального самоопределения студента

Tab. 1. Self-concept of a university student's professional self-determination

Компонентный состав образа Я-профессионала студента		Иdealный образ Я-профессионала (оценка в 100 баллах)	Реальный образ Я-профессионала (оценка в 100 баллах)
Ценности, характеризующие специфику профессии			
человеческие отношения (порядочность, доброта, честность, сострадание, милосердие, взаимная поддержка, сотрудничество и др.)			
стратегия жизненного выбора (активная деятельная жизнь, благополучие, возможность получить любимую работу, созидательный труд и др.)			
самореализация личности (интеллектуальное развитие, расширение своего кругозора, общественное признание, уважение окружающих, реализация способностей и талантов в профессиональной деятельности, способствующей процветанию своей страны, как внесение вкладов в развитие общества своими достижениями и др.)			
утверждение самобытного, неповторимого, уникального: ценности самореализации, творчества, познания и др.			
Качества профессионала			
эмоционально-волевые качества (инициативность, самообладание, настойчивость, выдержка, морально-эстетические, решительность, умения принимать ответственные решения, стрессоустойчивость и др.)			
интеллектуальные качества (эрудиция, интуиция, способность к творчеству, креативность, широкий кругозор, образованность, изобретательность и др.)			

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. ИПП Гарант.

Компонентный состав образа Я-профессионала студента		Идеальный образ Я-профессионала (оценка в 100 баллах)	Реальный образ Я-профессионала (оценка в 100 баллах)
коммуникативные качества (коммуникабельность, умение работать с людьми, нравственная воспитанность, способность к самоанализу, эмпатии, умение расположить к себе и др.)			
деловые качества (трудолюбие, усидчивость, организаторские способности, самокритичность, аккуратность, ответственность, целеустремленность и др.)			
гражданская позиция <ul style="list-style-type: none"> <i>активная профессиональная позиция</i> (стремление к постоянному самообразованию; к профессиональному росту с учетом конкретных экономических, социальных, исторических, политических условий на благо общества, с позиции интересов, идеалов, ценностей общества, других людей); <i>реализация способностей, талантов в профессиональной деятельности</i>, способствующей процветанию своей страны, как внесение вкладов в развитие общества своими достижениями) 			
Общепрофессиональные и профессиональные компетенции			
Заполняются согласно действующему Федеральному государственному образовательному стандарту и определенными образовательной организацией профессиональным компетенциям соответствующего направления подготовки (специальности) на основе профессиональных стандартов.			

Табл. 2. Пример программы профессионального развития студента
Tab. 2. A university student's professional development program

Компонентный состав образа Я-профессионала студента	Деятельность по совершенствованию, развитию реального образа Я-профессионала		
	Аудиторная деятельность (АД)	Внеаудиторная деятельность (ВД)	Самооценка АД и ВУ
Ценности, характеризующие специфику профессии			
человеческие отношения			
стратегия жизненного выбора			
самореализация личности			
утверждение самобытного, неповторимого, уникального			
Качества профессионала			
эмоционально-волевые качества			
интеллектуальные качества			
коммуникативные качества			
деловые качества			
гражданская позиция			
Общепрофессиональные и профессиональные компетенции			
Заполняются согласно действующему Федеральному государственному образовательному стандарту и определенными образовательной организацией профессиональным компетенциям соответствующего направления подготовки (специальности) на основе профессиональных стандартов.			

I этап. Построение студентами своего образа Я-профессионала на основе самопознания (1-й курс). Цель: способствование осмыслинию и принятию студентами информации о будущей профессии, осознание и построение студентами своего образа Я-профессионала.

Задачи этапа:

1. *Выявление и определение студентом своей профессиональной ориентации (профессиональные интересы, цели, задачи, ориентиры, ценности и др.).*

Первичное конструирование образа Я-профессионала предполагает развитие у студентов системы профессиональных установок (интересов, целей, ценностей), что требует рефлексии собственных мотивационных, когнитивных и аксиологических составляющих профессионального выбора, коррекции студентами знаний о себе, установление студентами взаимосвязи между их профессиональными интересами и потребностями в специалистах подобного уровня, профиля, области деятельности.

Педагог использует следующие педагогические средства: опрос по сущности выбранной профессиональной деятельности, профессиографическая анкета и профессиографический опросник И. Н. Носс, Методика «Направленность на вид инженерной деятельности» О. Б. Годлинник, Методика СИО, деловые игры и др.

2. *Осознание студентами разрыва между реальным и идеальным образами Я-профессионала.*

Студент открывает свой образ Я-профессионала, определяет свое место в жизни общества, страны, свое предназначение, выявляет свои имеющиеся качества, отвечающие требованиям, предъявляемым профессией к специалисту, принимает / не принимает себя, отвечает на вопросы: соответствую ли я на сегодняшний день имеющимся нормам, что я могу сделать сегодня, какова сегодня моя личность и др. Студент интегрирует информацию о себе в целостный, непротиворечивый образ Я-профессионала.

Педагог разъясняет сущность феномена профессиональный идеал. Педагог помогает студенту корректировать знания о нем, подчеркивая роль профессионального идеала в профессиональном становлении студента; помогает студентам изучить его качественные характеристики, нравственные ориентации, значимые профессиональные цели, компетенции, найти свой образ Я-профессионала.

Педагог использует следующие педагогические средства: деловые игры, объяснение, рассказ, анкетирование, тестирование, рефлексия и др.

3. *Стимулирование поиска / развитие профессионального образа студента (обогащение содержания образа идеала-профессионала, актуализация профессионально значимых ценностей и корректировка интерпретаций их значений и др.).*

Студент осознает личностный смысл в реализации образа Я-профессионала, программы профессионального самоопределения, которые отражены в Концепции профессионального самоопределения, определяющей осмыслиение студентами цели своего профессионального образования.

Студент выявляет, какие личностные, профессиональные качества, компетенции ему необходимо сформировать, развить, принимает / не принимает себя как соответствующего нормам в ситуации завтрашнего дня. Отвечает на вопросы: Что я могу сделать завтра?, Каким я могу стать завтра как личность? как профессионал?. Студент разрабатывает Концепцию профессионального самоопределения, включающую программу профессионального самоопределения: развитие профессиональных компетенций, личностных качеств и др.

Педагог организует внеаудиторную деятельность, включающую в себя овладение студентами способами самопознания, самооценки, а также развитие мотивов самоопределения, самообразования, саморазвития и самовоспитания. Педагогические средства, используемые педагогом во внеаудиторной деятельности: деловые игры, кейс-стади, написание эссе, методы «колесо жизненного баланса», ситуативный метод и др.

4. *Помощь педагога в осмыслиении студентами цели их профессионального образования, в разработке программы профессионального самоопределения.*

Студент прогнозирует свою профессиональную идентичность: осваивает знания о профессии в целом, о прикладном значении математических, физических и других дисциплин в получаемом образовании, осмысливает цели его профессионального образования. Студент знакомится с профессиями, соотносит эти знания с собственными первоначальными представлениями о будущей его профессиональной деятельности, осознает роль общеобразовательных дисциплин в профессиональном образовании и др. Кроме этого, он корректирует содержание своего профессионального идеала на основе оценки и самооценки.

Педагог использует следующие педагогические методы во внеаудиторной деятельности: объяснение, рассказ, убеждение, информирование, анкетирование, тестирование, рефлексия и др.

II этап. Следование студентом своему образу Я-профессионала в деятельности по самообразованию, саморазвитию, самостоятельному, целенаправленному выбору специализации, профессии (2-3-й курсы). Цель: способствование осознанному, самостоятельному, целенаправленному выбору студентами специализации, профессиональному самоопределению и способствование

выбору студентами видов деятельности (включение их в программу профессионального самоопределения), в которых студенты могут реализовать свою Концепцию профессионального самоопределения и др.

Задачи этапа:

1. *Осознание студентом назначения общеобразовательных дисциплин, их прикладной направленности, роли в освоении выбранной профессии, способствующее формированию внутренней мотивации к изучению этих дисциплин.*

Студент осваивает общеобразовательные дисциплины, относящиеся к выбранной сфере профессиональной деятельности, понимает важность, необходимость их освоения для овладения выбранной профессии, построения своей карьеры, становления специалистом, востребованным на рынке труда. На занятиях студенты через практическую деятельность понимают назначение общеобразовательных дисциплин, их прикладную направленность, роль в освоении выбранной профессии, осознают и включаются в те виды деятельности, в которых могут реализовать свою программу профессионального самоопределения и др.

Студенты включаются в интеллектуальные и деловые игры, мероприятия, организованные совместно с представителями предприятий (социальными партнерами), направленные в том числе на решение проблем, относящихся к профессиональной деятельности. Решение обозначенных проблем возможно посредством углубленного изучения общеобразовательных дисциплин, осваиваемых студентами во время обучения в вузе. Студенты решают кейсы, предложенные как на бумажных носителях, так и в формате видео, на котором представители разных специальностей / профессий задают студентам проблемные вопросы непосредственно с места производства и др.; студенты погружаются в профессиональные туры на разные производства, проходят профессиональные пробы, знакомятся с содержанием деятельности разных специалистов, которые задают вопросы студентам в контексте осваиваемых общеобразовательных дисциплин; студенты встречаются с выпускниками вуза, участвуют в конкурсе проектов, организованных выпускниками вуза и др.

2. *Выбор деятельности, определяющей реализацию их Концепции профессионального самоопределения.*

Студент осознанно, самостоятельно, целенаправленно осуществляет выбор специализации и самоопределения, который заключается в выборе профильных предметов, самореализации, саморазвитии студента, когда на основе собственных способностей и возможностей студент начинает воспринимать себя как субъект будущей профессиональной

деятельности, идентифицировать себя с определенной профессией. Студент осознанно погружается в исследовательскую деятельность, осваивает профильные предметы, которые дадут ему возможность реализовать его Концепцию профессионального самоопределения и др.

Преподаватели организуют процесс обучения в контексте выбранным студентом специализации, профильных предметов, профессии, выявления различных способов трудоустройства, построения карьеры.

Преподаватель организует следующую деятельность студентов: посещение студентами тематических выставок (например, ExpoElectronica), на которых они знакомятся с современными достижениями, инновациями в сфере микроэлектронной промышленности, робототехники, встраиваемых систем, информационных технологий; общение студентов с потенциальными работодателями; включение студентов в конкурсы проектных работ по заданным тематикам в областях, соответствующих получаемому образованию, по разработке, реализации и защите продукта научно-технического студенческого творчества с привлечением преподавателей и представителей предприятий; участие студентов в Добровольном квалификационном экзамене и в программах академической мобильности / стажировках и др.

3. *Формирование положительных установок студента к будущей профессии.*

Студент начинает активно осознавать свою принадлежность к определенной профессии или сфере деятельности (4-й курс). Он проходит через ряд важных процессов и изменений, которые помогают ему сформировать профессиональную идентичность, выражющуюся в самоотождествлении себя с другими представителями профессиональной среды (реальными и идеальными), на основании устоявшейся эмоциональной связи, способствующей реализации программы профессионального самоопределения студента.

III этап. Реализация содержания образа Я-профессионала в профессионально-практической деятельности (4-й курс). Цель: способствование развитию умений и навыков творческого использования имеющейся теоретической базы и практических умений и навыков в определенной профессиональной деятельности, в конкретной практической ситуации.

Задачи этапа:

- 1) прохождение учебной и производственной практики;
- 2) развитие студентом профессионально-значимых качеств, компетенций и соотнесение их с критериями профессионализма;

3) реализация программы профессионального самоопределения.

Студент включается в прохождение учебной и производственной практики, развивает навыки и умения творческого использования имеющейся теоретической базы и практических навыков и умений в определенной профессиональной деятельности, в конкретной ситуации. В ходе / результате практики, основываясь на оценке деятельности руководителя практики, самооценке своей деятельности, собственных способностей и возможностей, студент выражает отношение к себе как субъекту будущей профессиональной деятельности. Студент выявляет смыслы выполняемой деятельности в контексте социально-экономической ситуации страны, развивает свои профессионально-значимые качества, компетенции и соотносит их с критериями профессионализма. Помимо этого, он проявляет профессиональную идентичность, выражющуюся в степени отождествления себя с профессиональной ролью / идеальным специалистом, в принятии профессиональных норм и ценностей, в эмоциональном отношении к профессии, в осознании факта самореализации, в сформированности профессиональной сферы. Студент реализует программу профессионального самоопределения.

Преподаватель использует следующие педагогические средства, формы работы: включение студентов в публикационную активность с результатами их трудовой деятельности, полученной во время прохождения практики; апробация результатов исследований на внутренних и внешних конференциях для получения обратной связи от сторонних слушателей и др.

IV этап. Рефлексия студентом его профессиональной готовности к определенному виду профессиональной деятельности. Цель: осмысление, определение студентом его профессиональной готовности к определенному виду профессиональной деятельности.

Задача этапа: *самоанализ и самооценка профессионального поведения в соответствии с образом Я-профессионал, профессиональной готовности: профессиональных качеств, ценностных ориентаций, которые характеризуют выбранную профессию.*

Студент анализирует, оценивает свою профессиональную готовность, т. е. свои профессиональные качества, ценностные ориентации, которые характеризуют выбранную профессию и без которых успешное профессиональное становление не представляется возможным.

Студент оценивает готовность и способность к выбранной будущей трудовой деятельности, оценивает себя как будущего профессионала:

- анализирует сохранение собственного устойчивого отношения к выбранной профессии: осознание себя как будущего профессионала, принятие выработанных в обществе критериев принадлежности к определенной сфере общественных отношений и социальному кругу, сохранение собственных интересов, мотивов, потребностей в выбранной профессиональной деятельности и др.;
- осуществляет самоанализ, самооценивание собственных способностей, ценностных ориентаций, действий по пониманию степени соответствия собственных способностей требованиям выбираемой профессии;
- анализирует, оценивает деятельность по само реализаци, саморазвитию, самоизменению, отраженную в его программе профессионального самоопределения; анализирует собственное авторство в управлении своей жизненной / профессиональной траектории: оценивает расширение своих профессиональных компетенций, осуществленное по собственной инициативе, закрепившихся личностных, профессиональных качеств, необходимых для успешного выполнения будущей профессиональной деятельности и др.;
- осуществляет профессиональную самооценку, анализирует уровень профессиональных притязаний, свое отношение к тому месту, на которое он претендует, выявляет смыслы своей профессиональной деятельности.

Преподаватель использует следующие педагогические средства, формы работы: написание студентами эссе, работа с Я-концепцией профессионального развития, включающей программу профессионального развития студента и др.

Заключение

Представленные четыре этапа профессионального самоопределения студентов технического вуза учитывают не только личностные компоненты (выявление смыслов выбираемой профессиональной деятельности, самоанализ, самопознание и самооценивание собственных способностей), но и специфику обучения в техническом университете, тесное локальное взаимодействие с представителями предприятий и предприятиями в целом, активное приобщение студентов к социальной среде на протяжении всех лет обучения. Данные этапы войдут в проектируемую модель поэтапного процесса профессионального самоопределения студентов, которая нацелена способствовать профессиональному развитию студента во многих видах деятельности в рамках образовательной среды вуза и социальной среды.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflicts of interest in relation to the research, authorship and/or publication of this article.

Литература / References

1. Шараева В. П. Основные подходы к профессиональному самоопределению студентов в образовательной среде вуза. *Мир университетской науки: культура, образование*. 2024. № 1. С. 67–77. [Sharaeva V. P. Basic approaches to students' professional self-determination in higher education settings. *The world of academia: Culture, education*, 2024, (1): 67–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2658-6983-2024-1-67-77>
2. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: Академия, 2007. 501 с. [Prjazhnikov N. S. *Professional self-determination: Theory and practice*. Moscow: Akademija, 2007, 501 c. (In Russ.)]
3. Валитова Е. Ю. Проблемы профессионального самоопределения студентов в техническом университете. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014. № 4. С. 157–162. [Valitova E. Yu. Problems of professional self-determination of students at technical university. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, (4): 157–162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sctwn>
4. Ломакина Т. Ю., Крыжановская И. В. Функциональная модель профессионального педагогического сопровождения самоопределения студентов технических вузов. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2020. Т. 1. № 6. С. 78–90. [Lomakina T. Yu., Kryzhanovskaya I. V. Functional model of pedagogical support for professional self-determination for technical universities students. *Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika*, 2020, 1(6): 78–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ixrmvw>
5. Шалавина Т. И., Пьянкова Л. А. Индивидуальный подход к формированию профессионального самоопределения студентов педагогического колледжа. Новокузнецк: КузГПА, 2010. 227. [Shalavina T. I., Pyankova L. A. *Individual approach to the formation of professional identity in pedagogical college students*. Novokuznetsk: KuzSPA, 2010, 227. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyfwkr>
6. Зеер Э. Ф. Содействие профессиональному самоопределению обучающихся в современных социально-экономических условиях. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2013. № 3-4. С. 30–37. [Zeer E. F. Assistance to professional self-determination of the trained in modern social and economic conditions. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2013, (3-4): 30–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnbibj>
7. Теория и практика формирования профессионального самоопределения молодежи в условиях непрерывного образования: (на примере деятельности КемГУ), ред. Ю. А. Захаров, Н. Э. Касаткина, Б. П. Невзоров, Т. М. Чурекова. Кемерово: КемГУ, 1996. 160 с. [Theory and practice of the formation of professional identity of youth in the context of continuing education at Kemerovo State University, eds. Zakharov Yu. A., Kasatkina N. E., Nevezorov B. P., Churekova T. M. Kemerovo: KemSU, 1996, 160. (In Russ.)]
8. Пospelova Ю. П., Fakhruddinova A. B. К определению понятия «культура самообразования личности» выпускника современного вуза. *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 2. С. 94–100. [Pospelova Ju. P., Fakhruddinova A. V. The concept of the individual "culture of self-education of a modern" university graduate student. *Kazan Pedagogical Journal*, 2021, (2): 94–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51379/kpj.2021.146.3.012>
9. Чебровская С. В. Профессиональное самоопределение как феномен: психологическое содержание, структура, условия развития. *Современные научно-исследовательские технологии*. 2022. № 9. С. 224–228. [Chebrovskaya S. V. Professional self-determination as a phenomenon: Psychological content, structure, development conditions. *Modern High Technologies*, 2022, (9): 224–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/snt.39337>
10. Константинова Н. И. Факторы профессионального самоопределения студентов. *Вопросы теории и истории педагогики*, ред. Л. С. Беляева. Мурманск: МГИ, 2004. С. 8–16. [Konstantinova N. I. Factors of professional identity of students. *Questions of theory and history of pedagogy*, ed. Belyaeva L. S. Murmansk: MGI, 2004, 8–16. (In Russ.)]
11. Лесина О. В. Аксиологический подход в исследовании профессионального самоопределения студентов – будущих специалистов атомной отрасли. *Современные исследования социальных проблем*. 2015. № 8. С. 335–343. [Lesina O. V. Axiological approach to the study of vocational self-determination of students – future nuclear experts. *Modern Studies of Social Issues*, 2015, (8): 335–343. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-27>
12. Павлова Л. Н., Гордеева И. С. Профессиональное самоопределение студентов: проблемы и практика их решений. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2020. 143 с. [Pavlova L. N., Gordeeva I. S. *Professional identity in students: Problems and practical solutions*. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2020, 143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twfngg>

13. Старикова Л. Н. Процесс профориентации и профессионального самоопределения студентов-выпускников средней профессиональной школы. Пермь: Пермский гос. технический ун-т, 2008. 91 с. [Starikova L. N. *The process of career guidance and professional identification in graduate students of secondary vocational colleges*. Perm: Permskij gos. tehnicheskij un-t, 2008, 91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwrchp>
14. Гарбузова Г. В. Процесс формирования профессиональной идентичности студентов. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. Т. 18. № 44. С. 340–344. [Garbuzova G. V. Forming of students' professional identity. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, 18(44): 340–344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvaszf>
15. Белякова Е. Г. Смысловые механизмы профессионального самоопределения студентов – будущих педагогов. Тюмень: ТюмГУ, 2020. 144 с. [Belyakova E. G. *Semantic mechanisms of professional identity in future teachers*. Tyumen: UTMIN, 2020, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mtsjsbv>
16. Поздеева С. И., Шаляпина С. В. Составляющие профессионального самоопределения студента педагогического вуза. *Научно-педагогическое обозрение*. 2020. № 3. С. 36–47. [Pozdeeva S. I., Shalyapina S. V. Components of professional self-determination of a pedagogical university student. *Pedagogical Review*, 2020, (3): 36–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-3-36-47>
17. Гареева И. А., Ковалева А. В., Кан А. Е. Этапы профессионального развития студентов-бакалавров. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2023. Т. 20. № 2. С. 140–151. [Gareeva I. A., Kovaleva A. V., Kan A. E. Stages of professional development of bachelor students. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2023, 20(2): 140–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2023-20-2-140-151>
18. Музалева Д. А., Шубович М. М. Этапы формирования профессионально-личностного самоопределения студентов. *Научные исследования XXI века*. 2022. № 6. С. 375–379. [Muzaleva D. A., Shubovich M. M. Stages of forming professional and personal self-determination of students. *Nauchnye issledovaniya XXI veka*, 2022, (6): 375–379. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hibmgn>
19. Боброва Н. А., Солодова Г. Г. Содержание педагогических дисциплин как отражение поликультурного образовательного пространства изменяющегося социума для профессионального самоопределения студентов вуза. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-3. С. 11–18. [Bobrova N. A., Solodova G. G. The syllabus of pedagogical subjects as the reflection of multicultural educational process in the changing society for professional self-identification of university students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-3): 11–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txtntv>
20. Шараева В. П. Проблема профессионального самоопределения студентов технического университета. *Современные научные исследования: социальные и гуманитарные науки: XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 3 ноября 2023 г.) М.: Империя, 2023. С. 57–60. [Sharaeva V. P. The problem of professional identity in technical university students. *Modern scientific research: Social sciences and humanities: Proc. XXXVIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 3 Nov 2023. Moscow: Imperiia, 2023, 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmpgcg>
21. Рочева О. Е. Психологические исследования нравственных идеалов личности. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2010. № 2. С. 343–345. [Rocheva O. E. Psychological research of moral ideals of personality. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, (2): 343–345. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mtzybx>
22. Фролова С. Л. Формирование профессиональных идеалов у студентов высшей школы. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities*. 2016. Т. 2. № 4. С. 198–211. [Frolova S. L. Formation of professional ideals of high school students. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities*, 2016, 2(4): 198–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2016-2-4-198-211>
23. Фролова С. Л. Профориентация и профессиональный идеал. *Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*. 2017. № 2. С. 951–956. [Frolova S. L. Career guidance and professional ideal. *Konferencium ASOU: Sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferencij*, 2017, (2): 951–956. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxjvfv>
24. Шевелева А. М. Идеал профессиональной карьеры как представление о наилучшем пути профессионального развития. *Профессиональные представления*. 2009. № 1. С. 45–74. [Sheveleva A. M. The professional career ideal as the best professional path representation. *Professionalnye predstavleniya*, 2009, (1): 45–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbjjmv>
25. Бранский В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 703 с. [Bransky V. P. *Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of a work of art in Art History*. Kaliningrad: Iantarnyi skaz, 1999, 703. (In Russ.)]

26. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 438 с. [Mikeshina L. A. *Epistemology of values*. Moscow: ROSSPEN, 2007, 438. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwpirv>
27. Бондаревская Е. В. Концепции личностно-ориентированного образования и целостная педагогическая теория. *Школа Духовности*. 1999. № 5. С. 41–66. [Bondarevskaya E. V. Concepts of personality-oriented education and holistic pedagogical theory. *Shkola Duhovnosti*, 1999, (5): 41–66. (In Russ.)]
28. Kochneva E. M., Simanina A. A. Теоретико-методологические аспекты проектирования обучающимися индивидуальной профессиональной позиции. *Mир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 5. С. 1–10. [Kochneva E. M., Simanina A. A. Theoretical and methodological aspects of designing an individual professional position by students. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, 8(5): 1–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ccgtih>
29. Шумская Л. И. Новые требования к профессиональному становлению личности: вызовы современности. *Ananyevские чтения – 2018 психология личности: традиции и современность*: Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–26 октября 2018 г.) СПб.: ООО «Айсинг», 2018. [Shumskaya L. I. New requirements for the professional development of a personality: Modern challenges. *Ananyev Readings 2018: Psychology of personality: Traditions and modernity*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 23–26 Oct 2018. St. Petersburg: ООО "Айсинг", 2018. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvgipr>
30. Деркач А. А. Оптимизация личностно-профессионального развития студентов на основе акмеологического потенциала профессиональных дисциплин. *Акмеология*. 2014. № S1-2. С. 15–17. [Derkach A. A. Optimization of personal and professional development of students based on the acmeological capacity of professional disciplines. *Akmeologija*, 2014, (S1-2): 15–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbgqzr>
31. Прялухина А. В., Созинова М. В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития личности студента в вузе. *Бизнес. Образование. Право*. 2020. № 1. С. 384–388. [Pryalukhina A. V., Sozinova M. V. Psychological and pedagogical support of professional development of the personality of a student at the university. *Business. Education. Law*, 2020, (1): 384–388. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.50.146>
32. Зюкина Е. А., Затолокина М. А., Никишина Н. А. Формирование профессионального идеала у студентов медицинских вузов. *Коллекция гуманитарных исследований*. 2023. № 3. С. 76–81. [Zyukina E. A., Zatolokina M. A., Nikishina N. A. Formation of a professional ideal among medical students. *The Collection of Humanitarian Studies*, 2023, (3): 76–81. (In Russ.)] [https://doi.org/10.21626/j-chr/2023-3\(36\)/9](https://doi.org/10.21626/j-chr/2023-3(36)/9)
33. Токарева И. Н. Личностная организация времени и жизни в процессе профессионального самоопределения студентов. М.: Белый ветер, 2023. 173 с. [Tokareva I. N. *Personal organization of time and life in the process of professional identity in students*. Moscow: Belyi veter, 2023, 173. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jlinaox>

Проблема подготовки будущих юристов в области здоровьесбережения и гражданско-правовой защиты здоровья граждан

Богомолова Елена Владимировна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Россия, Рязань
eLibrary Author SPIN: 4654-4335
<https://orcid.org/0009-0005-6829-3553>

Мотина Ольга Александровна

Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 5683-1836
<https://orcid.org/0000-0002-9636-6482>
motina.olga1979@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у студентов – будущих юристов – личностных качеств, необходимых для сохранения и укрепления собственного здоровья и защиты здоровья граждан в будущей профессиональной деятельности, так как защита жизни и здоровья населения является важнейшей ценностью современного общества. Цель – обосновать необходимость подготовки будущих юристов, обладающих навыками здоровьесбережения и их использования в профессиональной юридической деятельности, то есть валеологической компетенцией. Теоретическую основу исследования составили работы российских и зарубежных исследователей, ученых, юристов, политиков, обращающихся к понятиям *здоровье, здоровый образ жизни, валеология*, участвующих в разработке программ по оздоровлению населения, а также занимающихся вопросами изучения права человека в сфере здравоохранения. Методологическая основа – здоровьесберегающий подход, в основе которого лежит постановка проблемы формирования навыков здоровьесбережения для жизни и профессиональной деятельности будущего юриста. На основе анализа научно-педагогической литературы, современных исследований ученых, наблюдений опытных юристов за молодыми специалистами выделена проблема формирования у будущих юристов навыков собственного здоровьесбережения и защиты здоровья граждан на основе законов Российской Федерации. Научная новизна исследования заключается в выявлении и обосновании взаимосвязи здоровьесбережения с профессиональной составляющей у студентов-юристов. Теоретическая значимость статьи заключается в расширении представлений о здоровьесбережении как важном профессиональном качестве будущего юриста и в применении умений по сохранению и укреплению здоровья в профессиональной юридической деятельности. Сделан вывод о том, что общество нуждается в услугах юристов, обладающих не только профессиональными знаниями, но и разбирающихся в вопросах здоровьесбережения.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, валеология, здоровьесбережение, правовая защита, будущий юрист

Цитирование: Богомолова Е. В., Мотина О. А. Проблема подготовки будущих юристов в области здоровьесбережения и гражданско-правовой защиты здоровья граждан. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 375–384. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-375-384>

Поступила в редакцию 26.03.2025. Принята после рецензирования 30.04.2025. Принята в печать 02.05.2025.

full article

Training Future Lawyers in Healthcare and Civil Law Protection of Public Health

Elena V. Bogomolova

Yesenin Ryazan State University, Russia, Ryazan
eLibrary Author SPIN: 4654-4335
<https://orcid.org/0009-0005-6829-3553>

Olga A. Motina

Lebedev Russian State University of Justice, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 5683-1836
<https://orcid.org/0000-0002-9636-6482>
motina.olga1979@yandex.ru

Abstract: National health is currently the most important social value. Students of law are to obtain skills of preserving their own health if they want to learn to protect the health of their clients as part of their future professional activities. Future lawyers need to develop health-preservation skills, i.e., valeological, or health-and-wellness competence. The article contains a review of Russian and foreign publications in science, law, and politics that feature the concepts of *health*, *healthy lifestyle*, and *valeology*, as well as works published by officials engaged in developing national health programs and protection of human rights in the field of healthcare. Methodologically, the research relied on the health-saving approach, applied to the development of health-saving personal and professional skills in law students. An analysis of scientific and pedagogical reports by experienced lawyers revealed a certain gap in health-preservation skills in young lawyers. Personal health preservation correlates with professional skills in law students. Health preservation is as an important professional quality of future lawyers, directly related to their ability to preserve and promote the health of their clients. Russian society needs lawyers whose professional knowledge includes the current issues of healthcare.

Keywords: health, healthy lifestyle, valeology, health preservation, legal protection, future lawyer

Citation: Bogomolova E. V., Motina O. A. Training Future Lawyers in Healthcare and Civil Law Protection of Public Health. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 375–384. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-375-384>

Received 26 Mar 2025. Accepted after review 30 Apr 2025. Accepted for publication 2 May 2025.

Введение

На протяжении истории человечества самым значимым показателем качества жизни служит здоровье. Проблема сохранения здоровья всегда была актуальной и остается такой по сей день [1]. В современном мире жизнь и здоровье человека – высшие ценности, которые должны находиться под охраной государства и общества [2]. Забота о здоровье и популяризация здорового образа жизни становятся основной частью системы ценностей человека. В наше время особую актуальность приобретает проблема сохранения и укрепления здоровья. Она связана с политическими, экономическими, социальными и другими реалиями нашего общества. Юрист, как правозащитник интересов человека, его здоровья, сам должен обладать глубокими знаниями в области здоровьесбережения, чтобы качественно оказывать юридические услуги, а также использовать эти знания в профессиональной деятельности для защиты жизни и здоровья других людей. Как подчеркивают О. В. Сундатова и П. А. Феоктистов, реализация прав

человека является одним из значимых юридических интересов граждан РФ [3].

Цель работы – обосновать необходимость подготовки будущих юристов, обладающих навыками здоровьесбережения и их использования в профессиональной юридической деятельности, т. е. valeологической компетенцией.

При рассмотрении вопросов здоровья, здорового образа жизни, valeология мы опирались на данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), рассматривали государственные программы по оздоровлению населения России, Белоруссии, Казахстана и Китая, а также работы российских и зарубежных исследователей, опытных юристов.

Всемирная организация здравоохранения считает одним из перспективных путей сохранения и укрепления здоровья населения формирование здорового образа жизни с отработкой навыков здоровьесберегающего поведения¹. Для этого ВОЗ предоставляет странам и их населению знания

¹ Health and well-being and the 2030 agenda for sustainable development in the WHO European region: An analysis of policy development and implementation. URL: <https://www.who.int/europe/publications/item/WHO-EURO-2021-1878-41629-56873> (accessed 1 Mar 2025).

о здоровье². Всемирной организацией здравоохранения разработаны различные программы, предусматривающие укрепление здоровья граждан на основе сотрудничества между государственными, частными, общественными и волонтерскими организациями.

В программе «Здоровые города», разработанной ВОЗ, отмечается, что в социальной, экономической и политической повестке городских властей здоровье должно стоять на первом месте. Данная программа предусматривает укрепление здоровья граждан на основе сотрудничества между государственными, частными, общественными и волонтерскими организациями, вовлечения местных жителей в процесс принятия решений³.

Всемирная организация здравоохранения считает, что здоровье характеризуется состоянием благополучия, при котором человек может реализовать свой потенциал, справляясь с жизненными стрессами, продуктивно учиться и работать, а также вносить вклад в развитие своего сообщества⁴.

Государственная политика нашей страны направлена на здоровьесбережение граждан⁵. Анализ государственных документов – Конституции РФ, Закона РФ об образовании, Основ законодательства России о здравоохранении – свидетельствует о том, что стратегической целью системы образования является воспитание человека, ответственного не только за собственное здоровье, но и здоровье граждан как высшей индивидуальной и общественной ценности. Поддержание здоровья студентов, преподавателей и сотрудников – одно из важных направлений социальной политики образования [4]. Тенденции государственной политики РФ направлены на здоровьесбережение, что нашло отражение в законодательных и нормативных документах⁶.

В Российской Федерации приняты различные проекты, программы, направленные на оздоровление нации⁷. Программы «Здоровая Россия», «Здоровая нация – здоровая Россия» нацелены на формирование у соотечественников бережного отношения к своему здоровью, психической и физической форме. По словам заместителя Председательства Правительства РФ Татьяны Алексеевны Голиковой, программа «Здоровая Россия» – это не просто набор мероприятий, а начало перемен в образе жизни страны. Для этой цели проводятся мероприятия: «Трезвая Россия – здоровая нация», «Культура тела» и многое другое, задачами которых является сделать здоровый образ жизни по-настоящему престижным и модным⁸.

В странах ближнего зарубежья также заботятся о здоровье граждан. Государственная политика Республики Казахстан направлена на сохранность, укрепление здоровья населения [5]. В республике действует государственная программа развития здравоохранения на 2020–2025 гг. Основное внимание уделено формированию у населения приверженности к здоровому образу жизни и развитию службы общественного здоровья⁹.

В Республике Беларусь реализуется государственная программа, приоритетными направлениями которой является разработка мер по укреплению репродуктивного здоровья, формированию культуры здорового образа жизни и здоровьесбережения; совершенствование системы поддержки семей с детьми и др.¹⁰

Государственная политика Китая направлена на здоровьесбережение граждан. Программа «Здоровый Китай 2030» (Healthy China 2030 (HC 2030)) ставит целью популяризацию здорового образа жизни среди населения. Для улучшения физической активности у молодежи Китая была разработана

² Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Здоровые города районы и поселки. URL: <https://zdrorvyegoroda.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴ Информационный бюллетень о психическом здоровье. 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (accessed 1 Mar 2025).

⁵ Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011. СПС КонсультантПлюс.

⁶ О Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ № 254 от 06.06.2019 (ред. от 27.03.2023); Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 г. Приказ Минздрава России № 8 от 15.01.2020; Об основах охраны здоровья граждан в РФ... СПС КонсультантПлюс.

⁷ Национальный проект «Здравоохранение». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie/>; Национальный проект «Демография». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>; Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья». URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/natsproektzdravookhranenie/zozh> (дата обращения: 01.03.2025).

⁸ Государственная программа «Здоровая нация – здоровая Россия»: описание и особенности. FB.ru. 11.10.2017. URL: <https://fb.ru/article/348162/gosudarstvennaya-programma-zdrorovaya-natsiya---zdrorovaya-rossiya-opisanie-i-особенности> (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Государственная программа развития здравоохранения республики Казахстан на 2020–2025 годы. URL: <https://aipm.kz/ru/zakonodatelstvo/zakonodatelnye-akty-rk/2303-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravookhraneniya-respubliki-kazakhstan-na-2020-2025-gody.html> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁰ О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100028> (дата обращения: 01.03.2025).

национальная программа по фитнесу (2021–2025 гг.)¹¹; Чжэцзянский промышленно-коммерческий университет предложил студентам скидку в столовой за количество пройденных шагов в день.

Организация массового спорта – одна из приоритетных задач Генеральной администрации спорта (ГАС) КНР. Здоровье человека является высшей национальной ценностью, и возрождение нации должно начинаться именно со здоровья, в первую очередь, детей [6].

Многие ученые, занимающиеся проблемой здоровьесбережения, считают, что здоровый образ жизни – это поведение человека, направленное на сохранение и укрепление здоровья [7]. Здоровый образ жизни особенно важен и имеет большое значение в студенческой жизни, т. к. молодежь – будущее страны [8]. Однако стоит отметить, что риску ухудшения уровня здоровья больше всего подвержены студенты [9]. Здоровый образ жизни – главный фактор здоровья¹².

По мнению китайских исследователей, здоровый образ жизни – это отказ от курения, умеренная или интенсивная физическая активность, здоровое питание и поддержание идеальной массы тела [10].

Хорошее здоровье служит основным условием для выполнения человеком его биологических и социальных функций [11]. Хорошее состояние здоровья населения – один из показателей устойчивости государства и его развития [12].

И. И. Мухаметшина и Д. Р. Ягудин рассматривают понятие *здоровье* как главную ценность для человека, оказывающую влияние на все сферы его деятельности [13].

Неотъемлемой частью здорового образа жизни человека, оказывающей заметное воздействие практически на все стороны жизнедеятельности человека, является двигательный режим [14].

Российский профессор И. И. Брехман увидел необходимость разработки основ науки о здоровье. Им был предложен термин *валеология* (лат. *valeo* – здоровье, быть здоровым) [15]. А. М. Яценко подчеркивает, что валеология является наукой об искусстве быть здоровым, о том, как вести активный образ жизни с ранних лет [16]. Валеология включает в себя несколько составных частей: медицина, педагогика, психология, гигиена, физическая культура, общество-знание, экология, биология, ОБЖ. За рубежом

аналогом валеологии выступает направление *health promotion* и *health education* [17].

В вопросах жизни, здоровья и болезни проблема прав человека приобретает особую остроту. Система защиты прав и свобод человека является показателем степени демократичности государства [18]. Современное общество сталкивается с потребностью в юридическом регулировании разнообразных медицинских вопросов, связанных со здоровьем, что создает спрос на юридических специалистов, разбирающихся в специфическом нормативно-правовом регулировании этой отрасли. Сфера медицинской деятельности – одна из важнейших сфер правового регулирования, которая коррелирует с безопасностью жизни и здоровья человека [19].

В нашей стране являются важными вопросы медицинского права, т. к. они открывают проблемы правового регулирования в вопросах защиты здоровья граждан, которые необходимо восполнить. Об этом свидетельствует Указ Президента РФ № 254 от 6 июня 2019 г. «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». Это говорит о потребности в регулировании системы здравоохранения, повышения качества медицинской помощи, а значит и повышения качества жизни в России [20].

Юрист П. А. Толкунова отмечает, что современное общество сталкивается с растущей потребностью в регулировании разнообразных медицинских вопросов, включая права пациентов, медицинскую ответственность, этику медицинской практики, лечение и медицинское страхование¹³. В результате на сегодняшний день единого мнения о том, что считать врачебной ошибкой, нет ни на законодательном уровне, ни в научном сообществе. Однако это серьезная проблема, требующая внимания и активных мер для ее решения [21].

Ведущий юрисконсульт Республики Беларусь Татьяна Соколовская видит необходимость в регулировании общественных отношений, возникающих в сфере охраны здоровья граждан, рассматривает современного юриста как специалиста, который должен разбираться как в вопросах юриспруденции, так и в вопросах медицины и смежных областей¹⁴.

Большое значение развитию медицинского права для общества, пациентов, медицинских работников придает Ж. У. Тлембаева [22].

¹¹ China's National Fitness Plan and the rise of the country's Sportswear Industry. URL: <https://www.asianleisure.biz/news/chinas-national-fitness-plan-and-the-rise-of-the-countrys-sportswear-industry/> (accessed 1 Mar 2025).

¹² Здоровый образ жизни и его составляющие. Центр общественного здоровья и медицинской профилактики. 20.02.2019. URL: <https://med-prof.ru/o-tsentre/novosti/zdorovyj-obraz-zhizni-i-ego-sostavlyushchie/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹³ Юрист по медицинским спорам. Медицинский юрист. *Zakon.ru*. 12.05.2023. URL: https://zakon.ru/publication/yurist_po_medicinskim_sporam_medicinskij_yurist (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁴ Юрист в здравоохранении – не только юрист. *Юрист*. 08.02.2024. URL: <https://jurist.by/zhurnal/statia/yurist-v-zdravooхранении-ne-tolko-yurist> (дата обращения: 01.03.2025).

Как полагают китайские исследователи, изучение права в сфере здравоохранения является важной частью глобального образования, полезного для медицинских и юридических факультетов. Эта область может помочь юристам в развитии их карьеры, а также дать базовые знания права в сфере здравоохранения традиционным медицинским работникам [23].

Право в сфере здравоохранения – это отрасль права, в которой действуют обязательные правила, регулирующие права и обязанности правительства страны, медицинских работников, компаний, гражданского общества и населения¹⁵.

Ученые Джорджтаунского юридического факультета утверждают, что юристам в сфере здравоохранения необходимо разбираться в законодательстве в области здравоохранения, поскольку они часто дают юридические консультации по вопросам информированного согласия, найма врачей, конфиденциальности пациентов и другим вопросам, связанным со здравоохранением¹⁶. Поэтому вопросы защиты жизни и здоровья граждан как важнейшей ценности общества требуют должного рассмотрения.

Главнейшим условием прогрессивного развития общества и мира в целом служит сохранение и укрепление здоровья молодого поколения. По словам Президента РФ В. В. Путина: «Именно молодые люди во все времена были и остаются двигателями ключевых проектов развития страны»¹⁷. Президент Казахстана также считает, что здоровый образ жизни граждан – базовое условие формирования здоровой нации¹⁸.

Понятие *здравье* является важнейшим философским, медицинским, социальным и педагогическим понятием. Оно находится в центре внимания ученых, педагогов и философов. В иерархии потребностей человека здоровье занимает самый высокий статус, который выражается в словах Сократа: «Здоровье не все, но все без здоровья – ничто». На сегодняшний день насчитывается около 300 определений понятия *здравья*, основанных на различном их понимании.

Учением о здоровье и здоровом образе жизни является валеология. У истоков становления учения о здоровье стояли такие известные ученые, как Н. М. Амосов, Б. Г. Ананьев, В. П. Казначеев, Ю. П. Лисицын, В. П. Петленко, А. И. Субетто, Ф. Г. Углов

и ряд других исследователей. В 1996 г. по инициативе профессора Г. А. Кураева и при участии руководимых им сотрудниками был основан и до настоящего времени продолжает выпускаться единственный в России специализированный научно-практический журнал «Валеология». Валеология была утверждена как учебная дисциплина и включена в Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Однако возникшая в 2000-х гг. в обществе волна недоверия к валеологии побудила Министерство здравоохранения и Министерство образования изменить отношение к этой учебной дисциплине. Понятие *валеология* стало постепенно исключаться из профессионального учебно-методического и научно-методического оборота, из теории и практики образовательной, научно-исследовательской и оздоровительной деятельности [24].

По данным Росстата, в настоящее время численность населения России сокращается более чем на 400 тыс. человек в год¹⁹. Становится очевидно, что в условиях потенциальной угрозы национальной безопасности России было бы нецелесообразно отказываться от разработки и применения практики здравоохранения населения страны. Самым доступным путем решения демографических проблем в современных условиях нашей жизни является обучение здоровью и здоровому образу жизни, т.е. возвращение к основам валеологии, как и рекомендовал профессор И. И. Брехман.

Валеология помогает не только сохранить и улучшить здоровье в современных условиях, но и предлагает механизмы защиты организма от вредных воздействий окружающей среды. Это аналитическая и практическая наука, призванная дать каждому из нас ключи к здоровой и полноценной жизни²⁰.

Валеология в области педагогики изучает вопросы сохранения и укрепления здоровья обучающихся, разрабатывая методы улучшения физического, психоэмоционального состояния через образовательные процессы. В профессиональном образовании валеология ставит особенные цели, заключающиеся в формировании высококвалифицированного специалиста для рынка труда. Выпускники профессиональных учебных заведений должны обладать

¹⁵ Об основах охраны здоровья граждан в РФ...

¹⁶ Health Law. Georgetown Law. URL: <https://www.law.georgetown.edu/academics/courses-areas-study/health-law/> (accessed 1 Mar 2025).

¹⁷ Путин считает, что молодежь является двигателем прорывных проектов. РЖД. 01.09.2021. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=197566> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁸ Колыбель большого спорта. Казахстанская правда. 09.02.2021. URL: <https://kazpravda.kz/n/kolybel-bolshogo-sporta/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁹ Росстат ожидает сокращения населения РФ к концу 2045 г. до 138,77 млн человек. Интерфакс. 20.10.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/926945> (дата обращения: 01.03.2025).

²⁰ Блог о развитии мозга. URL: <https://brainapps.ru/blog/> (дата обращения: 01.03.2025).

не только высокими профессиональными качествами, но и иметь отличное здоровье и высокую работоспособность. Это относится и к юристам, т. к. для защиты интересов клиента будущий юрист сам должен обладать глубокими знаниями в области здоровьесбережения, что позволит ему быть здоровым, а значит эффективным, а также оказывать помощь в вопросах защиты здоровья и жизни граждан.

Проблема прав человека приобретает особую остроту в вопросах жизни, здоровья и болезни. В медицине особенно отчетливо проявляется любая несправедливость, равнодушие, унижение достоинства человека. Если человек от рождения обладает естественными правами, то пациент или клиент должен обладать особыми правами, т. к. возможно он ограничен в свободе своей болезнью или болезнью близких людей.

Фундаментальными правами человека являются права на жизнь и здоровье. У юриста должны быть соответствующие юридические знания:

1. Гражданское право.
2. ФЗ «О защите прав потребителей», ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».
3. Принципы охраны конфиденциальной информации, включая медицинскую.
4. Трудовое право и основы правовых отношений в медицинской отрасли.
5. Стандарты оказания медицинской помощи и случаи, влекущие ответственность.
6. Правила лицензирования в медицине.
7. Система медицинского страхования²¹.

Важными личностными качествами юриста работодатели считают:

- компетентность и знания в области здоровьесбережения, психологии человека, этики, экономики и т.д.;
- аналитический склад ума, позволяющий обрабатывать огромные объемы информации, выделяя главное;
- умение отстаивать интересы организации или клиента, грамотно излагая свои мысли²².

Анализ мониторинга рынка вакантных предложений hh.ru²³ показал, что в 30 % случаев вакансий юридической индустрии необходимым условием при приеме на работу является наличие крепкого здоровья, выносливости, а также устойчивой нервной системы [25].

Таким образом, юрист, занимающийся проблемами защиты прав и здоровья граждан, должен

разбираться в вопросах здоровьесбережения, медицинском законодательстве, обладать глубокими знаниями в области гражданского права, защиты прав потребителя, знать нормативные акты, регулирующие медицинскую деятельность в целом и специализированных областях, поскольку медицинские споры связаны с вопросами компенсации ущерба, оказанием услуг, регулирования безопасности продуктов питания и лекарств, возмещения морального вреда и другими аспектами гражданско-правовой ответственности.

Методы и материалы

Методологической базой исследования послужили:

- здоровьесберегающий подход, предполагающий организацию образовательного процесса с позиции приоритета ценности здоровья студента и его профессиональных интересов в области здоровьесбережения граждан;
- принципы здоровьесберегающего подхода (индивидуализации, формирования ответственности за свое здоровье и здоровье окружающих людей, интеграции).

Для более глубокого изучения вопроса о необходимости подготовки будущих юристов, разбирающихся в вопросах здоровьесбережения, медицинском законодательстве, нами был проведен опрос 20 преподавателей юридических дисциплин Российского государственного университета правосудия имени М. В. Лебедева г. Москвы в 2024–2025 учебном году. В 2025 г. среди юридических фирм Московской области г. Химки был проведен опрос работодателей. В нем приняли участие 4 юридические фирмы: «Юрист», «Юридическая компания Ависта», «Покровправо», «Бизнес-Юрист». Также нами были опрошены студенты-юристы СПО Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева: студенты 1 курса – 12 человек, студенты 2 курса – 22, студенты 3 курса – 17.

Результаты

Опрос преподавателей юридических дисциплин г. Москвы в 2024–2025 учебном году позволил установить следующее. На вопрос о том, нуждается ли общество в услугах юристов, обладающих знаниями в области здоровьесбережения, 85 % респондентов дали утвердительный ответ, а 15 % – затруднились ответить. Необходимость в услугах таких специалистов преподаватели связывают с вопросами юридического обеспечения изготовления

²¹ Медицинские юристы: актуальность и перспективы. *Право.ru*. 01.06.2022. URL: <https://pravo.ru/story/239914/> (дата обращения: 01.03.2025).

²² Медицинский юрист: урегулирование конфликтов между пациентами и медучреждениями. *zdrav.ru*. 01.03.2018. URL: <https://www.zdrav.ru/articles/4293651956-qqq-16-m9-02-09-2016-meditsinskiy-yurist-trebovaniya> (дата обращения: 01.03.2025).

²³ hh.ru. URL: <https://hh.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

и распространения лекарственных препаратов, этических и юридических проблем репродуктивных технологий, телевизионных консультаций, вопросами эвтаназии, трансплантации органов, услугами неотложной медицинской помощи населению и др.

На вопрос о том, влияет ли право на врачебную деятельность, все респонденты ответили утвердительно (100 %).

О необходимости введения в процесс обучения юристов системы среднего профессионального образования (СПО) медицинского права мнения респондентов разошлись: 58,3 % считают, что введение этой отрасли является целесообразным на пути развития отечественной правовой системы; 41,7 % говорят об обратном, объясняя это отсутствием самостоятельного предмета и метода правового регулирования. Преподавателям, ответившим утвердительно, был задан вопрос, когда необходимо преподавать медицинское право: респонденты ответили, что видят необходимость в преподавании данной дисциплины на старших курсах, после изучения основных предметов. Основными темами курса могут быть: общая характеристика медицинского права, здравоохранение в РФ, юридическая ответственность за нарушения прав граждан и т.д.

Опрос работодателей, проведенный среди юридических фирм Московской области г. Химки в 2025 г., показал, что наиболее востребованными личностными качествами, которыми должен обладать юрист, работодатель считает отличное физическое самочувствие как залог успеха юридического предприятия, психологическая готовность к деятельности, устойчивое внутреннее равновесие, стрессоустойчивость, доброжелательность по отношению к людям (вне зависимости от пола, возраста и национальности), высокий уровень адаптации (рис. 1).

На рисунке 2 отражен результат опроса студентов-юристов СПО о том, какими знаниями должен обладать юрист в области здоровьесбережения, чтобы защитить здоровье граждан.

Заключение

Исследование проблемы необходимости подготовки будущих юристов, разбирающихся в вопросах здоровьесбережения и гражданско-правовой защиты граждан, показало, что общество нуждается в услугах юристов, обладающих не только профессиональными знаниями, но и разбирающихся в вопросах здоровьесбережения. Введение медицинского права в подготовку юристов СПО большинство преподавателей считают целесообразным. Работодатели рассматривают здоровье юриста, его психологическую готовность, стрессоустойчивость залогом успешности юридического предприятия. Также нами было выявлено отсутствие понимания студентами-юристами СПО взаимосвязи между профессиональной деятельностью юристов и здоровьесбережением граждан: студенты не осознают, как связана профессия юрист и здоровьесбережение населения [26]. Будущие юристы, не обладая глубокими знаниями в области здоровьесбережения, не могут эффективно решать проблемы защиты здоровья человека, а значит, не реализуют конституционного права гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Учитывая реалии современного общества, будущий юрист обязан обладать комплексом профессиональных знаний, высоким уровнем правосознания и интеллекта, а также личностными качествами в области собственного здоровьесбережения и защиты здоровья граждан. Как отмечает К. С. Тищенко, фактором сохранения и укрепления

Рис. 1. Наиболее востребованные личностные качества юриста у работодателей, %
Fig. 1. Popular personal qualities of a lawyer as seen by employers, %

Рис. 2. Мнение студентов о знаниях, которыми должен обладать юрист в области здоровьесбережения, %
Fig. 2. Healthcare knowledge a lawyer should have as seen by law students, %

здравья является хорошая физическая подготовка человека, независимо от его профессии, и юридические специальности не являются исключением [27]. В настоящее время необходимо совершенствование системы подготовки будущих юристов на основе применения педагогических технологий, включающих элементы, усвоение которых будет формировать знания о здоровьесбережении, а также глубокое осознание того, что здоровье человека – его главная ценность. Поэтому проблема подготовки будущих юристов, разбирающихся в вопросах здоровьесбережения и гражданско-правовой защиты, требует рассмотрения.

Юридическое образование в Российской Федерации должно быть неразрывно связано со здоровьесберегающими, социальными, нравственными, экономическими и политическими изменениями и ориентировано на сочетание интересов личности, государства и общества. Это поднимет индекс доверия и доверенности людей органами законодательной власти и станет инструментом защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России [28].

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Благодарности: Авторы выражают благодарность преподавателям и юристам, принявшим участие в анкетировании, рецензентам, которые работали над этой статьей и помогли сделать ее лучше.

Acknowledgments: The authors would like to thank the academics and lawyers who participated in the survey, as well as the reviewers who worked on this article and helped to make it better.

Литература / References

1. Денискина С. В., Кормилицын Ю. В. Физическая культура и спорт как основа формирования здорового образа жизни. *Молодой ученый*. 2022. № 25. С. 349–351. [Deniskina S. V., Kormilitsyn Yu. V. Physical culture and sports as the basis for the formation of a healthy lifestyle. *Molodoi uchenyi*, 2022, (25): 349–351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glinpp>
2. Волова А. А. Жизнь и здоровье человека как объекты правовой защиты. *Молодой ученый*. 2023. № 44. С. 178–180. [Volova A. A. Human life and health as objects of legal protection. *Molodoi uchenyi*, 2023, (44): 178–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhjlrn>
3. Сундатова О. В., Феоктистов П. А. Доступность правосудия как ресурс защиты законных интересов граждан. *Молодой ученый*. 2022. № 5. С. 224–226. [Sundatova O. V., Feoktistov P. A. Accessibility of justice as a resource for protecting the legitimate interests of citizens. *Molodoi uchenyi*, 2022, (5): 224–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvzmp>
4. Захарова М. В., Волошина И. Г. Здоровьесбережение в вузе. *Молодой ученый*. 2023. № 3. С. 295–297. [Zakharova M. V., Voloshina I. G. Health care at the university. *Molodoi uchenyi*, 2023, (3): 295–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpvcku>
5. Тайторина Б. А., Дошchanova Р. С., Гогаладзе К. Л. Эволюция государственной политики Республики Казахстан в сфере охраны здоровья населения. *Молодой ученый*. 2020. № 30. С. 94–102. [Tajtorina B. A., Doshchanova R. S., Gogaladze K. L. Evolution of the state policy of the Republic of Kazakhstan in the field of public health protection. *Molodoi uchenyi*, 2020, (30): 94–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phxtbb>
6. Антонова М. А., Бабенко А. Ю. Здоровый образ жизни как основа современного развития системы физического воспитания. *Молодой ученый*. 2022. № 50. С. 440–442. [Antonova M. A., Babenko A. Yu. A healthy lifestyle as the basis for the modern development of physical education. *Molodoi uchenyi*, 2022, (50): 440–442. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mkqora>
7. Хлебникова К. Н., Кошевая О. Г., Куриленко В. И., Овсянникова Н. А., Полякова М. А., Распопова В. С., Романенко В. М., Савоненко М. Н. Формирование здорового образа жизни и профилактика вредных привычек у младших школьников. *Молодой ученый*. 2023. № 52. С. 195–196. [Khlebnikova K. N., Koshevaya O. G., Kurilenko V. I., Ovsyannikova N. A., Polyakova M. A., Raspopova V. S., Romanenko V. M., Savonenko M. N. Developing a healthy lifestyle and preventing bad habits in primary schoolchildren. *Molodoi uchenyi*, 2023, (52): 195–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhjwhb>

8. Масягин С. С. Основные составляющие здорового образа жизни студента. *Молодой ученый*. 2021. № 15. С. 368–371. [Masyagin S. S. The main components of a student's healthy lifestyle. *Molodoi uchenyi*, 2021, (15): 368–371. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sumcpu>
9. Згурская Т. В., Ломов С. С. Формирование у студентов потребности в здоровом образе жизни. *Молодой ученый*. 2023. № 20. С. 179–183. [Zgurskaya T. V., Lomov S. S. Developing a need for a healthy lifestyle in university students. *Molodoi uchenyi*, 2023, (20): 179–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwvoby>
10. Liu G., Li Y., Pan A., Hu Y., Chen S., Qian F., Rimm E. B., Manson J. E., Stampfer M. J., Giatsidis G., Sun Q. Adherence to a healthy lifestyle in association with microvascular complications among adults with type 2 diabetes. *Jama Network Open*, 2023, 6(1). <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.52239>
11. Писарев Д. В., Фильшинская А. А. Проблема сохранения здоровья студенческой молодёжи. *Молодой ученый*. 2021. № 49. С. 335–337. [Pisarev D. V., Filshtinskaya A. A. The problem of preserving the health of students. *Molodoi uchenyi*, 2021, (49): 335–337. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmyskb>
12. Шкарупий А. А., Усольцев В. И. Виды медицинской помощи. *Молодой ученый*. 2022. № S13-1. С. 33–34. [Shkarupiy A. A., Usolcev V. I. Types of medical care. *Molodoi uchenyi*, 2022, (S13-1): 33–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujtocl>
13. Мухаметшина И. И., Ягудин Д. Р. Виды оздоровительных физических упражнений и их влияние на здоровье. *Молодой ученый*. 2023. № 12. С. 196–198. [Muhametshina I. I., Jagudin D. R. Types of wellness exercise their health effects. *Molodoi uchenyi*, 2023, (12): 196–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/llfcew>
14. Бойко Г. М., Турлак А. Н. Двигательный режим и его значение. *Молодой ученый*. 2021. № 52. С. 284–285. [Boyko G. M., Turlak A. N. Motor mode and its significance. *Molodoi uchenyi*, 2021, (52): 284–285. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lchfgs>
15. Басыров А. М. Валеология. Казань: Новое знание, 2010. 104 с. [Basyrov A. M. Valeology. Kazan: Novoe znanie, 2010, 104. (In Russ.)]
16. Яценко А. М. Валеологическое воспитание детей в дошкольном образовательном учреждении. *Молодой ученый*. 2020. № 44. С. 364–366. [Yatcenko A. M. Valeological education of preschoolers. *Molodoi uchenyi*, 2020, (44): 364–366. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bmhhiiu>
17. Борисова Т. С., Солтан М. М., Лабодаева Ж. П., Бобок Н. В., Лавинский Х. Х., Ростовцев В. Н., Терехова Т. Н., Навроцкий А. Л., Кирилова Е. Н., Волох Е. В., Пышная Т. Н. Валеология. Мн.: Вышэйшая школа, 2018. 352 с. [Borisova T. S., Soltan M. M., Labodaeva J. P., Bobok N. V., Lavinsky H. H., Rostovtsev V. N., Terekhova T. N., Navrotsky A. L., Kirilova E. N., Volokh E. V., Pyshnaya T. N. Valeology. Minsk: Vysheishaia shkola, 2018, 352. (In Russ.)]
18. Лихобабин В. С. Сущность конституционных прав и свобод человека и гражданина. *Молодой ученый*. 2022. № 20. С. 336–339. [Lihobabin V. S. Constitutional rights and freedoms of person and citizen. *Molodoi uchenyi*, 2022, (20): 336–339. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cphcip>
19. Абдрашитова И. З. Современные проблемы правового регулирования медицинской деятельности в России. *Молодой ученый*. 2024. № 42. С. 67–69. [Abdrashitova I. Z. Modern problems of legal regulation of medical activity in Russia. *Molodoi uchenyi*, 2024, (42): 67–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fkdiu>
20. Лобанова П. Д. Генезис медицинского права в России. *Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы*: VI студ. науч. конф. (Москва, 3 декабря 2021 г.) М.: МПГУ, 2022. С. 287–291. [Lobanova P. D. The genesis of medical law in Russia. *Legality and law and order: History, modernity, and current issues*: Proc. VI Stud. Sci. Conf., Moscow 3 Dec 2021. Moscow: MPSU, 2022, 287–291. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyfmvc>
21. Смывалова А. П. Актуальные проблемы уголовно-правовой оценки врачебных ошибок в условиях цифровизации современного общества. *Молодой ученый*. 2023. № 51. С. 350–351. [Smyvalova A. P. Actual problems of criminal law assessment of medical errors in the current context of social digitalization. *Molodoi uchenyi*, 2023, (51): 350–351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trvhha>
22. Тлембаева Ж. У. Проблемы развития медицинского права как отрасли казахстанского права и учебной дисциплины. *Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития*: IV Междунар. юрид. форум. (Новосибирск, 25–27 мая 2022 г.) Новосибирск: НГУЭУ, 2023. С. 286–296. [Tlembaeva Z. U. Developing medical law as a branch of Kazakh law and an academic discipline. *Law and economics: National experience and development strategies*: Proc. IV Intern. Law Forum, Novosibirsk, 25–27 May 2022. Novosibirsk: NSUEM, 2023, 286–296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhfxtj>
23. Wang W. Medical education in China: Progress in the past 70 years and a vision for the future. *BMC Medical Education*, 2021, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02875-6>

24. Бахтин Ю. К. Валеология – наука о здоровье: тридцать пять лет на трудном пути становления. *Молодой ученый*. 2015. № 17. С. 36–42. [Bahtin Yu. K. Valeology as the science of health: Thirty-five years of becoming. *Molodoi uchenyi*, 2015, (17): 36–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uicesh>
25. Евсеева К. И., Королев А. Г. Физическая культура в юриспруденции. *Инновационные тенденции развития системы образования: VII Междунар. науч.-практ. конф.* (Чебоксары, 11 июня 2017 г.) Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 220–222. [Evseeva K. I., Korolyov A. G. Physical education in law. *Innovative trends in the development of the education system: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Cheboksary, 11 Jun 2017. Cheboksary: Interactive plus, 2017, 220–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzdzwf>
26. Богомолова Е. В., Мотина О. А. Актуальность формирования valeologической компетенции у будущих юристов в системе СПО. *Гуманизация образования*. 2024. № 1. С. 130–140. [Bogomolova E. V., Motina O. A. The relevance of forming valeological competence in future lawyers in the save system. *Humanization of education*, 2024, (1): 130–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1029-3388-2024-1-130-140>
27. Тищенко К. С. Роль физической подготовки в обеспечении профессиональной деятельности юриста. *Молодой ученый*. 2023. № 40. С. 329–331. [Tishchenko K. S. The role of physical training in the professional activity of a lawyer. *Molodoi uchenyi*, 2023, (40): 329–331. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpycrk>
28. Глебов Н. А., Некрасова С. М. Проблема доверия населения к органам власти в России. *Исследования молодых ученых: XVI Междунар. науч. конф.* (Казань, 20–23 января 2021 г.) Казань: Молодой ученый, 2021. С. 59–62. [Glebov N. A., Nekrasova S. M. Public confidence in government authorities in Russia. *Research by young scientists: Proc. XVI Intern. Sci. Conf.*, Kazan, 20–23 Jan 2021. Kazan: Molodoi uchenyi, 2021, 59–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpoazl>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/leenzr>

Интеграция сервисов искусственного интеллекта в творческие задания при обучении РКИ

Дрейфельд Оксана Викторовна

Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9605-6551

<https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>

filoxenia@mail.ru

Аннотация: В статье представлена актуальная проблема интеграции искусственного интеллекта в обучение иностранным языкам. Цель – провести анализ возможностей использования сервисов ИИ в выполнении упражнений на создание различных видов условно творческих текстов в рамках обучения инофонов русскому языку как иностранному. Изучается метод использования ИИ как инструмента генерации условно творческих текстов при обучении русскому языку как иностранному. Использование генеративных ИИ-сервисов для преобразования вербальных текстов в условно творческие невербальные формы рассмотрено на примере визуализации песен и стихотворений на русском языке. Метод соотносится с такими направлениями лингводидактики, как рецептивно-продуктивное освоение художественных текстов, креативное письмо и нейропедагогика, ориентированная на когнитивные и эмоциональные особенности восприятия информации в цифровой среде. Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании и аprobации метода промт-визуализации – трансформации художественного текста в визуальный образ с помощью ИИ – как инструмента развития письменной продуктивной речи, креативных языковых навыков и межкультурной компетенции иностранных обучающихся. Теоретическая база включает идеи межсемиотической трансформации, различий между вербальными и визуальными формами выражения, а также концепции восприятия и интерпретации текста. Методика исследования включает анализ ИИ-сервисов, эксперимент с участием 28 иностранных студентов (уровень A2) и оценку результатов взаимодействия с ИИ при визуализации песенных и поэтических текстов. В результате использование нейросетей (GPT-4, Flyvi и др.) продемонстрировало положительное влияние на развитие креативного мышления, письменной речи и вовлеченности студентов. Промт-визуализация с ИИ доказала свою эффективность как междисциплинарный дидактический инструмент, расширяющий возможности креативного обучения иностранному языку в условиях цифровой образовательной среды.

Ключевые слова: творческие задания, творческое письмо, русский язык как иностранный, искусственный интеллект, обучение иностранным языкам с помощью ИИ, нейросети в образовании, креативность, нейропедагогика

Цитирование: Дрейфельд О. В. Интеграция сервисов искусственного интеллекта в творческие задания при обучении РКИ. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 385–395. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-385-395>

Поступила в редакцию 23.04.2025. Принята после рецензирования 19.05.2025. Принята в печать 21.05.2025.

full article

Integrating Artificial Intelligence Services in Creative Tasks for Teaching Russian as a Foreign Language

Oksana V. Dreifeld

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9605-6551

<https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>

filoxenia@mail.ru

Abstract: Generative artificial intelligence (AI) services can visualize Russian songs and poems. This option can be integrated into foreign language classes, e.g., as a tool for generating creative texts in teaching Russian as a foreign language. The method intersects with language pedagogy, including the receptive-productive approach to literary texts, creative writing instructions, and neuro-pedagogy that takes into account cognitive and emotional

processing in digital environments. The article describes the theoretical substantiation and trial results of a prompt-to-visualization method: fiction has to be interpreted as visual representations via an AI program that serves as a tool for developing written speech, creative language skills, and intercultural competence in foreign students. The theoretical framework incorporates the concepts of intersemiotic transformation, verbal vs. visual artistic expression, perception theory, and text interpretation. The experiment involved 28 foreign students (A2 Russian), who had to interact with GPT-4, Flyvi, and other AI programs to visualize Russian verses and lyrics. AI-based tools proved to enhance creative thinking, writing skills, and engagement. Promt-based visualization seems to be an effective interdisciplinary didactic instrument that expands the potential of creative language education in a digital learning environment.

Keywords: creative tasks, creative writing, Russian as a foreign language, artificial intelligence, AI-assisted foreign language learning, neural networks in education, creativity, neuropedagogy

Citation: Dreifeld O. V. Integrating Artificial Intelligence Services in Creative Tasks for Teaching Russian as a Foreign Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 385–395. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-385-395>

Received 23 Apr 2025. Accepted after review 19 May 2025. Accepted for publication 21 May 2025.

Введение

Одной из наиболее актуальных тенденций в настоящий момент во многих профессиональных сферах является интеграция в них искусственного интеллекта (ИИ). По определению G. J. Hwang, искусственный интеллект в образовании – это междисциплинарная область исследований и разработок, направленная на применение искусственного интеллекта и компьютерных наук для поддержки обучения и преподавания [1]. W. Holmes и коллеги рассматривают ИИ в образовании как инструмент, способный предоставить персонализированную обратную связь, адаптировать контент к потребностям учащихся и автоматизировать рутинные задачи, позволяя преподавателям сосредоточиться на более творческих и значимых аспектах обучения [2, р. 5]. F. OuYang и другие подчеркивают, что ИИ может быть использован для разработки интеллектуальных систем обучения, которые автоматически адаптируются к потребностям и стилям обучения учащихся, обеспечивая тем самым более эффективное и увлекательное обучение [3].

Сегодня ИИ охватывает и такие области, которые традиционно считались исключительной прерогативой человека, например, сферу креативной деятельности. Это открывает новые горизонты для преподавания иностранного языка, где творческие задания привлекаются для развития речевых, межкультурных и когнитивных компетенций [4–6]. В процессе выполнения таких заданий активизируются механизмы внутренней мотивации, формируются навыки самовыражения средствами изучаемого языка, происходит осознанное применение лексико-грамматических структур в речевых ситуациях, приближенных к реальным. Творческие задания способствуют не только закреплению языкового материала, но и развитию критического и ассоциативного

мышления, воображения и способности к интерпретации текста в культурном контексте.

Мы предлагаем задействовать генеративные сервисы ИИ в качестве инструмента трансформации текста-запроса (инструкции-промта) в условно творческий текст (разных семиотических модальностей – как вербальных, так и невербальных) на этапе формирования письменной продуктивной речи инофонов, изучающих иностранный язык.

В условиях цифровой трансформации образования обращение к генеративным ИИ-сервисам расширяет спектр дидактических приемов и позволяет включать элементы творческого моделирования в процесс обучения. Однако для эффективного внедрения сервисов ИИ в образовательную практику необходимы методическое осмысление их применения, а также анализ результатов апробации в условиях реального учебного взаимодействия.

Научная новизна исследования состоит в разработке и теоретическом обосновании метода использования генеративных ИИ-сервисов для межсемиотической трансформации художественных текстов (песен, стихотворений) в визуальные образы в целях формирования продуктивной письменной речи и развития креативных языковых навыков у иностранных учащихся. Предложенный подход позволяет интегрировать промт-визуализацию как инструмент активизации рецептивно-продуктивной деятельности и формирования межкультурной и семантико-прагматической компетенций в цифровой образовательной среде.

Цель исследования – провести анализ возможностей использования сервисов ИИ в выполнении упражнений на создание различных видов условно творческих текстов в рамках обучения инофонов русскому языку как иностранному.

Методы и материалы

Чтобы изучить дидактический потенциал творческих заданий с интеграцией сервисов ИИ в обучении иностранных студентов русскому языку как иностранному, был проведен анализ существующих в настоящий момент сервисов ИИ, предназначенных для создания условно творческих текстов, и эксперимент по внедрению условно творческих заданий в процесс обучения письменной речи. В качестве опытной группы исследования выступили 28 иностранных студентов ($n = 28$), обучающихся по специальности «Лечебное дело» и владеющих русским языком на уровне A2. Обучение производилось в феврале 2025 г. на базе Кемеровского государственного медицинского университета.

Материалом для исследования стали тексты промтov, разработанных иностранными студентами в процессе межсемиотической трансформации песен и стихотворений на русском языке в визуальные условно творческие тексты, сами визуальные условно творческие тексты, сгенерированные сервисами ИИ на основе заданных инофонами промтov, а также анкеты и интервью, полученные в рамках педагогического эксперимента по лингводидактической межсемиотической трансформации текстов.

Методология исследования включала: 1) филологический анализ текстов-доноров (тексты песен современных исполнителей и лирических стихотворных произведений русских поэтов); 2) семиотический анализ текстов-результатов генерации с помощью ИИ; 3) анкетирование и интервью, направленные на выявление восприятия и трудностей при использовании ИИ; 4) педагогическую рефлексию, позволившую зафиксировать изменения в речевой активности и мотивации; 5) сравнительный анализ результатов до и после внедрения ИИ-заданий. Контент-анализ, примененный к результатам выполнения условно творческих заданий, позволил определить особенности межсемиотической интерпретации текстов и потенциал речевого развития обучающихся в процессе промт-инжиниринга. Это дало возможность выявить критерии оценивания эффективности речевой деятельности в процессе выполнения задания по генерации условно творческого текста с помощью сервисов ИИ.

Результаты

Промт-инжиниринг включает в себя следующие этапы: 1) **формулировка** запроса-промта (текста-инструкции); 2) **оценка** текста, сгенерированного ИИ на основе этого запроса; 3) **оптимизация**

запроса-промта с целью получения результата, максимально соответствующего заданию.

Запрос-промт, направленный на создание условно творческого неверbalного текста с использованием межсемиотической трансформации, на первом этапе включает текст-донор. В нашем эксперименте в этой роли выступали песни современных русских исполнителей и лирические стихотворения русских поэтов. В качестве инструментов визуализации использовались нейросети¹. Для выполнения условно творческих заданий по преобразованию верbalного текста в визуальный обучающиеся осуществляли избирательную интерпретацию и фрагментированное представление текста-донора.

На втором этапе было необходимо на основе понимания семантики и стилистики текста-донора оценить его преобразование в визуальные элементы (формы, цвета, объекты, композицию), произведенное нейросетью. На третьем этапе требовалась корректировка верbalного текста с целью предоставления ИИ наиболее полной информации для создания эквивалентного изображения. Третий этап повторялся до достижения корректного результата (табл. 1).

Для успешного выполнения этих задач требовались следующие виды речевой деятельности: слушание, а потом чтение и понимание текста песни или стихотворения на русском языке; написание точного корректирующего текста, достаточного для эффективного преобразования верbalного запроса-промта в визуальный текст; сравнительный анализ текста-донора и корректирующего промта с целью выявления соответствий и элементов, нуждающихся в дефиниции или буквализации, эвфемистическом и синонимическом расширении и т. п.

В результате такой деятельности инофоны получили возможность развивать навыки использования всех единиц языка с акцентом на умении определять семантико-прагматические характеристики языковых единиц и особенности текстов, относящихся к разным речевым жанрам. В выполнении задания была задействована со-творческая деятельность: в лирических стихотворных или песенных произведениях основной формой речи является высказывание от первого лица. Однако сама «личность» субъекта лирического высказывания нуждается в дополнительном определении, основанном на впечатлении читателя / слушателя. Это дополнительное описание личности говорящего «от первого лица» давало возможность со-творческой деятельности на основе собственной интерпретации читателя / слушателя.

¹ Midjourney. URL: <https://www.midjourney.com/home>; GPT-4. URL: <https://openai.com/index/gpt-4-research/>; Kandinsky. URL: <https://www.sberbank.com/promo/kandinsky/>; Stable Diffusion. URL: <https://stablediffusionweb.com/ru>; Flyvi. URL: <https://flyvi.io/ru> (дата обращения: 01.04.2025).

Табл. 1. Этапы работы над условно творческим заданием по межсемиотической трансформации песен современных исполнителей с применением ИИ

Tab. 1. Creative task on intersemiotic transformation of contemporary lyrics

Этапы	Вербальный текст	Визуальный текст
Исходный текст промта	<p>Чтобы идти дальше, выверни душу Город разрушен, город бездущен Я молюсь Богу, чтобы стать лучше Город разрушен, город не нужен На, на, на, мне все равно Да, да-да, да, вы мне никто Но языки – это яд Я вижу их взгляд². (Эрика Лундмоен «Яд»)</p>	
Изменение параметров	<ul style="list-style-type: none"> – поэтический текст переведен в прозаический; – протест от первого лица изменен на указание отвергнутости и непонятности изображенного героя; – лексика из метафорической трансформирована в прямо описательную; – темп речи из быстрого, импульсивного изменен на спокойный; – слабая детализация изменена на высокую степень с описанием контекста. 	
Формулировка промта после изменения	<p>Девушка в одиночестве ходит по заброшенной окраине города и поет песню, в которой звучит протест против города, против людей, которые равнодушны и говорят недобрые слова друг другу.</p>	

Визуализация с помощью сервиса ИИ Flyvi

Визуализация с помощью сервиса ИИ GPT-4

На третьем этапе оценка произведенной трансформации требовала от обучающихся не только лингвистической, но и культурной компетенции, ведь лексический состав текстов-доноров включал переносные значения, многозначность, историзмы, экзотизмы, идиомы, безэквивалентную лексику. Студенты демонстрировали умение оценить адекватность презентации культурного контекста, сохранение стиля текста-донора в тексте-результате, способность к межкультурной интерпретации, критическому осмыслиению культурных коннотаций и переносу стилистических особенностей в иную семиотическую систему.

При использовании ИИ для визуализации художественного текста важным этапом при написании промта стала интерпретация исходного материала. Составление промта потребовало учета целого ряда аспектов: лингвистического (структура и лексико-семантическое наполнение текста), лингвостилистического (авторский стиль, выразительные средства), литературоведческого (жанровые и композиционные особенности, образы субъектов речи и персонажей) и лингвокультурологического (национально-культурные коды, реалии, символика). Включение этих параметров в описание промта позволило получить визуальное представление, соответствующее

² Эрика Лундмоен «Яд». URL: <https://genius.com/Erika-lundmoen-poison-lyrics> (дата обращения: 01.04.2025).

смысловому и эстетическому содержанию оригинальных произведений. Таким образом, сам процесс написания промта стал формой интерпретации текста, способствующей развитию языковой, культурной и межсемиотической компетенции обучающихся.

В процессе работы над условно творческим заданием обучающимся предлагалось визуализировать фрагмент вербального художественного текста

(стихотворений русских поэтов, ранее изученных для конкурса чтецов) и самостоятельно выбранных песен современных исполнителей. После генерации изображения с помощью нейросетевого сервиса (Flyvi и GPT-4) обучающиеся должны были соотнести визуальный результат с исходным текстом: определить, какие лексемы и стилистические маркеры были адекватно переданы, а какие – искажены или утрачены (табл. 2).

Табл. 2. Параметры изменения промта при межсемиотической трансформации лирических стихотворений русских поэтов с применением ИИ

Tab. 2. Promt modification during intersemiotic transformation of Russian poetry

Этапы	Вербальный текст	Визуальный текст
Исходный текст промта	<p>Шаганэ ты моя, Шаганэ! Потому, что я с севера, что ли, Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне. Шаганэ ты моя, Шаганэ.</p> <p>Потому, что я с севера, что ли, Что луна там огромней в сто раз, Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолий. Потому, что я с севера, что ли³. (С. Есенин)</p>	
Измененные параметры	<ul style="list-style-type: none"> – поэтический текст переведен в прозаический; – обращение лирического героя от первого лица заменено на описание от третьего лица – стороннего наблюдателя; – повторы, создающие эмоционально взволнованную интонацию, трансформированы в сухое упоминание адресата речи; – темп речи из напевного, протяжного заменен на спокойный; – конкретные образы (рязанские раздолья, волнистая рожь при луне) заменены на обобщенные (золотые поля, атмосфера – лирическая); – все художественные образы текста 1 выражают любовь к возлюбленной, к далекой Родине, ностальгию; текст 2 – сценическая зарисовка, ее функция – информационная. 	
Формулировка промта после изменения	<p>Ночная сцена в Ширазе: русский парень и персиянка сидят и смотрят на луну. Он рассказывает ей о золотых волнистых полях ржи на своей Родине. Атмосфера – лирическая, мечтательная, с ноткой грусти.</p>	

Визуализация с помощью сервиса ИИ Flyvi

³ Сергей Есенин «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». URL: <https://www.culture.ru/poems/44230/shagane-ty-moya-shagane> (дата обращения: 01.04.2025).

Этапы	Вербальный текст	Визуальный текст
Тип изменения	1. Жанровая трансформация 2. Модальная трансформация 3. Интонационная трансформация 4. Семантическое обобщение 5. Стилистическая редукция 6. Функциональное изменение	

Особое внимание уделялось случаям, где текст содержал культурно маркированные элементы, или тем, в которых требовалось осмысление и интерпретация смысла, а не буквальное изображение. Подобные случаи становились ключевыми моментами для обсуждения границ перевода вербального в визуальное и важности контекста, проведенного на этапе анкетирования. В ряде случаев студенты сталкивались с трудностью передачи стилистики. Например, при трансформации поэтического текста, насыщенного метафорами (языки – это яд, / я вижу их взгляд), визуальный результат нередко оказывался обобщенным или прямолинейным. Это стимулировало обсуждение значений метафор, роли ассоциаций и символов в художественной речи и трудностей их визуализации. Примером схемы промта, направленного на визуализацию литературного текста, может служить следующий шаблон:

- *Сцена из поэтического произведения, изображающая (ситуация или образ) в атмосфере (эмоциональное состояние или эстетика), в стилистике (художественный стиль или культурная традиция). Визуально переданы образы: (ключевые элементы текста, символы, персонажи, пейзаж), с акцентом на (лексико-стилистические особенности: метафоры, цветовые образы, противопоставления и т. п.), учитывая культурный контекст (указать культурную или историческую специфику).*

Анкетирование участников ($n = 28$), проведенное по завершении выполнения творческих заданий, включало закрытые и открытые вопросы, направленные на выявление трех ключевых аспектов: 1) уровня удовлетворенности заданием; 2) осмысливания трудностей, с которыми столкнулись обучающиеся; 3) образовательной ценности задания – его роли в формировании языковых, интерпретативных и критических умений. Примеры вопросов: *Насколько интересным вы нашли задание? Почему?; Что показалось наиболее сложным?; Что вы узнали о художественном тексте, визуализируя его?; Хотели бы вы выполнить подобные задания в будущем?*

Контент-анализ письменных работ до и после эксперимента дал возможность количественно оценить изменения по следующим критериям:

1) длина и завершенность высказываний; 2) лексико-грамматическая вариативность (разнообразие лексики, точность грамматических форм); 3) уровень интерпретации и стилистической обработки художественного текста (табл. 3).

Наблюдение за выполнением заданий и обсуждением визуализации позволило провести качественный анализ поведения студентов в процессе работы. Мы отметили 1) рост самостоятельности и стремления к эксперименту (модификация промтов, выбор визуальных решений); 2) развитие критического анализа – умения сопоставлять визуальный образ и исходный текст, выявлять и обсуждать смысловые расхождения; 3) проявление метакогнитивной активности – осознание сложности художественной формы, ее многоуровневости и культурной специфики.

Сопоставление результатов анкетирования с данными наблюдения и контент-анализа письменных работ позволило выявить устойчивые корреляции между субъективной рефлексией участников и объективными сдвигами в их учебной деятельности. Повышение интереса и удовлетворенности заданием, зафиксированное у большинства студентов, подтверждается ростом мотивации, вовлеченности и инициативности в ходе выполнения упражнений. Отмеченные участниками трудности, в первую очередь связанные с визуализацией метафор и интерпретацией поэтических образов, коррелируют с наблюдаемыми затруднениями при подборе стилистически точных формулировок и промтов, что, в свою очередь, стало стимулом к развитию интерпретационных и критических умений. Осознание образовательной ценности задания отражается в положительной динамике речевой активности, лексико-грамматической вариативности и формировании межкультурной и метакогнитивной компетенции. Таким образом, анкета выступила не только инструментом фиксации субъективного опыта студентов, но и важным связующим звеном между наблюдаемыми результатами и образовательным эффектом: она позволила интерпретировать выявленные трудности как продуктивные, запускающие рефлексивные, аналитические и творческие процессы, ключевые для формирования коммуникативной и интерпретационной компетентности в иноязычной среде.

Табл. 3. Сравнительные результаты исследования

Table 3. Comparative research results

Критерии	Показатели	Результаты исследования	
		До эксперимента	После эксперимента
Мотивация	Интерес к заданию, вовлеченность, новизна	Интерес к письменным заданиям отмечен менее чем у 40 % студентов; задания воспринимались как формальные. Средняя самооценка 3,2 / 5	83 % студентов отметили высокий интерес, новизну заданий и удовольствие от взаимодействия с ИИ. Средняя самооценка 4,6 / 5
Речевая активность	Объем и связность письменного высказывания	В среднем 25 слов; короткие, шаблонные фразы, ограниченный словарь	В среднем 65 слов; у 70 % студентов отмечено улучшение логической завершенности, более развернутые конструкции
Навыки письменной интерпретации	Лексико-грамматическая вариативность	Трудности в подборе описаний, недостаточная выразительность	У 70 % студентов улучшился навык использования метафор, эпитетов, синонимов. Отмечен рост точности формулировок, осмысленное использование образных средств, выбор ключевых символов
Критический анализ визуализации	Навыки интерпретации текста	Преобладала буквальная трактовка текста, недостаточное внимание к культурному и авторскому контексту	У 74 % студентов отмечено активизация аналитического подхода, обсуждение упущенных смыслов, ассоциаций и интерпретаций
Межкультурная и метакогнитивная компетенция	Понимание культурных кодов, способность к рефлексии и межсемиотическому переводу	Ограниченнное представление о культурных аллюзиях, поверхностное восприятие текста	80 % студентов отметили переосмысление содержания, «новый взгляд на текст» – отмечено углубление культурного анализа, осознание многоуровневости художественного текста, развитие метапознания

Обсуждение

Использование сервисов ИИ для выполнения условно творческих заданий подразумевает генерацию текста или трансформацию одного типа текста в другой. В рамках широкого семиотического понимания текст трактуется как структурированная последовательность знаковых единиц (как вербальных, так и невербальных), объединенных внутренней смысловой и организационно-композиционной связностью [7]. Художественная трансформация текста – это древняя практика, восходящая к преобразованию мифов в художественные нарративы, а также к переводу литературных произведений в музыкальные, визуальные, пластические или драматические формы. Использование ИИ при трансформации текстов в визуальные формы можно рассматривать как современное продолжение классических форм межсемиотического перевода.

Осмысление художественной межсемиотической трансформации текстов дает Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» [8], а методологическую основу для анализа принципиальных

различий в способах художественного выражения представил еще Г. Э. Лессинг в своем трактате «Лаокоон» [9], предложив разделить искусства на пространственные и временные. Согласно Г. Э. Лессингу, литература, как искусство времени, раскрывает события во временной последовательности, в то время как изобразительное искусство – как искусство пространства – фиксирует объекты в статической форме. Это противопоставление демонстрирует фундаментальное ограничение: невозможность полной и адекватной трансформации вербального нарратива в невербальные формы, такие как визуальные образы, без утраты части семантической или эмоциональной нагрузки.

Необходимо учитывать этот аспект трансформации при создании, проектировании образовательных заданий, направленных на визуализацию литературных текстов с помощью ИИ. Вербальный текст, особенно обладающий нарративной структурой, основан на линейности, причинно-следственных связях и внутренней логике развития событий,

тогда как визуальные формы коммуникации оперируют другими средствами выразительности: композицией, цветом, формой, символикой и мгновенной синтетической репрезентацией. Следовательно, художественная трансформация верbalного текста в визуальный требует не прямого перевода, а интерпретации, сопряженной с неизбежным фрагментированием исходного материала.

Такое фрагментирование, с нашей точки зрения, должно быть не произвольным, а основываться на индивидуальных рецептивных впечатлениях учащихся – особенно в условиях лингводидактики, где изучающий иностранный язык активно соотносит языковые формы с личным опытом восприятия. Иными словами, при интермодальной (межсемиотической) трансформации текста (например, при создании иллюстрации к стихотворению, комикса к рассказу, визуального эссе и др.) учащийся должен опираться на те фрагменты оригинального текста, которые оказали на него наибольшее когнитивное или эмоциональное воздействие.

В связи с этим особенно актуален вопрос эквивалентности словесных и визуальных образов. По мысли Р. Ингардена, в воображении читателя формируется своего рода картина той реальности, которая представлена в тексте литературного произведения, и в ней присутствует визуальность, каким бы ни был ограниченным слой словесных визуальных образов. Р. Ингарден подчеркивал, что текст лишь задает схематические контуры, а полноценная картина возникает уже в сознании читателя на основе интерпретации и воображения [10].

Для визуализации верbalного текста с помощью сервисов ИИ этот аспект представляется ключевым: ИИ должен обработать и визуализировать не только описания, содержащие готовые визуально воспринимаемые детали, но достроить и вероятностные компоненты, которые дополняют и конкретизируют мир произведения в визуальной форме. В этом смысле алгоритмы ИИ становятся своего рода инструментом апперцептивного воображения – цифровым продолжением читательского восприятия. Другим важным аспектом визуализации вербальных текстов при помощи сервисов ИИ является точка зрения, позиция наблюдателя (фокализатора) и рассказывающего историю (нарратора) [11]. Тут мы сталкиваемся с проблемой того, что литературный текст репрезентирует такие точки зрения, в фокус которых попадают не только реальные объекты (внутренние состояния, ощущения, символы и т. п.), но и полностью апперцептивные, которые, однако, должны быть отражены в визуализации [12]. В связи с этим эффективность визуализации зависит от грамотно сформулированного

промта, который должен учитывать множество параметров: стилистику художественного метода, стилистику эпохи, стилистику национальную и индивидуально-авторскую, параметры литературного кода – тип художественности, жанр, тип сюжета и т. п. текста-донора.

Ключевой характеристикой творческой деятельности выступает порождение продукта, обладающего новизной в аспекте формы и / или содержания [13]. В дидактическом дискурсе творческие задания интерпретируются как средства активизации креативного мышления, направленного на трансформацию объектов и ситуаций [14, р. 77–99]. В рамках лингводидактического подхода основная функция письменных творческих заданий заключается в формировании продуктивной письменной речи, ориентированной на преобразование верbalного материала либо его репрезентацию в модифицированном виде с целью решения как реалистичных, так и гипотетических проблемных ситуаций, соотносящихся с актами речевой коммуникации [15]. Творческое письмо в лингводидактике может включать задания, нацеленные на эстетико-коммуникативную деятельность [16], однако охватывает также более широкий спектр задач, не ограниченных исключительно художественным компонентом [17–19].

Задания, на которых мы фокусируемся в настоящем исследовании, в качестве инструмента продуктивного преобразования объекта или ситуации предполагают использование разнообразных сервисов ИИ. По мнению П. В. Сысоева и коллег, сам факт создания нового продукта может рассматриваться как проявление творчества [20]. Однако в настоящее время для генерации текстов, изображений и других форм контента ИИ опирается на огромные базы данных и шаблоны, созданные человеком. В результате получаемый продукт не является абсолютно оригинальным, а представляет собой эклектичное сочетание существующих элементов. На текущем этапе «творчество» ИИ носит скорее условный, чем подлинный характер [21].

Таким образом, метод промт-визуализации можно рассматривать не только как инструмент художественной интерпретации, но и как часть методики обучения иностранным языкам – особенно в рамках работы с художественным текстом и развития навыков творческого письма. А. Hameed и I. Jabeen провели экспериментальное исследование, в котором изучили, как использование инфографики в качестве инструмента визуализации помогает студентам EFL развивать когнитивные способности и улучшать навыки письменного изложения [22]. J. Belda-Medina и M. B. Goddard рассматривают использование цифрового сторителлинга

с применением ИИ как стратегию создания материалов для обучения английскому языку как иностранному [23]. Это исследование подчеркивает потенциал ИИ в создании креативных и персонализированных материалов для студентов. D. J. Woo и другие анализируют, как студенты, изучающие английский как иностранный язык (EFL), используют промт-инжиниринг в процессе совместного написания рассказов с ИИ [24]. A. A. F. Alzubi и соавторы исследуют восприятие студентов EFL в области использования ИИ-инструментов для стимулирования креативности в обучении [25]. Они отмечают, что такие инструменты могут улучшить навыки письма, рассказывания историй и восприятия прочитанного, однако также поднимаются вопросы о возможной зависимости от ИИ и необходимости развития критического мышления у студентов. Результаты указанных исследований показывают, что взаимодействие с генеративными языковыми моделями способствует развитию креативного мышления и улучшает навыки письменной речи.

В свете вышеизложенного, условно творческий текст, созданный с участием искусственного интеллекта, – это текст, сгенерированный с помощью специализированного онлайн-сервиса (нейросети), обладающий признаками продуктивности и относящийся к жанрам эстетической коммуникации. Метод обучения, основанный на трансформации вербального художественного текста в условно творческий текст иной семиотической природы с использованием сервисов искусственного интеллекта, может рассматриваться как междисциплинарный дидактический инструмент, принадлежащий к нескольким областям:

- методике обучения иностранным языкам, ориентированной на рецептивно-продуктивное освоение художественных текстов;
- креативному письму как компоненту лингводидактики, способствующему формированию продуктивной письменной речи и развитию креативных языковых навыков;
- нейропедагогическому подходу, учитывающему когнитивные и эмоциональные особенности восприятия, переработки и генерации информации в условиях цифровой образовательной среды.

Заключение

Межсемиотическая трансформация художественного текста с использованием генеративных ИИ-сервисов может быть не только эффективным средством развития языковых навыков, но и мощным инструментом

формирования интерпретативной, культурной и критической компетенций обучающихся.

Визуализация текста средствами ИИ требует от студентов активного вовлечения, что способствует более глубокому пониманию содержания, структурных особенностей и культурных кодов текста. Такой подход позволяет развивать не только письменную продуктивную речь, но и навыки интерпретации, креативного мышления и метапознания, в том числе за счет осознания художественного текста как многоуровневого культурного феномена.

Особое внимание следует уделить формированию у студентов навыков промт-инжиниринга – точной и стилистически адекватной формулировки запросов, что требует высокого уровня языковой рефлексии и продуманности речевого действия.

Результаты педагогического эксперимента подтвердили практическую значимость предложенного метода:

- наблюдалось повышение мотивации обучающихся, интереса к учебному процессу и готовности использовать иностранный язык как средство реального и креативного общения;
- отмечен рост речевой активности и лексико-грамматической вариативности в письменной продукции студентов;
- зафиксировано развитие навыков интерпретации, визуального анализа, критического мышления и творческого подхода к языковому материалу.

Таким образом, использование условно творческих заданий, выполненных с помощью ИИ, может быть полезным на разных этапах обучения иностранному языку. Интеграция ИИ в учебный процесс позволяет активизировать личностный компонент восприятия, расширить межсемиотическую компетенцию и сформировать целостное представление об иностранном языке как о средстве культурного взаимодействия и когнитивной деятельности. Подобная трансформация учебных практик может рассматриваться как действенный способ развития креативности, исследовательского мышления и цифровой грамотности в лингводидактическом контексте.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflict of interest in relation to the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Hwang G. J. Definition, framework and research issues of smart learning environments – a context-aware ubiquitous learning perspective. *Smart Learning Environments*, 2014, 1(4). <https://doi.org/10.1186/s40561-014-0004-5>
2. Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial intelligence in education: Promises and implications for teaching and learning*. Center for Curriculum Redesign, 2019, 242.
3. Ouyang F., Jiao P., Lo S., Xiao F., Hao Z. Artificial intelligence in education: What roles will AI play in 2025? *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 3. <https://doi.org/10.1016/j.caeari.2022.100018>
4. Макарова Ю. А. Визуальные материалы как средство повышения мотивации к креативному письму на иностранном языке. *Научно-педагогическое обозрение*. 2016. № 3. С. 87–96. [Makarova Ju. A. Visual materials to increase motivation for creative writing in a foreign language. *Pedagogical review*, 2016, (3): 87–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xaatzr>
5. Avramenko A. P., Davydova M. A., Burikova S. A. Developing creative writing skills in a high school ESL classroom. *Training, Language and Culture*, 2018, 2(4): 55–69. <http://doi.org/10.29366/2018tlc.2.4.4>
6. Castleberry A., Ward W., Stein S. Lifelong learning inspires the creative art of academic writing. *Currents in Pharmacy Teaching and Learning*, 2019, 11(8): 757–759. <http://doi.org/10.1016/j.cptl.2019.04.002>
7. Садченко В. Т. Текст как объект лингвистической семиотики. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 5. С. 104–111. [Sadchenko V. T. Text as an object of linguistic semiotics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, (5): 104–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kohjch>
8. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*, ред. В. Н. Комиссаров. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24. [Jakobson R. O. Linguistic aspects of translation. *Questions of translation theory in foreign linguistics*, ed. Komissarov V. N. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978, 16–24. (In Russ.)]
9. Лессинг Г. Э. *Лаокоон, или О границах живописи и поэзии*. М.: Академический проект, 2002. 288 с. [Lessing G. E. *Laocoön, or On the Limits of Painting and Poetry*. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2002, 288. (In Russ.)]
10. Ингарден Р. Двухмерность структуры литературного произведения. In: Ингарден Р. *Исследования по эстетике*, пер. спольск. А. Ермилова, Б. Федорова. М.: Иностранный литература, 1962. С. 21–40. [Ingarden R. The two-dimensional structure of the literary work. In: Ingarden R. *Issledovaniya po estetike*, tr. Ermilova A., Fedorova B. Moscow: Inostrannaya literatura, 1962, 21–40. (In Russ.)]
11. Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы. *Критика и семиотика*. 2020. № 1. С. 22–39. [Tiupa V. I. Author and narrator in the history of Russian literature. *Kritika i semiotika*, 2020, (1): 22–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2020-1-22-39>
12. Аксенова А. А. Рецептивные аспекты визуального в литературе. *Новый филологический вестник*. 2020. № 3. С. 76–86. [Aksanova A. A. Receptive aspects of the visual in literature. *New Philological Bulletin*, 2020, (3): 76–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00067>
13. Дрейфельд О. В. Творческие письменные задания по литературе. М.: Изд-во Ипполитова, 2024. 216 с. [Dreifeld O. V. *Creative writing tasks in literature: A study guide*. Moscow: Ippolitov Publishing, 2024, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eesikn>
14. Bishop W. *Colors of a different horse: Rethinking creative writing theory and pedagogy*. Urbana, Illinois: National Council of Teachers, 1994, 328.
15. Дрейфельд О. В. Задания на основе творческой имитации речевых жанров в обучении РКИ студентов медико-биологического профиля. *Вестник ТПУ*. 2025. № 1. С. 119–127. [Dreifeld O. V. Creative writing assignments based on imitation of speech genres in teaching Russian as a foreign language to medical and biological students. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, (1): 119–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-119-127>
16. Александрова Т. Н. Способы формирования и раскрытия творческого потенциала обучающихся на занятиях по креативному письму. *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: XII Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Саратов, 25–26 февраля 2020 г.)* Саратов: Сарат. ист-к, 2020. С. 154–159. [Alexandrova T. N. Methods of forming and revealing students' creative potential in creative writing classes. *Foreign languages in the context of intercultural communication: Proc. XII All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Saratov, 25–26 Feb 2020. Saratov: Sarat. ist-k, 2020, 154–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxbbz>
17. Овчинникова Л. О., Агульник Е. Н. Творческое письмо как средство активизации речемыслительной деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному. *Инновационная экономика и общество*. 2020. № 3. С. 95–100. [Ovchinnikova L. O., Agulnik E. N. Creative writing as a means of activating speech-thinking

- activity in the classroom in Russian as a foreign language. *Innovative Economics and Society*, 2020, (3): 95–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzjgrw>
18. Житкова Е. В. Креативное письмо в обучении иностранному языку в вузе. *Язык и культура*. 2009. № 3. С. 101–104. [Zhitkova E. V. Creative writing in the process of teaching foreign languages at a university. *Language and Culture*, 2009, (3): 101–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mubshb>
19. Думина Е. В. Обучение иноязычной письменной коммуникации в сфере юриспруденции на основе технологии креативного письма. *Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки*. 2020. № 3. С. 64–75. [Dumina E. V. Teaching foreign language written communication in the field of law on the basis of creative writing technique. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, 2020, (3): 64–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmenrm>
20. Сысоев П. В., Филатов Е. М., Сорокин Д. О. Обратная связь в обучении иностранному языку: от информационных технологий к искусственному интеллекту. *Язык и культура*. 2024. № 65. С. 242–261. [Sisoyev P. V., Filatov E. M., Sorokin D. O. Feedback in foreign language teaching: From information technologies to artificial intelligence. *Language and Culture*, 2024, (65): 242–261. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/65/11>
21. Краснояров А. Ю., Аргузова М. А., Хужамурадов Ж. А., Рахимов С. Р. «Речевое творчество» искусственного интеллекта: какие тексты пишет машина и чем они отличаются от людских. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкоизнание*. 2022. № 2. С. 41–49. [Krasnoyarov A. Yu., Arguzova M. A., Khuzhamuradov Zh. A., Rakhimov S. R. Speech creativity of artificial intelligence: What texts does the machine write and how do they differ from human ones. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics*, 2022, (2): 41–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/ling/2022.02.02>
22. Hameed A., Jabeen I. Prompting cognition for creativity in EFL Context: An experimental study on use of Infographics for teaching writing skill. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 2022, 18(1): 724–737. <http://doi.org/10.52462/jlls.215>
23. Belda-Medina J., Goddard M. B. AI-Driven digital storytelling: A strategy for creating English as a foreign language (EFL) materials. *International Journal of Linguistics Studies*, 2024, 4(1): 40–49. <https://doi.org/10.32996/ijls.2024.4.1.4>
24. Woo D. J., Guo K., Susanto H. Exploring EFL students' prompt engineering in human-AI story writing: An activity theory perspective. *Interactive Learning Environments*, 2025, 33(1). <https://doi.org/10.1080/10494820.2024.2361381>
25. Alzubi A. A. F., Nazim M., Alyami N. Do AI-generative tools kill or nurture creativity in EFL teaching and learning? *Education and Information Technologies*, 2025, 30: 15147–15184. <https://doi.org/10.1007/s10639-025-13409-8>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mfvnil>

Структурные компоненты экологической ответственности обучающихся

Добрыгин Владислав Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

dobryginvladislav@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены структурные компоненты экологической ответственности обучающихся. Актуальность данной проблемы обусловлена стратегией государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., которая постулирует необходимость воспитания экологической культуры населения. В связи с тем что уровень экологизации населения России остается низким, актуализируется необходимость разработки показателей и механизмов при воспитании экологической культуры и формировании экологической ответственности. В работе анализируются особенности развития экологической ответственности как интегрированного качества личности. Цель – обосновать и раскрыть структуру (компонентов) формирования экологической ответственности обучающихся. Научная новизна состоит в представлении комплекса компонентов экологической ответственности обучающихся при формировании системного подхода к организации в образовании и воспитании эколого-ориентированной личности. В качестве основного рычага формирования экологической ответственности личности рассматривается образование. Представлена и обоснована сложная структура экологической ответственности, которая включает несколько компонентов, таких как содержательный, операционно-процессуальный, эмоционально-ценостный и оценочно-результативный. Изучение компонентов экологической ответственности имеет важное значение для образовательной практики. Выделенные компоненты экологической ответственности личности в дальнейшем можно использовать для построения модели ее развития в образовательной деятельности при воспитании экологической культуры личности в условиях современного общества. Сделан вывод о том, что посредством развития данных компонентов у подрастающего поколения аккумулируется опыт взаимодействия с окружающей природной средой и формируются экогуманистические принципы и нормы.

Ключевые слова: экологическая ответственность, компоненты экологической ответственности, структура экологической ответственности, экологическая культура личности, обучающиеся, формирование экологической ответственности

Цитирование: Добрыгин В. С. Структурные компоненты экологической ответственности обучающихся. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 396–403. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-396-403>

Поступила в редакцию 23.03.2025. Принята после рецензирования 16.05.2025. Принята в печать 19.05.2025.

full article

Structural Components of Environmental Responsibility in University Students

Vladislav S. Dobrygin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

dobryginvladislav@gmail.com

Abstract: The state policy for environmental development of the Russian Federation through 2030 postulates the need to raise the national ecological awareness. However, its level remains low, which means an urgent need to develop indicators and mechanisms for shaping ecological culture and environmental responsibility in the young generation. As an integrated personality trait, environmental responsibility of university students is a complex phenomenon. In this article, it is represented as a set of components developed through a systematic approach to the organization of education and upbringing of an environmentally oriented personality. Education is considered as the main lever for the shaping environmental responsibility. The complex structure of environmental responsibility includes content, operational-procedural, emotional-axiological, and evaluative-

resultant components. They are important for education as they can be used to build a model of environmental culture in the conditions of modern society. By developing these components, university students obtain some experience of interaction with nature and learn eco-humanistic principles.

Keywords: environmental responsibility, components of environmental responsibility, structure of environmental responsibility, environmental culture of personality, university students, formation of environmental responsibility

Citation: Dobrygin V. S. Structural Components of Environmental Responsibility in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 396–403. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-396-403>

Received 23 Mar 2025. Accepted after review 16 May 2025. Accepted for publication 19 May 2025.

Введение

Формирование экологической ответственности – это многогранный педагогический процесс, направленный на развитие экологически значимых качеств личности будущего поколения, он напрямую связан с основными задачами государственной политики Российской Федерации. Экологическая ответственность выступает как необходимое условие при взаимодействии современного человека с природной средой и является важным аспектом при разработке дальнейшей стратегии взаимодействия человека, общества и природы. Значительная роль в процессе воспитания экологической культуры принадлежит учреждениям образования, поскольку они через освоение детьми знаний, навыков, ценностей культуры, через развитие социальных и эмоциональных качеств способствуют формированию такого интегрированного качества личности, как экологическая ответственность.

Понятие экологической ответственности как качества личности являлось предметом исследований многих отечественных и зарубежных ученых. С их точки зрения, рассматриваемое интегративное качество личности проявляется в положительном, ответственном отношении к окружающей природной среде, понимании последствий своих решений и действий, проявлении экологического сознания и в умении рационального природопользования.

И. Т. Суравегина и И. Д. Зверев рассматривают экологическую ответственность как высшую степень проявления ответственного отношения к требованиям экологической этики и права, предполагающего внутреннее действие личности, развитое самосознание (самоанализ, самоконтроль, самооценку), принятие системы ответственной зависимости человека и природы. Авторы рассматривают экологическую ответственность как ведущую черту личности [1; 2].

На основе анализа работ [3–5] установлено, что значительными возможностями в воспитании экологической ответственности обладают учреждения образования, которые создают благоприятные условия для эколого-ориентированной деятельности

детей, способствующей развитию всех компонентов экологической ответственности.

Изучены научные работы, посвященные структуре экологической ответственности [6–8]. Признавая значение вышеизложенных исследований, необходимо отметить, что, несмотря на множество подходов к исследованию экологической ответственности личности, проблема воспитания ответственного отношения к природе недостаточно разработана и требует дальнейшего изучения. Имеются проблемы и в выявлении сформированности экологической ответственности детей.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации существующих подходов и разработкой стратегий развития экологической ответственности в образовательной практике учреждений образования в условиях современного общества.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) процесс формирования экологической ответственности обучающихся рассмотрен в формировании комплекса компонентов экологической ответственности;
- 2) предложены компоненты экологической ответственности, выделенные на основе анализа научной литературы и анализа собственной педагогической практики.

Цель работы – обосновать и раскрыть структуру (компонентов) формирования экологической ответственности обучающихся.

Методы и материалы

Проведен анализ теоретических и эмпирических данных, представленных в научных трудах. В работе использованы методы теоретического анализа, синтеза и обобщения научных источников, анализа собственной педагогической практики. Теоретическая база исследования основывалась на трудах отечественных ученых, изучавших проблемы экологического образования и воспитания последних лет [3; 9–15].

Результаты

Экологическая ответственность имеет сложную структуру, состоящую из содержательного, операционно-процессуального, эмоционально-ценностного и оценочно-результативного компонентов. Установлено, что содержательный компонент отвечает за знания и умения в области природоохранной деятельности, операционно-процессуальный компонент обеспечивает развитие чувственной сферы к миру природы и характеризуется соблюдением правил поведения и деятельности в природе, эмоционально-ценственный компонент играет основную роль в инициации природоохранной деятельности, а оценочно-результативный компонент оценивает достигнутые результаты. Сделан вывод о том, что экологическая ответственность является интегративным качеством личности, которое может быть развито в образовательной практике всех педагогов.

Одна из важных особенностей образования – формирование личности как субъекта культуры, способной к саморазвитию, самооценке и самоопределению. В данной статье остановимся на возможностях системы образования при формировании экологической культуры личности через развитие компонентов экологической ответственности детей. Это становится возможным при использовании в образовательном процессе методики совместной экологической деятельности педагога и детей (наблюдение, эксперимент, лабораторные, практические работы, проекты, исследования), что позволяет углубить и расширить знания и интересы обучающихся, превратив их в последующем в стойкие убеждения.

«Экологическая культура – часть общечеловеческой культуры, система социальных отношений, общественных и индивидуальных морально-этических норм, взглядов, установок и ценностей, касающихся взаимоотношения человека и природы; гармоничность сосуществования человеческого общества и окружающей природной среды; целостный коадаптивный механизм человека и природы, реализующийся через отношение человеческого общества к окружающей природной среде и к экологическим проблемам в целом» [16, с. 6].

Показателем экологической культуры личности является ответственное отношение человека к природе, т. е. уровень экологической ответственности. По убеждению Л. М. Горбунова, именно экологическая ответственность является ведущим фактором в экологическом воспитании [17].

Важно при формировании экологической культуры личности учитывать все компоненты экологической ответственности. Разложим термин

экологическая ответственность на компоненты, которые будут представлять собой отдельные аспекты этого понятия: содержательный, операционно-процессуальный, эмоционально-ценственный и оценочно-результативный компоненты. Изучение компонентного состава данного понятия позволяет глубже понять механизмы, лежащие в основе образовательного процесса в учреждениях образования, и разработать стратегии развития экологической ответственности личности.

Содержательный компонент обусловлен наличием первоначальных нравственно-экологических знаний. Информированность о состоянии экологии, интерес к экологическим проблемам лежат в основе формирования и развития экологической ответственности.

В современной науке состав экологических знаний определяется по-разному. Так, по мнению Б. Т. Лихачева, экологические знания делятся на два блока: *естественно-научные* (физические, биологические, географические знания) и *гуманистические знания* (совокупность этико-эстетических, правовых и религиозных концепций, теорий, идей, регулирующих в рациональном и эмоциональном плане взаимоотношения и взаимодействия человека с окружающей средой) [18].

С точки зрения С. А. Шобонова, структура экологических знаний состоит из трех блоков: экологомировоззренческие знания; специальные экологические знания и знания, отражающие связь экологии с политикой, экономикой и т. д. [6].

Таким образом, умения и навыки могут быть различной глубины, основательности, широты охвата явлений, что, в свою очередь, влияет на степень подготовленности решения практических задач.

Умения мы рассматриваем как владение каким-либо приемом действия, которое осуществляется на основе правил (знаний), направленное на достижение определенных целей. Уровень овладения знаниями является показателем личности. Знания выступают основным компонентом сознания, своеобразным механизмом, регулирующим и направляющим его.

Умения и навыки тесно связаны между собой. В психолого-педагогической литературе навык рассматривается как «действие, сформированное путем повторения, характеризующееся высокой степенью освоения и отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля»¹, т. е. как упрочившийся благодаря упражнению автоматизированный способ действия. Однако различают навыки исходно автоматизированные и навыки вторично

¹ Навык. *Психология: словарь*, ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

автоматизированные [6]. В отличие от исходно автоматизированных навыков, которые формируются без осознания их компонентов, вторично автоматизированные формируются с осознанием компонентов действия, в связи с чем являются сознательно контролируемыми и имеют способность совершенствоваться и перестраиваться. Учреждения образования имеют большие возможности сформировать как умения, так и навыки в области экологии.

Операционно-процессуальный компонент играет особую роль в формировании экологической ответственности личности. Данный компонент нацелен на осознание личностью социально-значимых норм и требований в соблюдении правил поведения в мире природы, а также в проявлении интереса к современным экологическим проблемам.

Формирование экологической ответственности обучающихся включает в себя не только теоретические знания, но и экологическую деятельность по изучению, восстановлению и охране окружающей природы.

Деятельность – «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противополагает себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в продукт деятельности. Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является ее осознанность»².

Практическая деятельность по улучшению и сохранению окружающей среды является способом и средством удовлетворения экологических потребностей. Она служит фактором формирования экологической ответственности³.

В трудах Ю. П. Ожегова, Е. В. Никоноровой, О. Г. Афанасьевой и др. экологическая деятельность включает в себя все виды и формы деятельности людей (экономической, политической, правовой, нравственной, научной и т. д.) и рассматривается как интегрированное качество личности, выраженное в потребности человека в преобразовании, развитии как самого себя с точки зрения нравственности, духовности, так и своего поведения по отношению к природе и обществу с опорой на нормы ответственного ресурсного пользования [6; 19; 20].

Экологическая деятельность в учреждениях образования (исследовательская, проектная, экскурсионная, просветительская, игровая) способствует углублению и расширению интересов обучающихся, превращению знаний, умений и навыков в стойкие убеждения. Выполняя различные опыты, проводя наблюдения, занимаясь общественно полезным трудом, социально-значимой и волонтерской деятельностью, дети осуществляют контакт с живой природой. Такая деятельность питает ее участников знаниями о природе, которые и формируют убеждения. Стимулирование практической деятельности служит важным направлением в воспитании ответственного отношения к окружающей среде.

Эмоционально-ценостный компонент включает в себя социально опосредованные мотивы отношения личности к природе и ценностные ориентиры по отношению к окружающей среде, проявляющиеся в интересе к вопросам экологии и современным экологическим проблемам, позитивной эмоциональной установке на природоохранную деятельность и др.

В педагогических исследованиях [1; 2; 8; 21–26] утверждается мысль о том, что для воспитания экологической культуры личности теоретических знаний в области биологии, географии и экологии недостаточно. Необходимо наличие эмоциональной отзывчивости, способности к сопереживанию, проявлению радости при встрече с природой, понимание ценности всего живого.

Эмоциональная мотивация играет ключевую роль в инициации и поддержании экологической деятельности. Она определяет направление и настойчивость в поиске новых идей и решений. Исследования Ю. Ю. Суровицкой и М. Н. Мадимухаметова подтверждают, что «мотивация – это система внутренних и внешних мотивов, которые заставляют человека действовать определенным образом» [27, с. 36]. Позитивные эмоции, целеустремленность и уверенность в своих возможностях являются ключевыми когнитивными аспектами, характеризующими мотивационный компонент. Внутренняя мотивация – более сильный двигатель развития личности. Она проистекает из глубоких индивидуальных стремлений к самореализации, самовыражению и самосовершенствованию. Любознательность и жажда познания толкают человека к исследованию, поиску ответов на вопросы и решению задач; стремление к самовыражению мотивирует к созданию чего-то нового и уникального, чтобы выразить

² Философский энциклопедический словарь, гл. ред. Л. Ф. Ильин, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 151.

³ Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал. ВЦИОМ Новости. 06.06.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechennost-motivacija-potencial> (дата обращения: 05.03.2025).

свои мысли и чувства; жажда признания стимулирует к совершенствованию навыков и стремлению к достижению высоких результатов.

Как утверждает Е. С. Сластенина: «Знания только тогда включаются в общую систему взглядов человека и перерастают в его убеждения, когда они проходят через сферу его чувств и переживаний. Пронизывая взгляды и убеждения, чувства становятся одним из структурных компонентов мировоззрения. Знание только тогда можно считать истинным, когда оно дополняется эмоциональным переживанием, формированием эмоциональной сферы личности» [28, с. 15].

Проблемам формирования ценностного отношения к окружающему миру в образовании посвящены философские и психолого-педагогические исследования О. В. Петунина [29; 30]. В научных исследованиях установлено, что ценностное отношение человека к природе – это неразъединимый сплав его чувств, знаний, личностных качеств и действий.

Проведение экскурсий, оформление краеведческого материала, участие в посадках и уходе за растениями и т. п. направлено на развитие эмоционально-ценностного отношения к природе, природным явлениям.

Оценочно-результативный компонент является основой для оценки экологической ответственности личности, результата экологического воспитания и образования человека. Компонент ориентирован на выявление уровня сформированности экологической ответственности личности в взаимоотношениях человека и природы, общества и человека.

Оценка – это процесс, деятельность (или действие) оценивания, осуществляемая человеком [23]. Термин *результат* в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова определяется двояко: 1) как итог какой-либо деятельности или работы; 2) как показатель мастерства (чаще в спортивном контексте)⁴. В данной работе *результат* рассматривается как итог деятельности, а *результативность* как показатель, отражающий степень достижения запланированных результатов (целей).

Оценка и результат выступают как отражение действительности, содержащее решение задач, направленных на познание и преобразование личности, общества, природной среды.

Методики педагогической диагностики экологического воспитания и формирования экологической ответственности исследовались в работе Е. В. Белокуровой и Е. Ф. Самариной [31]. Ожидаемые результаты успешности развития экологической культуры личности – это уровень сознательного

проявления экологической ответственности с активной жизненной позицией по отношению к природе.

Все компоненты интегрированы друг с другом, и их разделение является условным, т. к. сознание экологической ответственности индивидуально для каждого субъекта. Общее же в этих элементах в том, что они находятся между собой в определенных закономерных отношениях.

Экологическая ответственность позволяет личности с опорой на научные знания и умения (содержательный компонент) применять их на практике, экологические нормы и идеалы (операционный (процессуальный) компонент) – выбирать оптимальную стратегию взаимодействия с природой, создавая возможность просчитывать и при необходимости корректировать ее последствия (эмоционально-ценностный компонент).

Таким образом, выделенные компоненты экологической ответственности личности в дальнейшем можно использовать для построения модели экологизации в педагогической деятельности всех педагогов.

Заключение

Все компоненты экологической ответственности взаимосвязаны и взаимозависимы. Например, эмоциональное отношение к природе может сподвигнуть к правоохранительной деятельности, а развитые умения и знания о природе помогут оценить и усовершенствовать экологическую деятельность. Данная модель компонентного состава позволяет провести более глубокое исследование воспитания экологической ответственности у детей.

Изучение компонентов экологической ответственности имеет важное значение для образовательной практики. Проведенное исследование позволило установить, что экологическая ответственность является интегративным качеством личности, включающим эмоциональные, мотивационные, деятельностные и результативные аспекты.

Выделенные компоненты экологической ответственности личности в дальнейшем можно использовать для построения модели ее развития в образовательной деятельности при воспитании экологической культуры личности в условиях современного общества.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflict of interest in relation to the research, authorship, and / or publication of this article.

⁴ Результат. In: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс-ЛИТ, 2012. 1376 с.

Литература / References

1. Суравегина И. Т. Междисциплинарный характер экологических знаний. *Советская педагогика*. 1984. № 12. С. 21–26. [Suravegina I. T. Interdisciplinary nature of environmental knowledge. *Sovetskaja pedagogika*, 1984, (12): 21–26. (In Russ.)]
2. Зверев И. Д., Суравегина И. Т. Отношение школьников к природе. М.: Педагогика, 1998. 129 с. [Zverev I. D., Suravegina I. T. *Schoolchildren's attitude to nature*. Moscow: Pedagogika, 1998, 129. (In Russ.)]
3. Гришаева Ю. М., Теремов А. В., Гончаров М. А., Аргунова М. В. Научно-методические аспекты экологического образования школьников (на примере системы дополнительного экологического образования). *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 9. № 9. С. 925–930. [Grishaeva Yu. M., Teremov A. V., Goncharov M. A., Argunova M. V. Scientific and methodical aspects of ecological education of schoolchildren (by the example of the system of additional ecological education). *Pedagogy. Theory & Practice*, 2024, 9(9): 925–930. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/ped20240117>
4. Надпорожская М. А. Экологические исследовательские работы в дополнительном образовании детей. *Биосфера*. 2015. Т. 7. № 3. С. 356–364. [Nadporozhskaya M. A. Environmental research in the additional education of children. *Biosfera*, 2015, 7(3): 356–364. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/undtpp>
5. Софронов Р. П. Система школьного дополнительного экологического образования как основа формирования экологической культуры обучающихся. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 7. С. 14–21. [Sofronov R. P. The system of school additional environmental education as the basis for the formation of environmental culture of students. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, (7): 14–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jjelao>
6. Шобонов С. А. Структура экологической ответственности личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2009. № 2. С. 32–35. [Shobonov S. A. The structure of a person's ecological responsibility. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, (2): 32–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpasrt>
7. Крайник В. Л., Сергазина Ж. Ж. К вопросу о сущности экологической ответственности личности. *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 3. С. 203–206. [Krainik V. L., Sergazina Zh. Zh. To the question of the basics of environmental responsibility of an individual. *The world of science, culture and education*, 2018, (3): 203–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvfasb>
8. Лошилова А. А., Винокурова Н. Ф. Эколого-ориентированная развивающая образовательная среда детского общественного объединения как средство формирования экологической ответственности у школьников. *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 2. С. 35–39. [Loshchilova A. A., Vinokurova N. F. Ekologo-orientirovannaya the developing educational environment of children's public association as means of formation of ecological responsibility at school students. *Karelskij nauchnyj zhurnal*, 2018, 7(2): 35–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuryvl>
9. Прохода В. А. Экологическая ответственность населения: опыт социологического измерения. *Человек*. 2023. Т. 34. № 3. С. 146–164. [Prohoda V. A. Environmental responsibility of the population: Experience of sociological measurement. *Chelovek*, 2023, 34(3): 146–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S023620070026110-8>
10. Бушкова-Шиклина Э. В., Мусихина Т. А. Экологическая культура студентов: от повседневных практик к экологической ответственности. *Перспективы науки и образования*. 2020. № 2. С. 285–295. [Bushkova-Shiklina E. V., Musikhina T. A. Students' ecological culture: From everyday practices to environmental responsibility. *Perspectives of Science and Education*, 2020, (2): 285–295. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2020.2.22>
11. Романчук М. В. Проблемы экологического образования в современном мире. *Научный аспект*. 2020. Т. 11. № 2. С. 1440–1444. [Romanchuk M. V. Problems of environmental education in the modern world. *Nauchnyj aspect*, 2020, 11(2): 1440–1444. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/crzaee>
12. Трофимов Ю. В., Савватеева О. А. Экологическое воспитание и образование в современном мире. *Студенческий научный форум: XIV Междунар. студ. науч. конф.* [Trofimov Yu. V., Savvateeva O. A. Environmental education and education in the modern world. *Student Scientific Forum: Proc. XIV Intern. Stud. Sci. Conf.* (In Russ.)] URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018031216> (дата обращения: 10.02.2025).
13. Бурдина А. А., Беляева А. А. Экологическая правовая ответственность: сущность и признаки. *Молодой ученый*. 2022. № 40. С. 69–71. [Burdina A. A., Beljaeva A. A. Environmental legal responsibility: The essence and signs. *Molodoi uchenyi*, 2022, (40): 69–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmfitc>
14. Халина Н. В., Колтун Я. А. Развитие экологической грамотности с использованием stem-технологий. *Инновационная наука*. 2024. Т. 1. № 11-2. С. 153–154. [Khalina N. V., Koltun Ya. A. Development of environmental literacy using stem technologies. *Innovacionnaja nauka*, 2024, 1(11-2): 153–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhtwke>

15. Ефимова Е. Г., Мальцев А. А., Чупина Д. А. «Зеленая» повестка в современной практике стран и регионов: в поисках единого подхода. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2023. Т. 39. № 1. С. 55–72. [Efimova E. G., Maltsev A. A., Chupina D. A. Green agenda in the modern practice of countries and regions: In search of a unified approach. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2023, 39(1): 55–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.103>
16. Писарик В. М. Экологическая культура. Мн.: Институт современных знаний имени А. М. Широкова, 2018. 143 с. [Pisarik V. M. *Ecological culture*. Minsk: Shirokov Institute of Modern Knowledge, 2018, 143. (In Russ.)]
17. Горбунов Л. М. Система формирования экологической ответственности у обучающихся во внеклассной работе: дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1994. 226 с. [Gorbunov L. M. *The system of formation of environmental responsibility among students in extracurricular activities*. Cand. Ped. Sci. Diss. Irkutsk, 1994, 226. (In Russ.)]
18. Лихачев Б. Т. Структура экологической культуры и педагогические основы ее формирования. *Экологическое образование: опыт России и Германии*, ред. В. И. Данилов-Данильян, С. Н. Глазачева, Р. Лоба. М.: Горизонт, 1997. С. 57–69. [Likhachev B. T. The structure of ecological culture and the pedagogical foundations of its formation. *Environmental education: The Experience of Russia and Germany*, eds. Danilov-Danilyan V. I., Glazacheva S. N., Loba R. Moscow: Gorizont, 1997, 57–69. (In Russ.)]
19. Ожегов Ю. П., Никонорова Е. В. Экологический импульс: проблемы формирования экологической культуры молодежи. М.: Молодая гвардия, 1990. 271 с. [Ozhegov Yu. P., Nikonorova E. V. *Ecological impulse: Problems of formation of ecological culture in the young*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1990, 271. (In Russ.)]
20. Афанасьева О. Г. Экологическая деятельность как основа формирования гармоничных отношений в системе «человек – общество – природа». *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13. № 2. С. 400–403. [Afanas'eva O. G. Ecological activity as a fond of the harmonic relations in the system "man – society – nature". *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2008, 13(2): 400–403. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvmopn>
21. Глазачев С. Н., Гагарин А. В. Экологическая культура как вершинное достижение личности: сущность, содержание, пути развития. *Вестник Международной академии наук (Русская секция)*. 2015. № 1. С. 20–23. [Glazachev S. N., Gagarin A. V. Ecological culture as vertex achievement identity: The essence, contents, ways of development. *Herald of the International Academy of Science. Russian Section*, 2015, (1): 20–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unjntp>
22. Захлебный А. Н. Концепция общего экологического образования в повестке дня XXI века. *Научные исследования в образовании*. 2011. № 9. С. 3–6. [Zahlebny A. N. The concept of general environmental education on the agenda of the 21st century. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii*, 2011, (9): 3–6. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocrjen>
23. Мамедов Н. М. Экологическое образование: социокультурный контекст. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 6–13. [Mamedov N. M. Ecological education: Socio-cultural aspect. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, 2012, (2): 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pqmedj>
24. Мисенжников В. В. Экологическая культура и государственная политика. *Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения*, ред. В. М. Захаров. М.: Акрополь, 2008. С. 27–31. [Misenzhnikov V. V. Ecological culture and state policy. *Formation of ecological culture and development of the youth movement*, ed. Zakharov V. M. Moscow: Akropol, 2008, 27–31. (In Russ.)]
25. Винокурова Н. Ф., Николина В. В., Ефимова О. Е. Методологические основы формирования экологической культуры школьников на основе идей экоразвития. *Образование и наука*. 2016. № 5. С. 25–40. [Vinokurova N. F., Nikolina V. V., Efimova O. E. Methodological bases of ecological culture formation of pupils on the basis of eco-development ideas. *The Education and Science Journal*, 2016, (5): 25–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-5-25-40>
26. Васина О. Н., Пономарева О. Н. Проектная исследовательская деятельность школьников: формирование экологической культуры. *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 711–713. [Vasina O. N., Ponomariova O. N. Pupils' project research activity: Formation of ecological standards. *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, (28): 711–713. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjesot>
27. Суровицкая Ю. Ю., Мадимухаметов М. Н. Понятие о мотивации в психологии. *Наука и реальность*. 2023. № 1. С. 36–40. [Surovitskaya Yu. Yu., Madimukhametov M. N. The concept of motivation in psychology. *Science & Reality*, 2023, (1): 36–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxumhl>
28. Сластенина Е. С. Экологическое образование в подготовке учителя: вопросы теории и практики. М.: Педагогика, 1984. 104 с. [Slastenina E. S. *Environmental education in teacher training: Issues of theory and practice*. Moscow: Pedagogika, 1984, 104. (In Russ.)]

29. Петунин О. В. Пути формирования экологической грамотности школьников на основе региональных аспектов содержания образования. *Инновации в образовании*. 2023. № 6. С. 26–31. [Petunin O. V. Ways of formation of ecological literacy of schoolchildren on the basis of regional aspects of the content of education. *Innovation in Education*, 2023, (6): 26–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eftxhg>
30. Петунин О. В. Экологическая ответственность школьников как результат образования. *Фундаментальные и прикладные аспекты устойчивого развития ресурсных регионов: IV (XXI) Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Новокузнецк, 6–9 декабря 2022 г.)* Новокузнецк: Кузбасский гуманитарно-педагогический институт КемГУ, 2023. С. 203–206. [Petunin O. V. Environmental responsibility of schoolchildren as a result of education. *Fundamental and applied aspects of sustainable development of resource regions: Proc. IV (XXI) All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Novokuznetsk, 6–9 Dec 2022.* Novokuznetsk: Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute KemSU, 2023, 203–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbxphu>
31. Белокурова Е. В., Самарина Е. Ф. Эколого-социальная ответственность как условие сохранения гомеостаза общечеловеческих ценностей. *Успехи современного естествознания*. 2003. № 8. С. 40–41. [Belokurova E. V., Samarina E. F. Ecological and social responsibility as a condition for preserving the homeostasis of universal values. *Advances in current natural sciences*, 2003, (8): 40–41. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/svkinfo>

Историко-педагогический анализ социально-педагогической реабилитации детей с особенностями развития

Маркова Диана Алексеевна

Луганский государственный педагогический университет, Россия, Луганск

dianochka1895@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена историко-педагогическому анализу социально-педагогической реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Актуальность работы заключается в необходимости изучения эволюции подходов к реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, что способствует развитию инклюзивного образования и улучшению качества социальной адаптации этих детей. Новизна исследования заключается в комплексном подходе, охватывающем ключевые этапы становления системы социальной реабилитации, подходы и роль социальных институтов в различных исторических контекстах. Цель – провести историко-педагогический анализ сущности социально-педагогической реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Задачи исследования включают выявление факторов, повлиявших на развитие системы реабилитации; определение ведущих педагогических подходов, а также изучение современных тенденций и международного опыта. Для достижения цели использовались методы исторического и педагогического анализа, сравнительный подход и изучение нормативных документов и социальных практик. Результаты исследования показали, что реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья прошла путь от благотворительного ухода к более структурированным и инклюзивным подходам, включающим образовательные и социальные компоненты. Основным направлением является создание инклюзивной образовательной среды и развитие междисциплинарного подхода. В заключении подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования методик реабилитации и создания новых технологий для повышения эффективности работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья, историко-педагогический анализ, социальная интеграция, инклюзивное образование, дети с особенностями развития, социально-педагогическая реабилитация

Цитирование: Маркова Д. А. Историко-педагогический анализ социально-педагогической реабилитации детей с особенностями развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 404–412. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-404-412>

Поступила в редакцию 12.02.2025. Принята после рецензирования 24.03.2025. Принята в печать 26.03.2025.

full article

Socio-Pedagogical Rehabilitation of Children with Developmental Disabilities: Historical-Pedagogical Analysis

Diana A. Markova

Lugansk State Pedagogical University, Russia, Lugansk

dianochka1895@mail.ru

Abstract: Today, inclusive education improves the quality of social adaptation, but socio-pedagogical rehabilitation of children with physical conditions has a long history. This article describes the evolution of the social rehabilitation system, its pedagogical methods, and relevant social institutions across various historical contexts. The historical-pedagogical analysis of socio-pedagogical rehabilitation for children with special needs revealed some factors that influenced its evolution, pedagogical perspectives, modern trends, and international best practices. The research relied on the methods of historical and pedagogical analysis, a comparative approach, regulatory documents, and social practices. As charitable care gave way to structured and inclusive approaches, the socio-pedagogical rehabilitation of children with disabilities started to integrate education with social components. Today, its primary focus is on creating inclusive environment and interdisciplinary collaboration. However, the current rehabilitation methodologies require innovative technologies to make support for children with disabilities more efficient.

Keywords: social rehabilitation of children with disabilities, historical-pedagogical analysis, social integration, inclusive education, children with developmental disabilities, socio-pedagogical rehabilitation

Citation: Markova D. A. Socio-Pedagogical Rehabilitation of Children with Developmental Disabilities: Historical-Pedagogical Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 404–412. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-404-412>

Received 12 Feb 2025. Accepted after review 24 Mar 2025. Accepted for publication 26 Mar 2025.

Введение

Одной из актуальных тенденций современной России является рост числа детей с нарушениями развития, требующими специальных условий для социализации, обучения и воспитания. В частности, наблюдается увеличение случаев задержки психического развития (ЗПР), диагностированной у 2,5 % населения¹. Специфика их развития обусловлена влиянием неблагоприятных социально-психологических факторов в сочетании с ранним поражением центральной нервной системы, что затрагивает все аспекты формирования личности – от физического роста до когнитивного и социального развития. В современной России наблюдается тенденция к увеличению числа детей с отклонениями в развитии, что подчеркивает необходимость системного подхода к их обучению и социализации.

В условиях специальных образовательных организаций и инклюзивного обучения важнейшей задачей становится комплексное психолого-педагогическое и социальное сопровождение, направленное на создание благоприятных условий для реабилитации, воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). При этом учитываются их возрастные и индивидуальные особенности, уровень развития и специфика адаптации в социокультурной среде.

Цель работы – провести историко-педагогический анализ сущности социально-педагогической реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Поставлены следующие задачи:

- раскрыть исторические аспекты развития социальной реабилитации детей ограниченными возможностями здоровья, проанализировав ключевые этапы и факторы, повлиявшие на ее становление;
- определить ведущие подходы к реабилитации, сформировавшиеся в разные исторические периоды;
- изучить роль социальных институтов, государственных и общественных организаций в развитии реабилитационных программ;

- рассмотреть современные тенденции и опыт различных стран в области социально-педагогической реабилитации детей с ОВЗ.

Научные исследования в области социальной реабилитации детей с ОВЗ охватывают различные аспекты, включая теорию и практику реабилитации, использование социально-культурных технологий, а также психологические и педагогические подходы. О. С. Андреева и Н. Ю. Андрусяк изучают роль индивидуальных реабилитационных программ, а Н. В. Антакова акцентирует внимание на психолого-педагогических условиях реабилитации [1–3]. А. Е. Григорьева анализирует влияние социальной реабилитации на детей с ОВЗ [4]. Т. В. Гудина рассматривает инклюзивный подход в образовательной и социальной реабилитации, а Р. А. Зиязов и Т. А. Черникова работают над индивидуальными программами абилитации и реабилитации [5; 6]. Е. Ю. Мукина и А. С. Стрекалов исследуют педагогические методики в социально-педагогической реабилитации [7]. И. А. Телина сосредоточена на социально-педагогической реабилитации [8], а М. Э. Паатова рассматривает проблемы реабилитации в закрытых учреждениях [9; 10]. П. Д. Павленок и С. Н. Пузин и коллеги занимаются вопросами реабилитологии, акцентируя внимание на новых подходах в восстановлении инвалидов [11; 12].

В статье применяются методы теоретического анализа, синтеза и историко-педагогического подхода, включая сравнительный и концептуальный анализ.

Результаты

Профилактика детской инвалидности и развитие системы социально-педагогической реабилитации являются приоритетами социальной политики России. Важнейшие законы, такие как Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»² и другие нормативно-правовые акты, обеспечивают реализацию этих инициатив. Международные документы, такие как Конвенция о правах ребенка³ и Конвенция о правах

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).

² О социальной защите инвалидов в РФ. ФЗ № 181-ФЗ от 24.11.1995. СПС КонсультантПлюс.

³ Конвенция о правах ребенка. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.02.2025).

инвалидов⁴, поддерживают эти усилия, гарантируя равенство возможностей для детей с ОВЗ. Социально-реабилитационная работа направлена на интеграцию детей с ОВЗ в общество. Ее эффективность зависит от ряда факторов, включая способность детей устанавливать социальные связи, воспринимать критику и развивать адекватную самооценку. Это требует не только медицинской помощи, но и комплексного социально-педагогического сопровождения, что подчеркивается в трудах И. А. Телина [8] и И. А. Игошина [13].

Одним из ключевых аспектов исследования является анализ понятий, связанных с социально-педагогической реабилитацией детей с ограниченными возможностями здоровья: *абилитация, реабилитация, социальная реабилитация, педагогическая реабилитация, социально-педагогическая реабилитация*. Особое внимание уделяется понятию *реабилитация* как процессу восстановления утраченных функций и социальной адаптации.

Реабилитация, происходящая от латинских слов *habilis* (способность) и *rehabilis* (восстановление способности) [14], охватывает мероприятия, направленные на восстановление физического, психического и социального здоровья. Это направление медицины ориентировано как на восстановление функций, так и на улучшение социальных связей [15]. Процесс реабилитации, по определению Всемирной организации здравоохранения, включает всестороннюю помошь людям с нарушениями здоровья, направленную на социальную интеграцию и профессиональную адаптацию. Этот подход близок к мнению Н. Н. Чалдышкиной и Н. Н. Зыковой, которые считают реабилитацию совокупностью мероприятий для помощи в адаптации к новым условиям жизни [14]. Таким образом, реабилитация охватывает не только восстановление здоровья, но и социальную адаптацию. Реабилитация определяется как «восстановление здоровья, функционального состояния и трудоспособности, нарушенных болезнями, травмами или физическими, химическими и социальными факторами»⁵.

Абилитация, которую можно рассматривать в качестве синонима *реабилитации*, также является важнейшим направлением в социально-педагогической работе с детьми с ОВЗ. Р. Р. Ялалова определяет абилитацию как лечебные, педагогические, психологические или социальные мероприятия, направленные на приспособление инвалидов или людей с моральными нарушениями к жизни в обществе,

на возможность учиться и трудиться [16]. Это определение акцентирует внимание на обучении и профессиональной адаптации, что служит важной частью процесса социальной интеграции.

Педагогическая реабилитация содержит мероприятия воспитательного характера, нацеленные на приобретение больным ребенком необходимых навыков самообслуживания и получение образования⁶. Это определение акцентирует внимание на важности не только физического восстановления, но и социальной интеграции ребенка в образовательный процесс. Однако суть социально-педагогической реабилитации значительно шире и требует учета как внешних, так и внутренних факторов, влияющих на развитие ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

М. Э. Паатова акцентирует внимание на внутренних факторах, включающих такую организацию педагогического процесса, при которой происходит выявление потенциала ребенка и восстановление, коррекция и развитие его психофизических и социальных функций. Важным моментом является не только восстановление, но и развитие активной жизненной позиции, социального опыта и навыков, которые помогают справляться с трудными жизненными ситуациями [9]. Эта концепция подчеркивает, что реабилитация должна быть направлена на всестороннее развитие личности и социализацию ребенка, что требует применения комплексного подхода.

На сегодняшний день существует несколько трактовок термина *социально-педагогическая реабилитация*. В научной литературе принято рассматривать этот процесс как многогранный и многоступенчатый. Социально-педагогическая реабилитация, по мнению Н. В. Антаковой, представляет собой процесс, направленный на восстановление физического, психического и нравственного здоровья ребенка, а также на восстановление его социального статуса [3, с. 15]. М. Э. Паатова, в свою очередь, описывает этот процесс как специально организованную деятельность, цель которой – преобразование ценностной и смысловой сферы личности ребенка и содействие его успешной социализации [10]. А. М. Бражник подчеркивает, что социально-педагогическая реабилитация представляет собой систему мер, ориентированных на выявление внутренних ресурсов ребенка, восстановление и коррекцию нарушенных функций, а также на устранение негативных факторов, влияющих на его развитие [17]. Несмотря на различные трактовки понятия, все ученые

⁴ Конвенция о правах инвалидов: резолюция Генеральной ассамблеей ООН №61/106 от 13.12.2006. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Реабилитация. Большой энциклопедический словарь, гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993. 1628 с.

⁶ Педагогическая реабилитация. Большой энциклопедический словарь, гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993. 1628 с.

сходятся во мнении, что социально-педагогическая реабилитация должна быть направлена не только на восстановление здоровья ребенка, но и на его успешную интеграцию в общество. Это является ключевым моментом для понимания сути процесса, т. к. реабилитация включает в себя не только восстановление утраченных функций, но и обеспечение социальной адаптации и развитие жизненно важных навыков, необходимых для полноценного существования в обществе.

Итак, социально-педагогическая реабилитация представляет собой комплекс мероприятий, цель которых – восстановление, компенсация или коррекция нарушенных функций ребенка, а также содействие его социальной интеграции. Важно подчеркнуть, что в процессе реабилитации значительное внимание уделяется не только медицинским и педагогическим аспектам, но и психологическим, социальным и культурным факторам, которые оказывают влияние на способность ребенка адаптироваться к жизни в обществе.

П. Д. Павленок дает определение социально-педагогической реабилитации, которое наиболее точно отражает суть процесса. Он рассматривает это явление как комплекс услуг, направленных на восстановление у инвалидов базовых жизненных и образовательных компетенций, необходимых для социально значимой деятельности и интеграции в общество [11, с. 22]. Это определение акцентирует внимание на том, что социально-педагогическая реабилитация является частью профессиональной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей детей в социокультурной адаптации и самореализации.

Систематизация ключевых аспектов социально-педагогической реабилитации, предложенная И. А. Игошиным [13], представляет собой логично выстроенную и всеобъемлющую модель, охватывающую основные этапы и компоненты данного процесса. Включение диагностики, консультирования, коррекции, просвещения и патронажа позволяет обеспечить комплексный подход к реабилитации, который отвечает как потребностям ребенка, так и требованиям социальной адаптации. Каждый из предложенных компонентов играет важную роль в обеспечении эффективности реабилитации. Социально-педагогическая диагностика позволяет точно выявить ограничения и потребности, что важно для индивидуализации подхода. Консультирование и педагогическая коррекция обеспечивают необходимую поддержку в обучении и развитии. Педагогическое просвещение способствует распространению знаний о реабилитационных методах

среди инвалидов и их семей, а также специалистов. Социально-педагогический патронаж служит завершающим звеном в процессе, обеспечивая стабильную поддержку и помочь в социальной адаптации.

Социально-педагогическая реабилитация – сложный и многогранный процесс, охватывающий диагностику, коррекцию нарушений, а также поддержку в образовательной и социальной сферах. К. А. Пахомова акцентирует внимание на том, что основные объекты этого процесса – дети, которые утратили навыки, обеспечивающие их активное участие в социальной жизни. Это утверждение подчеркивает необходимость целенаправленной работы по адаптации ребенка к современным социальным и культурным ценностям, что, в свою очередь, способствует его успешной интеграции в общество [18]. Данный подход подтверждает важность создания условий для восстановления у ребенка необходимых навыков, что не только помогает ему вернуться к полноценной социальной активности, но и способствует его более гармоничному развитию в рамках культурных и социальных норм общества. Социально-педагогическая помощь представляет собой комплекс экстренных и неотложных мер, направленных на поддержку детей в ситуациях, связанных с угрозой их здоровью или жизни. Она преследует цель минимизации или устранения рисков жестокого обращения и способствует преодолению препятствий в социальном, физическом и психологическом развитии ребенка [19]. Дети с ограниченными возможностями здоровья составляют особую категорию, требующую специализированного подхода. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации»⁷, дети с ограниченными возможностями здоровья – это те, у кого имеются недостатки в физическом и / или психологическом развитии, что подтверждается психолого-медицинско-педагогической комиссией (ПМПК) и требует создания специальных условий для получения образования (ст. 2 п. 16).

Понятие *ограниченные возможности* необходимо понимать как временное отставание в развитии, которое с возрастом (при условии формирования адекватных условий обучения и развития) может быть преодолено. Как отмечает М. В. Кадкина, данный процесс предполагает, что уровень развития ребенка не соответствует возрастным нормам, но это отставание носит временный характер и поддается коррекции с течением времени [20].

Дети с ОВЗ требуют специально организованного коррекционного подхода в обучении и воспитании. А. Е. Носырева и А. В. Гаврилова предлагают классификацию детей с ОВЗ, включая детей с нарушениями

⁷ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012. СПС КонсультантПлюс.

слуха, зрения, речи, опорно-двигательного аппарата, задержкой психического развития, нарушением поведения и общения, а также детей с комплексными нарушениями психофизического развития, такими как слепоглухонемые или дети с умственной отсталостью [21].

О. Ю. Павлова и коллеги указывают, что дети с ОВЗ могут отставать в развитии на 2–3 года по сравнению с их сверстниками, проявляя неустойчивость эмоций, недоразвитость регуляции поведения и целенаправленной деятельности, повышенную истощаемость и слабую познавательную активность [22]. Дети с ОВЗ могут испытывать трудности в формировании универсальных учебных действий и компетенций, что требует индивидуального подхода и подбора соответствующих педагогических программ.

Понятие *реабилитация* имеет долгую историю. Изначально означавшее восстановление правового статуса, с XVIII–XIX вв. оно приобрело медицинский и социальный контекст [23]. В 1918 г. в Нью-Йорке термин *реабилитация* начали применять к лицам с физическими дефектами, что открыло новые подходы в восстановлении здоровья инвалидов. Мировые войны способствовали развитию реабилитационных практик, таких как ортопедия и трудотерапия, что, как отмечает П. Д. Павленок, стало катализатором распространения идей социальной реабилитации по всему миру [11].

Социально-педагогическая реабилитация появилась в первобытном обществе, а элементы социальной реабилитации прослеживаются с античности. П. Д. Павленок указывает на существование коллективной заботы о людях с ограниченными возможностями в древности [24]. В Древнем Египте и Риме люди с ОВЗ получали социальные привилегии, массаж и физическая активность использовались для восстановления трудоспособности [8]. Со временем в Риме и других культурах развивалась их поддержка, включая термы как центры физиотерапии [25].

В Средние века христианские приюты и лечебницы помогали инвалидам, а в VII в. французский епископ Бернард основал приют для слепых. В 1285 г. появились линзы для улучшения зрения [25]. В Древней Индии и Китае народная медицина и монастыри поддерживали инвалидов, а в исламском мире создавались госпитали для инвалидов и психически больных [26]. В Европе монастыри сыграли важную роль в помощи инвалидам, а в XVI–XVII вв. короли начали строить дома для инвалидов. К 1800-м гг. в Европе начали появляться инвалидные роты и медицинские учреждения для инвалидов [26]. В США в XIX в. начали развиваться социальные службы для инвалидов, а в 1926 г. началась подготовка специалистов по социальной работе [25].

После Второй мировой войны реабилитация приобрела глобальное значение. В 1944 г. в Великобритании был создан Британский совет реабилитации инвалидов [25], а в США принят «Реабилитационный акт» (1973 г.) и программа «Инклюзен» для улучшения условий для инвалидов [26]. В 1980-е гг. началась активная перестройка зданий с учетом потребностей инвалидов, и в США стали развиваться общественные организации для их поддержки [27].

В 1980-е гг. в США началась активная перестройка зданий с учетом потребностей инвалидов, а также была запущена кампания по изменению отношения общества к инвалидам, в которой принимали участие специалисты в области социальной реабилитации [27]. В США стали активно развиваться общественные организации и клубы для граждан с ОВЗ, специализированные фонды, оказывающие существенную поддержку в предоставлении услуг детям с особыми потребностями. Социальное обеспечение инвалидов в США включает медицинскую помощь, пособия, компенсации, жилищные услуги и транспорт, которые предоставляются через социальные службы, включая надомные услуги [27].

В Великобритании помощь инвалидам, включая детей с ОВЗ, организована через три группы: частные владельцы домов, общественный сектор и местные власти, которые обеспечивают большую часть социальных услуг [26]. Эти организации тесно сотрудничают, создавая комплексную систему поддержки. Социальные службы Великобритании предлагают разнообразную помощь: уход на дому, работу в дневных центрах и интернатах. Особое внимание уделяется людям с нарушениями интеллекта, для которых разработаны специализированные программы, направленные на развитие жизненно важных навыков, таких как общение и ориентирование в пространстве. Для подростков с умственной отсталостью созданы центры профессиональной подготовки. В больницах для детей с ОВЗ функционируют отделения трудотерапии, что помогает детям развивать независимость и улучшать качество жизни. Социальные работники Департамента социальных служб Великобритании играют ключевую роль, поддерживая инвалидов и их семьи. Они помогают разработать индивидуальные программы реабилитации и способствуют социальной интеграции инвалидов через культурные мероприятия, предоставляют консультации, а также помогают с оборудованием и дотациями [27].

Таким образом, ведущие подходы в зарубежной и отечественной практике эволюционировали от патерналистской модели к гуманистической педагогике, интегрирующей индивидуальные траектории развития. Роль социальных институтов, таких как психолого-медицинско-педагогических комиссий

и некоммерческих организаций, оказалась ключевой в координации межведомственного взаимодействия. Современные тенденции в России сочетают международные стандарты (например, принципы международной классификации функционирования (МКФ)) с локальными практиками, такими как ресурсные классы и тьюторское сопровождение.

Установлено, что эффективная социально-педагогическая реабилитация требует синтеза исторического наследия, адаптации зарубежных моделей к национальному контексту и развития межсекторного сотрудничества, что напрямую отвечает цели и задачам работы.

Анализ исторического развития реабилитации лиц с физическими ограничениями показывает, что процесс их интеграции в общество был сложным и многоэтапным. Выделяются ключевые моменты формирования комплексного подхода к реабилитации, начиная с Реформации, когда трудовая деятельность стала ценностью, а государственные и церковные учреждения начали оказывать помочь нуждающимся. Эти выводы согласуются с работами, посвященными эволюции социальной политики в Европе, где подчеркивается влияние христианских идей милосердия и благотворительности на развитие помощи инвалидам. Исторические примеры, такие как создание специальных школ и мастерских для инвалидов, подтверждают, что первые формы реабилитации были связаны с профессиональным обучением и социальной адаптацией. Это также подтверждается исследованиями западных социологов, утверждающих, что инклюзивные практики возникали в ответ на экономическую необходимость обеспечения инвалидов возможностью самостоятельного существования. Сравнение с зарубежными исследованиями подтверждает схожие закономерности в развитии социальной реабилитации, хотя темпы развития различались. В частности, во Франции, Англии и Германии внимание уделялось созданию инвалидных домов и поддержке бывших военнослужащих, что также отмечается в работах о социальном обеспечении в Европе XVIII–XIX вв. В XX в. реабилитация приобрела новый масштаб. Введение комплексного подхода в США и Великобритании, принятие «Реабилитационного акта» США 1973 г. подтверждают, что интеграция инвалидов стала частью глобальной правозащитной повестки, что согласуется с современными исследованиями влияния социальной политики на жизнь инвалидов.

Таким образом, развитие системы реабилитации инвалидов следовало общемировым тенденциям. Выявленные закономерности подтверждают, что эволюция социальной реабилитации была обусловлена экономическими, политическими

и культурными факторами, что имеет значение для дальнейших исследований в области социальной политики и реабилитологии.

Заключение

Историко-педагогический анализ социальной реабилитации детей с ОВЗ позволяет выявить основные тенденции и закономерности формирования этой системы, а также определить ключевые факторы, повлиявшие на ее развитие. Исследование показало, что изначально помочь детям с ОВЗ носила преимущественно благотворительный характер и была сосредоточена на их базовом содержании и уходе. Однако с течением времени произошел переход к более структурированным формам реабилитации, включающим образовательные, социальные и медицинские аспекты.

Развитие реабилитации в разных странах проходило неравномерно, но ключевой тенденцией стало осознание важности социальной интеграции детей с ОВЗ. В этом контексте особую роль сыграла педагогика, направленная на создание специальных условий обучения, развитие индивидуальных программ сопровождения и формирование новых методов адаптации. Постепенно происходил отход от изолированных моделей обучения в специализированных заведениях к инклюзивному образованию, что способствовало формированию толерантного общества и расширению возможностей для социализации таких детей.

Современная система социальной реабилитации детей с особенностями развития представляет собой комплекс мер, направленных на развитие их самостоятельности, образовательных и коммуникативных навыков. Ведущим направлением является междисциплинарный подход, предполагающий взаимодействие педагогов, психологов, медиков и социальных работников. Государственная политика большинства стран ориентирована на создание инклюзивной образовательной среды, поддержку семей и совершенствование законодательной базы.

Таким образом, социальная реабилитация детей с особенностями развития прошла длительный путь трансформации: от благотворительной опеки и специализированных школ к целостной системе социальной адаптации и инклюзии. Однако актуальными остаются вопросы совершенствования методик реабилитации, адаптации образовательных программ и разработки новых технологий, направленных на повышение эффективности работы с детьми с особыми потребностями. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на изучении наиболее успешных практик реабилитации, а также на оценке их влияния на качество жизни детей и их интеграцию в общество.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflict of interest in relation to the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Андреева О. С. Формирование и реализация индивидуальной программы реабилитации инвалида. *Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии*. 2003. № 1. С. 67–75. [Andreeva O. S. Formation and implementation of an individual rehabilitation program for a person with disability. *Vestnik Vserossijskogo obshhestva specialistov po mediko-social'noj jekspertize, reabilitacii i reabilitacionnoj industrii*, 2003, (1): 67–75. (In Russ.)]
2. Андрусяк Н. Ю., Безенкова Т. А. Анализ положительного опыта использования социально-культурных технологий в процессе реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2018. Т. 2. № 1. С. 24–30. [Andrusyak N. Yu., Bezenkova T. A. Analysis of positive experience of sociocultural technologies use in the process of rehabilitation of children with disabilities. *Humanitarian and Pedagogical Research*, 2018, 2(1): 24–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yumqpx>
3. Антакова Н. В. Психологопедагогические условия эффективности социально-педагогической реабилитации детей: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1999. 171 с. [Antakova N. V. *Psychological and pedagogical conditions for the effectiveness of social and pedagogical rehabilitation of children*. Cand. Ped. Sci. Diss. Ekaterinburg, 1999, 171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlpkxr>
4. Григорьева А. Е. О понятии «социальная реабилитация». *Студенческий научный форум: XIII Междунар. студ. науч. конф.* [Grigoryeva A. E. To the concept of social rehabilitation. *Student scientific forum: Proc. XIII Intern. Stud. Sci. Conf.* (In Russ.)] URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018027203> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Гудина Т. В. Инклюзивный подход к социокультурной реабилитации детей и молодежи с ОВЗ. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2017. Т. 23. № 1. С. 178–182. [Gudina T. V. An inclusive approach to the socio-cultural rehabilitation of children and young people with limited possibilities of health. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2017, 23(1): 178–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yphsaf>
6. Зиязов Р. А., Черникова Т. А. Индивидуальная программа реабилитации и абилитации инвалидов как важнейший инструмент их реабилитации. *Colloquium-Journal*. 2020. № 34-3. С. 4–6. [Ziyazov R. A., Chernikova T. A. Individual program of rehabilitation and habilitation of disabled people as the most important tool of their rehabilitation. *Colloquium-Journal*, 2020, (34-3): 4–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-3486-4-6>
7. Мукина Е. Ю., Стрекалов А. С. Современные подходы к социально-педагогической реабилитации в теории и практике педагогической науки. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 7. С. 30–40. [Mukina E. Yu., Strekalov A. S. Modern approaches to socio-pedagogical rehabilitation in theory and practice of pedagogical science. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, (7): 30–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snjamr>
8. Телина И. А. Социально-педагогическая реабилитация детей-инвалидов. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 156 с. [Telina I. A. *Socio-pedagogical rehabilitation of children with disabilities*. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2014, 156. (In Russ.)]
9. Паатова М. Э. Реабилитационно-воспитательная деятельность в условиях учреждений закрытого типа. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009. № 6. С. 137–140. [Paatova M. E. Rehabilitation educational Activity in conditions of custodial institutions. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2009, (6): 137–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mbdtu>
10. Паатова М. Э. Реабилитация воспитанников учреждений закрытого типа. *Педагогика*. 2010. № 2. С. 57–62. [Paatova M. E. Rehabilitation in secure facilities. *Pedagogy*, 2010, (2): 57–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muiudv>
11. Павленок П. Д. Реабилитология в системе социальных знаний. *Развитие социальной реабилитации в России*, ред. А. Н. Дашина, А. И. Осадчих и др. М.: Социально-технологический институт МГУ, 2000. С. 21–22. [Pavlenok P. D. Rehabilitology in the system of social sciences. *Development of social rehabilitation in Russia*, eds. Dashkina A. N., Osadchikh A. I. et al. Moscow: MSU Institute of Social Technology, 2000, 21–22. (In Russ.)]

12. Пузин С. Н., Меметов С. С., Шургая М. А., Балека Л. Ю., Кузнецова Е. А., Мутева Т. А. Аспекты реабилитации и абилитации инвалидов на современном этапе. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 2016. Т. 19. № 1. С. 4–7. [Puzin S. N., Memetov S. S., Shurgaya M. A., Baleka L. Yu., Kuznetsova E. A., Muteva T. A. Aspects of rehabilitation and habilitation of disabled persons in modern times. *Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation*, 2016, 19(1): 4–7. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18821/1560-9537-2016-19-1-4-7>
13. Игошин И. А. История развития социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. *Studarctic forum*. 2020. Т. 4. № 20. С. 52–63. [Igoshina I. A. The history of the development of social rehabilitation of children with disabilities. *Studarctic forum*, 2020, 4(20): 52–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cusvrr>
14. Чалдышкина Н. Н., Зыкова Н. Н. Реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья в современном обществе (социально-педагогический аспект). Йошкар-Ола: ПГТУ, 2017. 204 с. [Chaldyshkina N. N., Zykova N. N. *Rehabilitation of children with health limitations in modern society (socio-pedagogical aspect)*. Yoshkar-Ola: VSUT, 2017, 204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/crfv1>
15. Реабилитация инвалидов: национальное руководство, ред. Г. Н. Пономаренко. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. 736 с. [Rehabilitation of people with disabilities: National guide, ed. Ponomarenko G. N. Moscow: GEOTAR-Media, 2018, 736. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xypfhat>
16. Ялалова Р. Р. Понятийные составляющие лексем здоровье и болезнь. *Актуальные проблемы филологии*: Междунар. науч. конф. (Пермь, 20–23 октября 2012 г.) Пермь: Меркурий, 2012. С. 93–95. [Yalalova R. R. Conceptual components of the lexemes health and illness. *Current problems of philology*: Proc. Intern. Sci. Conf., Perm, 20–23 Oct 2012. Perm: Merkuriy, 2012, 93–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vthbul>
17. Бражник А. М. Современное состояние системы социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в Российской Федерации: проблемы и пути решения. *Молодой ученый*. 2022. № 48. С. 525–527. [Brazhnik A. M. The current state of the social rehabilitation system for children with disabilities and health limitations in the Russian Federation: Problems and solutions. *Molodoi uchenyi*, 2022, (48): 525–527. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jpgnyd>
18. Пахомова К. А. Психологическое сопровождение процесса адаптации обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве школы. *Молодой ученый*. 2022. № 48. С. 502–507. [Pakhomova K. A. Psychological support for the adaptation process of students with disabilities in the educational space of a school. *Molodoi uchenyi*, 2022, (48): 502–507. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smvgew>
19. Мубинова В. Р., Шубович М. М. Специфика социокультурной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья в современных условиях. *Молодой ученый*. 2023. № 17. С. 262–264. [Mubinova V. R., Shubovich M. M. The specifics of socio-cultural rehabilitation of children with disabilities in modern conditions. *Molodoi uchenyi*, 2023, (17): 262–264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fybtqo>
20. Кадкина М. В. Проблемы социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья в БУ ХМАОЮгры «Сургутский многопрофильный реабилитационный центр для инвалидов». *Вестник науки*. 2023. Т. 4. № 6. С. 753–760. [Kadkina M. V. Problems of social rehabilitation of children with disabilities in Surgut City Multidisciplinary rehabilitation center for disabled kids in Yugra Region of Russia. *Vestnik nauki*, 2023, 4(6): 753–760. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnghay>
21. Носырева А. Е., Гаврилова А. В. Соотношение реабилитации и абилитации инвалидов. *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. Т. 7. № 1. С. 35–44. [Nosyрева А. Е., Гаврилова А. В. The ratio of rehabilitation and habilitation of disabled people. *Current Issues of the State and Law*, 2023, 7(1): 35–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-35-44>
22. Павлова О. Ю., Васильева Д. Л., Петрова Ю. А. Практика коррекционно-педагогической работы по формированию межличностных отношений обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). *Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Чебоксары, 28 января 2025 г.) Чебоксары: Среда, 2025. С. 240–242. [Pavlova O. Yu., Vasilieva D. L., Petrova Yu. A. The practice of corrective and pedagogical work in the formation of interpersonal relationships among students with disabilities. *Current issues of humanities and social sciences*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Cheboksary, 28 Jan 2025. Cheboksary: Sreda, 2025, 240–242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eskzrc>
23. Моздокова Ю. С. Развитие технологий социокультурной реабилитации инвалидов как потребность общества. *Социальная политика и социология*. 2011. № 10. С. 40–47. [Mozdokova Y. S. Evelopment of technologies of sociocultural rehabilitation of invalids as necessity of society. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 2011, (10): 40–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzwphx>

24. Павленок П. Д. Теория, история и методика социальной работы. 10-е изд., испр. и доп. М.: Дашков и К°, 2017. 592 с. [Pavlenok P. D. *Theory, history, and methodology of social work*. 10th ed. Moscow: Dashkov and Co, 2017, 592. (In Russ.)]
25. Социальная реабилитация, ред. Н. Ш. Валеева. М.: ИНФРА-М, 2019. 320 с. [Social rehabilitation, eds. Valeeva N. Sh. Moscow: INFRA-M, 2019, 320. (In Russ.)]
26. Воронцова М. В., Макаров В. Е., Бюндюгова Т. В., Моздокова Ю. С. Социальная реабилитация. М.: Юрайт, 2025. 317 с. [Vorontsova M. V., Makarov V. E., Byundyugova T. V., Mozdokova Yu. S. *Social rehabilitation*. Moscow: Yurayt, 2025, 317. (In Russ.)]
27. Чалдаева Д. А., Нигматьянова И. Г. Зарубежный опыт социальной реабилитации инвалидов. *Вестник Казанского технологического университета*. 2010. № 3. С. 20–30. [Chaldaeva D. A., Nigmatyanova I. G. Foreign experience of social rehabilitation of disabled people. *Bulletin of the Kazan Technological University*, 2010, (3): 20–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lkxwwb>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vbojkc>

Педагогическая подготовка специалистов по архивному делу в дореволюционной России: институциональное становление и методические традиции

Понасенко Артем Васильевич

Луганский государственный педагогический университет, Россия, Луганск

eLibrary Author SPIN: 5561-4190

<https://orcid.org/0009-0002-9434-7517>

ponart0202@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ становления системы профессионального архивного образования в Российской империи с конца XVIII в. до 1917 г. Цель – провести многоаспектный анализ становления и развития системы подготовки архивных специалистов в Российской империи, рассматриваемой как целостный социокультурный феномен. Исследование выявляет три ключевых этапа развития: 1) переход от приказного ученичества к ведомственным школам (XVIII – первая половина XIX в.); 2) институционализация через включение в университетские программы (вторая половина XIX в.); 3) завершающая стадия стандартизации с созданием специализированных учебных заведений (конец XIX – начало XX в.). Особое внимание уделяется уникальным особенностям российской модели, которая органично сочетала фундаментальную академическую подготовку по вспомогательным историческим дисциплинам с практико-ориентированным обучением в ведомственных архивах, творческой адаптацией международного опыта и ранней профессиональной самоорганизацией (Союз архивистов, 1905 г.). Подчеркивается определяющая роль государственных реформ (Генеральный регламент 1720 г., университетская реформа 1863 г.), деятельности ключевых специалистов (Н. В. Калачов, Д. Я. Самоквасов) и интеграции в международное профессиональное сообщество в процессе формирования системы подготовки. Результаты исследования демонстрируют, что к 1917 г. сформировалась целостная система подготовки, ставшая основой для советской модели архивного образования. Особую ценность представляет анализ методических новаций (система практических занятий В. С. Иконникова), организационных механизмов (учебные коллекции документов) и вопросов профессиональной этики (разработка кодексов).

Ключевые слова: архивное образование, Российская империя, профессионализация, исторические дисциплины, археологические институты, международное сотрудничество, цифровизация архивов

Цитирование: Понасенко А. В. Педагогическая подготовка специалистов по архивному делу в дореволюционной России: институциональное становление и методические традиции. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 413–420. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-413-420>

Поступила в редакцию 24.04.2025. Принята после рецензирования 19.05.2025. Принята в печать 19.05.2025.

full article

Pedagogical Training of Archivists in Pre-Revolutionary Russia: Institutions and Methods

Artem V. Ponasenko

Luhansk State Pedagogical University, Russia, Lugansk

eLibrary Author SPIN: 5561-4190

<https://orcid.org/0009-0002-9434-7517>

ponart0202@yandex.ru

Abstract: This multidimensional analysis traces the history of archival education system in the Russian Empire from the late 18th century to 1917 as an integral socio-cultural phenomenon. The period consisted of three main stages: 1) archival education turned from apprenticeship to departmental schools (18th – first half of the 19th century), 2) it entered university curricula (second half of the 19th century), 3) it acquired education institutions of its own (late 19th – early 20th centuries). The Russian model of archival education organically combined fundamental academic training in auxiliary historical disciplines with practice-oriented education in departmental archives,

creative adaptation of international experience, and early professional self-organization (Union of Archivists, 1905). The article describes the relevant state reforms (General Regulations, 1720; University Reform, 1863), the activities of major specialists (N. V. Kalachov, D. Ya. Samokvasov), and the gradual integration into the international professional community. By 1917, Russian archival education was a cohesive training system that eventually sprouted the Soviet model. Particular value belonged to such methodological innovations as V. S. Ikonnikov's system of practical exercises, training archives, and the codes of professional ethics.

Keywords: archival education, Russian Empire, professionalization, historical disciplines, archaeological institutes, international cooperation, digital archives

Citation: Ponasenko A. V. Pedagogical Training of Archivists in Pre-Revolutionary Russia: Institutions and Methods. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 413–420. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-413-420>

Received 24 Apr 2025. Accepted after review 19 May 2025. Accepted for publication 19 May 2025.

Введение

Современная историческая наука демонстрирует устойчивый интерес к изучению профессионального образования в Российской империи, при этом особое внимание исследователей привлекает формирование системы подготовки специалистов архивного дела. Данная работа посвящена комплексному анализу генезиса и эволюции педагогических практик в области архивоведения с конца XVIII в. до 1917 г., что позволяет проследить трансформацию подходов к профессиональной подготовке кадров в контексте меняющихся государственных приоритетов и научных парадигм.

Актуальность исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях цифровой трансформации архивного дела особую значимость приобретает осмысление исторического опыта адаптации образовательных моделей к технологическим вызовам. Во-вторых, сохраняющаяся в профессиональном сообществе дискуссия об оптимальном соотношении теоретической и практической составляющих в подготовке архивистов делает востребованным историко-педагогический анализ дореволюционного опыта. В-третьих, современный «антропологический поворот» в исторической науке актуализирует изучение кадрового аспекта архивного дела через призму истории повседневности и профессиональной культуры.

Цель работы – провести многоаспектный анализ становления и развития системы подготовки архивных специалистов в Российской империи, рассматриваемой как целостный социокультурный феномен. Поставлены следующие задачи:

1) реконструировать институциональную структуру подготовки архивистов, проследив эволюцию от ведомственных школ до специализированных учебных заведений;

2) исследовать механизмы взаимодействия академической науки и практического архивного дела в процессе профессиональной подготовки;

3) оценить вклад ключевых деятелей архивного образования (Н. В. Калачова, Д. Я. Самоквасова, В. С. Иконникова и др.) в разработку педагогических подходов;

4) проанализировать социальный состав учащихся и преподавателей архивных школ как отражение профессиональной стратификации.

Историография проблемы отличается значительной хронологической и методологической неоднородностью. Анализ историографии по вопросу подготовки архивных кадров в дореволюционный период позволяет выявить системный характер развития архивного дела в России, органично сочетавшего государственные потребности с научными задачами. Исследования В. В. Максакова, В. Н. Самошенко и С. О. Шмидта показывают, что этот синтез нашел свое воплощение в создании специализированных образовательных структур [1–3], подробно рассмотренных в работах [4, с. 11; 5, с. 24].

Особое значение в формировании профессиональной культуры архивистов имела деятельность Историко-архивного института, который, как демонстрируют исследования Т. И. Хорхординой [6–10], стал подлинным центром подготовки кадров. Его работа строилась на трех фундаментальных принципах: 1) преемственности исторических традиций документоведения, 2) интеграции теоретических знаний с практическими навыками и 3) развитии научных школ в области вспомогательных исторических дисциплин.

Ценные сведения о процессе профессионального становления архивистов содержат мемуарные источники, включая работы [11–13]. Эти материалы раскрывают методику преподавания специальных дисциплин, особенности учебного процесса и механизмы формирования корпоративной идентичности. Теоретико-методологические основы профессии, заложенные в дореволюционный период, получили развитие в исследованиях

О. В. Вовкотруб и В. П. Козлова [14–16]. Ярким примером служит научная школа профессора П. П. Смирнова, чья деятельность наглядно демонстрирует механизмы передачи профессионального знания [17].

Социально-политический контекст архивного образования, рассмотренный С. М. Воскобойник¹ и С. О. Шмидтом², подчеркивает важность мотивационных факторов в профессиональном выборе будущих архивистов.

Институциональное развитие архивного образования наиболее полно отражено в исследованиях Л. Н. Мазур [18], анализирующей становление историко-архивной специальности в региональном вузе, что позволяет выявить особенности подготовки кадров за пределами столичных центров. Н. И. Химина детально исследует организационные основы формирования ГАФ СССР [19], включая кадровую политику первых послереволюционных лет, в то время как Т. Ф. Павлова рассматривает трансформацию архивной системы в контексте создания спецхранов, требовавшую принципиально новой квалификации архивистов [20].

Особое значение для понимания профессиональной подготовки имеют работы, посвященные научным школам и профессиональным сообществам. В. С. Соболев и Т. И. Хорхордина изучают вклад кружка имени Лаппо-Данилевского в развитие архивоведческой мысли, подчеркивая роль неформальных объединений в формировании профессиональных компетенций [21]. В. Д. Евплов анализирует деятельность И. Л. Маяковского и М. С. Вишневского, демонстрируя становление практико-ориентированного подхода к обучению архивных специалистов [22; 23]. Международный контекст подготовки кадров раскрыт в работе Т. И. Хорхординой. В своем исследовании Т. И. Хорхордина продемонстрировала влияние взаимодействия отечественных архивов с мировым сообществом на стандарты профессионального образования [24].

Таким образом, дореволюционная система подготовки архивных кадров представляла собой сложный социокультурный феномен, объединявший институциональную основу в виде специализированных учебных заведений, научно-методическую базу, разработанную ведущими специалистами, преемственность профессиональных традиций и социальные механизмы формирования корпоративной идентичности. Этот исторический опыт сохраняет свою актуальность для современного архивного образования, демонстрируя эффективность комплексного подхода, сочетающего теоретическую

подготовку с практической составляющей и ценностными ориентирами профессии.

Методологическая основа исследования строится на сочетании нескольких взаимодополняющих подходов:

1. Институциональный анализ, позволяющий проследить формирование и развитие структурных элементов системы подготовки кадров.

2. Историко-генетический метод, направленный на выявление преемственности и трансформации педагогических традиций.

3. Историко-антропологический подход, ориентированный на изучение профессиональной культуры и образовательных практик.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению архивного образования как социокультурного феномена, сочетающего институциональные, педагогические и профессиональные аспекты. Особое внимание уделяется ранее недостаточно изученным вопросам – роли неформальных образовательных практик, гендерным аспектам профессиональной подготовки, влиянию международного опыта.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования исторического опыта при решении современных проблем архивного образования, включая вопросы стандартизации подготовки, сочетания фундаментальных и прикладных компонентов, интеграции новых технологий в образовательный процесс.

Структура исследования построена по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет сочетать анализ исторической динамики с углубленным рассмотрением ключевых аспектов подготовки специалистов. Первая часть посвящена генезису архивного образования в XVIII – первой половине XIX в., вторая – становлению системы профессиональной подготовки во второй половине XIX в., третья – процессам профессионализации и стандартизации на рубеже XIX–XX вв.

Результаты

Истоки и становление архивного образования (XVIII – первая половина XIX в.)

Формирование системы подготовки специалистов в области документоведения и архивного дела в России имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху Московского государства. В допетровский период (XVI–XVII вв.) подготовка кадров осуществлялась через институт практического ученичества в рамках приказной системы. Этот сложный

¹ Воскобойник С. М. Юность, опаленная войной. Государственный архив Российской Федерации. URL: <https://statearchive.ru/979> (дата обращения: 20.03.2025).

² Шмидт С. О. Интервью. Аудитория. 2010. № 64. С. 2. URL: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=29763> (дата обращения: 20.03.2025).

механизм передачи профессиональных знаний отличался сугубо практической направленностью – будущие подьячие начинали службу с низших должностей («молодых подьячих»), постепенно осваивая все аспекты работы с документами в течение 5–7 лет. Ключевым элементом подготовки было копирование документов, развивавшее не только каллиграфические навыки, но и глубокое понимание формуляра официальных бумаг.

Учебный процесс строился на принципах преемственности знаний через систему *мастер – ученик*, использовании реальных документов в качестве учебных пособий, постепенном усложнении задач и строгой дисциплине. Особую роль играли «образцовые книги» – сборники копий важных документов с пометами и комментариями, демонстрирующими процесс обучения. Социальный состав приказных людей был разнородным: наряду с профессиональными династиями подьячих в приказы попадали представители разных сословий, включая бывших крепостных, хотя продвижение по службе требовало не только навыков, но и связей.

Реформы Петра I кардинально изменили подход к подготовке специалистов. Введение в 1720 г. Генерального регламента заложило основы профессиональных стандартов, впервые закрепив понятие *архивариус*. Важнейшими нововведениями стали создание системы государственных архивов (Архив Коллегии иностранных дел, 1724 г.), введение должностных инструкций, обязательное изучение иностранных языков, систематизация документооборота и первые попытки научного описания документов. Особое внимание уделялось подготовке кадров для Коллегии иностранных дел через специальный «архивный класс», где сочетались практическая работа с изучением истории, географии и международного права. Эти преобразования привлекли в архивное дело представителей дворянства, в том числе получивших образование за границей, что повысило престиж профессии [25].

Во второй половине XVIII в. с созданием Академии наук (1725 г.) и Московского университета (1755 г.) началось становление академического подхода к архивному делу. Подготовка сочинений по дипломатике Н. Н. Бантыш-Каменским и создание в 1804 г. Общества истории и древностей при Московском университете заложили основы научного изучения документов. Параллельно развивалась практика неформального образования через кружки любителей истории, ставшие связующим звеном между наукой и архивной практикой.

Однако в первой половине XIX в. основной формой подготовки оставалась ведомственная система обучения. Каждое крупное ведомство (Коллегия

иностранных дел, Сенат, Синод) имело собственную систему подготовки с узкой специализацией, сочетанием теории и практики, жесткой иерархией и длительным сроком обучения (3–5 лет). Наиболее продвинутой была программа Архива Коллегии иностранных дел с многоступенчатым обучением от копирования до самостоятельного анализа документов. Социальный состав учащихся постепенно расширялся за счет разночинцев, хотя высшие должности по-прежнему требовали определенного статуса.

Таким образом, к середине XIX в. сложилась дуальная система подготовки, сочетающая традиционное ученичество с элементами академического образования, что стало важным этапом в профессионализации архивного дела.

Формирование системы профессиональной подготовки (вторая половина XIX в.)

Вторая половина XIX в. стала периодом активного становления системы профессиональной подготовки архивных кадров в России. Этот процесс развивался под влиянием университетской реформы 1863 г., которая кардинальным образом изменила подходы к высшему образованию. Реформа предусматривала либерализацию учебного процесса, расширение университетской автономии и введение новых принципов преподавания историко-филологических дисциплин. Особое значение имело увеличение количества часов на вспомогательные исторические дисциплины и развитие практико-ориентированного подхода через семинарские занятия.

Важнейшим достижением этого периода стало введение обязательного курса «Теория и практика архивного дела» в программах исторических факультетов ведущих университетов. В Московском университете этот курс с 1865 г. читал выдающийся ученый и архивист Н. В. Калачов, чьи лекции сочетали фундаментальную теоретическую подготовку с разбором конкретных случаев из архивной практики. Параллельно формировалась система обязательной архивной практики для студентов, которая включала ознакомление с организацией архивного дела, работу с описями и каталогами, составление архивных справок и участие в описании фондов.

Особенность этого периода – углубление взаимодействия между академической наукой и практическим архивным делом. Это сотрудничество осуществлялось через научные общества, совместные публикации, археографические экспедиции и экспертные комиссии. Важным аспектом этого взаимодействия стало создание в университетах «учебных коллекций» – подборок копий документов для практических занятий, наиболее полная из которых (свыше 3000 единиц) была собрана в Петербургском археологическом институте.

Таким образом, во второй половине XIX в. в России сложилась многоуровневая система подготовки архивных кадров, сочетавшая университетское образование, ведомственную подготовку и региональные модели. Этот период стал временем настоящей профессионализации архивного дела, когда были заложены прочные основы для создания единой государственной системы архивного образования, которая окончательно оформилась уже в XX в.

Профессионализация и стандартизация (конец XIX – начало XX в.)

На рубеже XIX–XX вв. в России происходит качественный скачок в развитии архивного образования, связанный с созданием специализированных учебных заведений. Этот период характеризуется не только структурными изменениями в подготовке кадров, но и активным включением России в международный профессиональный диалог, формированием корпоративной идентичности архивистов, а также подготовкой к созданию единой государственной системы архивного образования.

Важнейшими центрами подготовки архивистов в этот период становятся Петербургский археологический институт (1877 г.) и Московский археологический институт (1907 г.).

Петербургский археологический институт предлагал двухгодичную программу (1200 учебных часов) с углубленным изучением вспомогательных исторических дисциплин. Особое внимание уделялось специализации по видам документов (актовые, законодательные, частные), а также обязательной практике в Сенатском архиве. Выпускники института формировали так называемые *ученые архивные комиссии*, игравшие ключевую роль в развитии архивного дела.

Московский археологический институт отличался комбинированной программой, сочетавшей лекции, семинары и практикумы. Впервые в России здесь был введен курс архивного менеджмента, кроме этого, активно изучался зарубежный опыт. Важной составляющей обучения стала научно-исследовательская работа студентов. Среди методических новаций этого периода следует отметить: 1) внедрение системы практических занятий, предложенной В. С. Иконниковым; 2) разработку «школы критики» источников; 3) создание комплексных методик анализа документов; 4) издание первых специализированных учебных пособий.

Российское архивное образование активно включилось в международный профессиональный диалог. В 1910 г. российские архивисты впервые приняли участие в международном конгрессе в Брюсселе, где представили доклады о национальной системе подготовки кадров.

Важную роль играли стажировки лучших выпускников в европейских архивах, где они изучали французскую и немецкую системы классификации, адаптируя их к российским условиям. Значительный вклад в развитие образования внесла переводческая деятельность: издавались русские версии европейских руководств, комментированные переводы архивных инструкций, проводился сравнительный анализ методик.

Научное сотрудничество проявлялось в совместных проектах с европейскими архивами, обмене публикациями, в приглашении иностранных специалистов для чтения лекций.

Конец XIX – начало XX в. – период становления корпоративной идентичности архивистов. В 1905 г. был создан Союз российских архивистов, а также региональные археографические общества и специализированные секции при научных объединениях. Важным шагом стало издание профессиональной периодики: журнала «Архивное дело» (с 1903 г.); «Вестника архивоведения»; трудов археологических институтов.

Проводились съезды и конференции, среди которых особое значение имел I Всероссийский съезд архивистов (1914 г.). Также велась разработка этического кодекса, включавшего принципы профессиональной этики, нормы работы с документами и правила научной публикации источников.

Накануне революции 1917 г. началась консолидация усилий по созданию централизованной системы архивного образования. Разрабатывались концепции единого образовательного стандарта, программы многоуровневой подготовки и модели взаимодействия учебных заведений. Формировалась нормативная база, включавшая: проект «Положения об архивном образовании»; типовые учебные программы; квалификационные требования.

Особое внимание уделялось кадровой политике: подготовке преподавательского состава, системе повышения квалификации и стипендиальным программам. Одновременно решались вопросы материально-технического обеспечения: создавались учебные архивы, оснащались кабинеты вспомогательных дисциплин, формировались специализированные библиотечные фонды.

К 1917 г. российская система архивного образования представляла собой уникальный синтез академических традиций, практического опыта, международных новаций и национальной специфики. Этот богатый опыт стал основой для создания советской системы подготовки архивных кадров, сохранившей многие достижения дореволюционного периода.

Анализ эволюции образовательных моделей демонстрирует, что архивное образование формировалось под влиянием нескольких ключевых факторов:

государственных реформ, развития исторической науки, международного опыта и профессиональной самоорганизации. Исследование подтверждает, что процесс профессионализации архивного дела прошел три основных этапа:

1. XVIII – первая половина XIX в. – период зарождения системного подхода к подготовке архивистов, переход от приказного ученичества к ведомственным школам и первым элементам академического образования.

2. Вторая половина XIX в. – этап институционализации, когда архивное образование стало включаться в университетские программы, а также начали формироваться специализированные учебные заведения.

3. Конец XIX – начало XX в. – время стандартизации и международной интеграции, когда сложилась разветвленная система подготовки, включавшая археологические институты, ведомственные школы и международные стажировки.

Наиболее значимым представляется переход от практико-ориентированного ученичества к научно-методической подготовке, что отражало общую тенденцию профессионализации гуманитарных дисциплин.

Государственные реформы (особенно петровские преобразования и университетская реформа 1863 г.) сыграли ключевую роль в формировании архивного образования. Введение Генерального регламента (1720 г.) и создание первых государственных архивов заложили основы профессии архивиста как отдельной специальности.

Одновременно развитие исторической науки (в частности, вспомогательных дисциплин – дипломатики, палеографии, сфрагистики) способствовало научному осмыслению архивной работы. Введение курсов архивоведения в университетах (прежде всего благодаря усилиям Н. В. Калачова и Д. Я. Самоквасова) превратило архивное дело из ремесла в научную дисциплину.

С конца XIX в. российское архивное образование активно включается в международный профессиональный диалог. Участие в конгрессах (Брюссель, 1910 г.), стажировки в европейских архивах, переводы методических пособий – все это способствовало синтезу национальных традиций и западных новаций.

Особый интерес представляет адаптация немецкой и французской систем классификации документов, которые были переработаны с учетом российской специфики (например, в Московском археологическом институте).

К началу XX в. архивисты осознают себя как отдельную профессиональную группу. Создание Союза российских архивистов (1905 г.), проведение съездов, издание специализированных журналов («Архивное дело») свидетельствуют о корпоративной консолидации.

Таким образом, исторический опыт дореволюционной России актуален для современных дискуссий об архивном образовании, особенно в контексте: *баланса теории и практики* (как избежать перекоса в сторону абстрактного знания или, наоборот, узкого ремесленничества); *цифровизации архивов* (адаптация традиционных методик к новым технологиям); *международных стандартов* (интеграция в глобальное архивное сообщество без утраты национальной идентичности).

Исследование подтверждает, что к 1917 г. в России сложилась уникальная модель архивного образования, сочетавшая: *академические традиции* (университетские курсы); *практическую подготовку* (ведомственные школы, стажировки); *международный опыт* (адаптация зарубежных методик); *профессиональную самоорганизацию* (съезды, журналы, этические кодексы).

Этот опыт стал основой для советской системы, а многие принципы (например, сочетание лекций и практики) сохраняют актуальность и сегодня. Дальнейшие исследования могли бы углубить понимание социокультурного контекста архивного образования, включая повседневные практики обучения и биографии отдельных архивистов.

Заключение

К началу XX столетия происходит формирование уникальной национальной модели подготовки архивных кадров. Эта модель органично сочетала несколько ключевых компонентов, создавших прочный фундамент для дальнейшего развития отрасли.

Академическая составляющая системы, представленная университетскими курсами и специализированными археологическими институтами, обеспечивала глубокую теоретическую подготовку. Особое значение имело преподавание вспомогательных исторических дисциплин – дипломатики, палеографии, сфрагистики, – которые формировали научный подход к работе с документами. При этом, в отличие от западноевропейских моделей, российское образование изначально развивалось в тесной связи с практической архивной деятельностью.

Практико-ориентированный компонент системы включал не только традиционные ведомственные школы, но и новаторские формы обучения. Обязательные архивные практики, стажировки в ведущих хранилищах, создание учебных коллекций документов – все это обеспечивало плавный переход от теории к профессиональной деятельности. Особенно показателен опыт Петербургского археологического института, где уже в 1870-е гг. была разработана комплексная программа, сочетающая лекционные курсы с практическими занятиями непосредственно в архивах.

Международный опыт сыграл важнейшую роль в становлении российской системы подготовки архивных кадров, но не как слепое заимствование, а как творческая адаптация. Российские архивисты сумели взять лучшее из французской и немецкой школ, дополнив их национальными традициями документоведения. Участие в международных конгрессах, переводческая деятельность, стажировки за границей способствовали интеграции российского архивного дела в мировое профессиональное сообщество, сохраняя при этом свою идентичность.

Особого внимания заслуживает процесс профессиональной самоорганизации, достигший к 1917 г. значительных результатов. Создание Союза российских архивистов, проведение всероссийских съездов, издание специализированных журналов свидетельствовали о формировании корпоративной культуры и профессионального самосознания. Разработка этических кодексов и квалификационных требований приближала российскую систему к современным стандартам профессионализма.

Этот исторический опыт не был утрачен после 1917 г., а лег в основу советской системы архивного образования, сохранившей многие прогрессивные элементы дореволюционной школы. Особенно важен принцип сочетания фундаментальной теоретической подготовки с практической составляющей,

остающейся актуальным и в современных условиях цифровой трансформации архивного дела.

Перспективны исследования: сравнительный анализ региональных моделей подготовки архивных кадров; изучение биографий и педагогических методов выдающихся архивистов-преподавателей; анализ влияния социальных изменений (например, появления разночинцев и женщин в профессии) на развитие образовательной системы; исследование преемственности между дореволюционной и советской школами архивного образования.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией архивного дела и изменениями в профессиональных стандартах, делают обращение к историческому опыту российского архивного образования особенно актуальным. Многие принципы, выработанные в рассматриваемый период, могут быть продуктивно переосмыслены в контексте современных образовательных парадигм.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М.: Наука, 1969. 431 с. [Maksakov V. V. *History and organization of archival affairs in the USSR (1917–1945)*. Moscow: Nauka, 1969, 431. (In Russ.)]
2. Самошенко В. Н. История архивного дела в дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1989. 214 с. [Samoshenko V. N. *History of archival affairs in pre-revolutionary Russia*. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 214. (In Russ.)]
3. Шмидт С. О. Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт. *Вестник архивиста*. 1996. № 4. С. 26–30. [Shmidt S. O. Historical roots of the historian-archivist profession: National experience. *Herald of Archivist*, 1996, (4): 26–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shhyot>
4. Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1990. 71 с. [Prostovolosova L. N., Stanislavsky A. L. *History of auxiliary historical disciplines*. Moscow: MSHAI, 1990, 71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbtcyh>
5. Стрекопытов С. П., Сенин А. С. Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций. М., 2002. 230 с. [Strekopytov S. P., Senin A. S. *Department of history of state institutions and public organizations*. Moscow, 2002, 230. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puhqal>
6. Хорхордина Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы. М.: РГГУ, 2020. 449 с. [Khorkhordina T. I. *Historical and archival institute in the history of national higher education*. Moscow: RSUH, 2020, 449. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aiovez>
7. Хорхордина Т. И. История архивоведческой мысли. М.: РГГУ, 2012. 448 с. [Khorkhordina T. I. *History of archival thought*. Moscow: RSUH, 2012, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfbmbf>
8. Хорхордина Т. И., Волкова Т. С. Российские архивы: История и современность. М.: РГГУ, 2012. 415 с. [Khorkhordina T. I., Volkova T. S. *Russian archives: History and modernity*. Moscow: RSUH, 2012, 415. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdhaqn>
9. Хорхордина Т. И. Возникновение и развитие школы документоведения и делопроизводства. *Делопроизводство*. 2014. № 2. С. 20–27. [Khorkhordina T. I. *Emergence and development of the school of records management and office work*. *Deloproizvodstvo*, 2014, (2): 20–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgyfwx>

10. Хорхордина Т. И. Гуманитарный университет в Москве. М.: РГГУ, 2012. 293 с. [Khorkhordina T. I. *Humanities university in Moscow*. Moscow: RSUH, 2012, 293. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfbmal>
11. Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом...»: Воспоминания Н. А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940–1947). *Отечественные архивы*. 2003. № 4. С. 74–97. [Kovalchuk N. A. "The historical and archival institute became my home...": N. A. Kovalchuk's memoirs about student years at the institute (1940–1947). *Otechestvennye arhivy*, 2003, (4): 74–97. (In Russ.)]
12. Безбородов А. Б. Посвящено юбилею: Торжественное заседание комсомольского актива, сотрудников и преподавателей МГИАИ, посвященное 60-летию ленинского комсомола. *Советские архивы*. 1979. № 2. С. 95–96. [Bezborodov A. B. To the anniversary: Meeting of the Komsomol activists, staff, and faculty of MGIAI, dedicated to the 60th anniversary of the Lenin Komsomol. *Sovetskie arhivy*, 1979, (2): 95–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nqnwws>
13. Безбородов А. Б., Хорхордина Т. И. Историко-архивный институт: прошлое и настоящее. *Вестник архивиста*. 2001. № 3. С. 117–127. [Bezborodov A. B., Khorkhordina T. I. Historical and archival institute: Past and present. *Herald of Archivist*, 2001, (3): 117–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfbnob>
14. Вовкотруб О. В., Фионова Л. Р. Архивоведение. Пенза: ПГУ, 2005. 132 с. [Vovkotrub O. V., Fionova L. R. *Archival studies*. Penza: PSU, 2005, 132. (In Russ.)]
15. Козлов В. П. Историк и архивист: общее и особенное профессий. *Отечественные архивы*. 1997. № 6. С. 3–11. [Kozlov V. P. A historian vs. an archivist: Common and distinctive features of the professions. *Otechestvennye arhivy*, 1997, (6): 3–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgedmh>
16. Козлов В. П. Российское архивное дело. М.: Альфа-Пресс, 2009. 336 с. [Kozlov V. P. *Russian archival affairs*. Moscow: Alpha-Press, 2009, 336. (In Russ.)]
17. Козлов В. Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова. *Археографический ежегодник за 1980 год*, ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1981. С. 243–247. [Kozlov V. F. Materials of the meeting of the academic council of MGIAI dedicated to the memory of professor P. P. Smirnov. *Archaeographic yearbook, 1980*, ed. Shmidt S. O. Moscow: Nauka, 1981, 243–247. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxdjqd>
18. Мазур Л. Н. Историко-архивная специальность в Уральском федеральном университете: прошлое, настоящее, будущее. *Отечественные архивы*. 2023. № 5. С. 38–46. [Mazur L. N. Historical and archives specialty at Ural Federal University: Past, present, future. *Otechestvennye arhivy*, 2023, (5): 38–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uiinph>
19. Химина Н. И. Основные проблемы собирания документального наследия и создания ГАФ СССР в 1917–1930-е гг. *История и архивы*. 2021. № 4. С. 82–99. [Khimina N. I. The main problems of collecting the documentary heritage and creating the state archival fund of the USSR in 1917–1930s. *History and Archives*, 2021, (4): 82–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2021-4-82-99>
20. Павлова Т. Ф. Российские архивы на пути к спецхрану (1918–1938 гг.). *Отечественные архивы*. 2023. № 4. С. 3–16. [Pavlova T. F. Russian archives on the way to the special depositories (1918–1938). *Otechestvennye arhivy*, 2023, (4): 3–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsnfdh>
21. Соболев В. С., Хорхордина Т. И. Кружок архивных работников им. А. С. Лаппо-Данилевского: вклад в развитие архивоведческой мысли (к 100-летию основания). *Отечественные архивы*. 2020. № 6. С. 17–27. [Sobolev V. S., Khorkhordina T. I. A. S. Lappo-Danilevsky circle of archivists: Contribution to the development of archival thought (to the 100th anniversary of its foundation). *Otechestvennye arhivy*, 2020, (6): 17–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/agfzkv>
22. Евлопов В. Д. К истории археографической деятельности И. Л. Маяковского и М. С. Вишневского: документальный обзор. *Гуманитарный акцент*. 2023. № 2. С. 61–72. [Evplov V. D. On the history of archaeographic activity of I. L. Mayakovsky and M. S. Vishnevsky: A documentary review. *Humanitarian Accent*, 2023, (2): 61–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjbukx>
23. Евлопов В. Д. Илья Лукич Маяковский и новая архивная политика. *Смысль истории: журнал историко-философского общества*. 2022. № 4. С. 149–170. [Evplov V. D. Ilya Lukich Mayakovsky and the new archival policy. *Smysl istorii: Zhurnal istoricheskogo filosofskogo obshhestva*, 2022, (4): 149–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lagfrv>
24. Хорхордина Т. И. Отечественные архивы и мировое архивное сообщество: история сотрудничества. *Отечественные архивы*. 2020. № 5. С. 3–17. [Khorkhordina T. I. National archives and the global archival community: History of cooperation. *Otechestvennye arhivy*, 2020, (5): 3–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/czsikv>
25. Цеменкова С. И. История архивов России с древнейших времен до начала XX века. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 155 с. [Tsemenkova S. I. *History of Russian archives from ancient times to the early 20th century*. Ekaterinburg: UrFU, 2015, 155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwnvoj>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vqtaxq>

«Долой абсентеизм!», или К вопросу о пропаганде права, осуществляющей политическими партиями

Коновальчиков Ярослав Андреевич

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5632-4497

<https://orcid.org/0000-0002-1739-7126>

jarush999@mail.ru

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что до настоящего момента в конституционно-правовой науке не дан исчерпывающий ответ об эффективных средствах борьбы с абсентеизмом, а также о субъектах, которые должны их применять. Предмет исследования – феномен пропаганды права в России при реализации институтов демократии и народовластия. Цель – обосновать возложение обязанности пропаганды права с целью борьбы с абсентеизмом, популяризации активного и пассивного избирательного права на политические партии. Для этого необходимо решить следующие задачи: уяснить природу феномена пропаганды и определить ее влияние на конституционно-правовое регулирование; выявить особенности пропаганды права в России по цели, способам и субъектам; обосновать тенденцию расширения круга субъектов пропаганды права исходя из цели такой пропаганды; исследовать деятельность российских политических партий в рамках пропаганды права. Исследование проведено путем применения междисциплинарного подхода, а также с использованием метода системного анализа правовых явлений, историко-правового и формально-юридического методов. Установлено, что пропаганда имеет юридико-психологическую, то есть смешанную природу: с одной стороны, для пропаганды присуще использование психологических приемов манипуляции и технологий массовой коммуникации; с другой стороны, отдельные виды пропаганды урегулированы в законодательстве Российской Федерации, определены ее юридические критерии, наработана судебная практика. Недостатком является фрагментарный характер правового регулирования, который компенсируется правоприменительной практикой. С целью недопущения злоупотребления правом в Конституции Российской Федерации закреплены пределы пропаганды. В законодательстве обозначены субъекты пропаганды, к которым относятся органы публичной власти. Пропаганда права, осуществляемая политическими партиями, должна быть нацелена на борьбу с абсентеизмом, популяризацию активного и пассивного избирательного права. Пропаганда права ведется только некоторыми политическими партиями в ограниченных формах и не имеет системного характера. Сделан вывод о том, что обязанность пропаганды права с целью борьбы с абсентеизмом, популяризации активного и пассивного избирательного права должна быть возложена на политические партии и закреплена в Федеральном законе «О политических партиях».

Ключевые слова: пропаганда права, политические партии, популизм, абсентеизм, идеология, манипуляция, цифровизация, конституционные ценности, народовластие

Цитирование: Коновальчиков Я. А. «Долой абсентеизм!», или К вопросу о пропаганде права, осуществляющей политическими партиями. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 421–431. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-421-431>

Поступила в редакцию 20.06.2025. Принята после рецензирования 14.07.2025. Принята в печать 14.07.2025.

full article

Absenteeism Must be Eliminated!, or Political Parties and Propaganda of Voting Right

Yaroslav A. Konovalchikov

Siberian Institute of Management – branch of RANEPA, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5632-4497

<https://orcid.org/0000-0002-1739-7126>

jarush999@mail.ru

Abstract: Constitutional law science has no clear definition for legal means of combating absenteeism and their executives. This research focuses on the propaganda of voting right in Russia. Traditionally, the duty of promoting the voting right and the combat with absenteeism belonged to political parties. The author described the phenomenon of propaganda with its impact on constitutional and legal regulation, classified the law propaganda in Russia by purpose, methods, and subjects; identified the directions of propaganda expansion by purpose, and investigated the activities of Russian political parties in promoting the right to vote. The research involved the interdisciplinary approach, the method of systematic analysis of legal phenomena, and the historical-legal and formal-legal methods. Propaganda has a legal and psychological nature. On the one hand, it involves psychological manipulation and mass communication technologies; on the other hand, certain types of propaganda are regulated in the legislation of the Russian Federation, with distinct legal criteria and judicial practice. However, the legal regulation remains fragmentary, which is compensated by law enforcement practice. To prevent abuse, the Constitution of the Russian Federation establishes the limits of propaganda. Public authorities are the legal subjects of propaganda. Political parties should combat absenteeism to promote active and passive suffrage. However, only a few political parties promulgate the voting right, and this propaganda is limited and random. The author believes that the duty of promoting the voting right and combating absenteeism should be assigned to political parties and enshrined in the Federal Law on Political Parties.

Keywords: propaganda of voting right, political parties, populism, absenteeism, ideology, manipulation, digitalization, constitutional values, democracy

Citation: Konovalchikov Ya. A. *Absenteeism Must be Eliminated!, or Political Parties and Propaganda of Voting Right. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 421–431. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-421-431>

Received 20 Jun 2025. Accepted after review 14 Jul 2025. Accepted for publication 14 Jul 2025.

Введение

К решению проблемы абсентеизма конституционно-правовая наука подходит с разных сторон. Например, предлагается идти по пути признания участия в выборах конституционной обязанностью граждан или конституционным долгом [1], максимальной цифровизации избирательных действий и процедур [2; 3], формированию конституционно-правового мировоззрения современной молодежи [4]. Мы разделяем мнение о том, что абсентеизм легче предотвратить, чем потом с ним бороться. Комплексный характер абсентеизма делает необходимым применение разнообразных средств борьбы с ним.

Учитывая, что абсентеизм есть сознательное уклонение граждан от участия в политической жизни, в выборах и референдумах, должны быть выработаны особые юридические средства, включающие элементы психологического воздействия, к которым мы относим пропаганду права. Предмет исследования – феномен пропаганды права в России

при реализации институтов демократии и народовластия. Особое место в этом процессе отводится политическим партиям как наиболее заинтересованным субъектам.

Цель – обосновать возложение обязанности пропаганды права с целью борьбы с абсентеизмом, популяризации активного и пассивного избирательного права на политические партии. Поставлены следующие задачи: поскольку пропаганда позволяет сложить идеологическую базу, воспринимаемую обществом как единственно верную [5, с. 198], необходимо уяснить природу феномена пропаганды и определить ее влияние на конституционно-правовое регулирование; выявить особенности пропаганды права в России по цели, способам и субъектам; обосновать тенденцию расширения круга субъектов пропаганды права исходя из цели такой пропаганды; исследовать деятельность российских политических партий в рамках пропаганды права.

Методы и материалы

Исследование проведено путем применения междисциплинарного подхода, а также с использованием метода системного анализа правовых явлений, историко-правового и формально-юридического методов.

Результаты

Понятие пропаганды

и ее конституционно-правовые пределы

Очень многие политico-юридические концепты связывают с использованием психологических приемов манипулирования сознанием личности и технологий массовой коммуникации. Именно такое восприятие возникает при упоминании понятийного ряда *идеология – цензура – пропаганда – агитация*. По поводу агитации, которая осуществляется в период выборов, все более-менее понятно. Но возникает закономерный вопрос: в свете конституционного запрета государственной идеологии может ли существовать цензура и пропаганда, которые такую идеологию охраняют и поддерживают? Как в свое время выразился Судья Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановский: цензура есть «контроль над умами и мнениями вопреки предписаниям и запретам статьи 29 Конституции Российской Федерации»¹. Классическим субъектом цензуры (цензором) выступает государство. В свою очередь конституционный запрет цензуры выполняет функцию гарантии принципа свободы массовой информации [6]. Запрет цензуры в РФ является полным, абсолютным, непреодолимым и явным [7]. При этом запрета пропаганды в Конституции РФ не установлено. Более того, она существует и имеет правовое регулирование.

Пропаганда как явление изучается многими науками: в социологии, в истории, в психологии, и, конечно, в политологии и праве. Именно такой междисциплинарный подход помогает сформулировать целостное представление об этом явлении, выявить его основные признаки. В **социологии** полагают, что пропаганда является действенным инструментом социально-обусловленного конструирования вторичной картины мира, предлагаемой средствами массовой информации в виде готовых установок и интерпретаций [8, с. 115]. По мнению социологов, пропаганда бывает двух видов: *плуралистическая*, осуществляемая политическими партиями и характерная для демократических государств, и *государственная*, которая характерна для тоталитарных государств, осуществляемая с целью создания и поддержания положительного имиджа власти,

разъяснения обоснованности ее действия, консолидации населения вокруг единой идеи стабильного развития и процветания государств [9]. В **исторической науке** придерживаются мнения о пропаганде как неотъемлемом признаке тоталитарного государства за счет контроля над средствами массовой информации как источниками распространения информации [10]. В **политологии** отмечается роль пропаганды в обеспечении идеологии [11], при этом в современном плуралистическом обществе политическая пропаганда перестала существовать как система, но является значительной частью политических коммуникаций, поскольку существует на политическое сознание [12]. Политическая пропаганда – один из видов социально-политической коммуникации. Она направлена на поддержание или опровержение идеологических ценностей, формирование мировоззрения [13, с. 27–29], а также мобилизацию общественного мнения и политическую социализацию населения [14, с. 59]. Внимание содержанию политической пропаганды уделяет наука **психология**: «политическая пропаганда "одушевляет" безличный и формальный государственный механизм, включая национальный менталитет и установки участников в реальную политику» [15, с. 165]. Пропаганда может облекаться в форму знака, символа, знакового или символического события, формирующих образ общества и гражданина [16].

В **общей теории права** отражено традиционное понимание пропаганды как разновидности информационного взаимодействия субъектов коммуникации с элементом навязывания и воздействия на сознание, побуждающего к конкретному действию, к участию в каких-либо действиях [17, с. 2743]. При этом в **конституционном праве** отмечается особая роль пропаганды для авторитетности Конституции РФ [18], фиксируются признаки законодательной институционализации правовой пропаганды [19].

В законодательстве отсутствует нормативное определение пропаганды, однако даются указания, что может быть объектом пропаганды (здоровый образ жизни, знания, донорство крови, безопасность дорожного движения и пр.), а что нет (наркотические средства, нетрадиционные отношения, отказ от деторождения, жестокое обращение с животными и пр.). Формально-юридическое понятие пропаганды представлено в одном из решений Верховного Суда РФ как «активных публичных действий по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельности,

¹ Мнение Судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского. По делу о проверке конституционности ст. 19.1 Закона РФ «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е. Г. Финкельштейна. Постановление Конституционного Суда РФ № 4-П от 17.01.2019. СПС КонсультантПлюс.

имеющей цель побудить или побуждающей лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения»². **Конституционно-правовые пределы** осуществления пропаганды установлены в ст. 29 Конституции РФ. Не допускается пропаганда, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. «Незаконная» пропаганда, т. е. направленная на нарушение конституционных запретов, предполагает «распространение злонамеренных слухов и измышлений, подрывающих доверие и уважение, вызывающих чувство неприязни»³. Действия, совершенные с этой целью, могут выражаться в публичных выступлениях и призывах, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, в изготовлении, распространении листовок, плакатов, лозунгов, а также в организации собраний, митингов, демонстраций и активном в них участии в вышеуказанных целях⁴.

Таким образом, пропаганда имеет юридико-психологическую, т. е. смешанную природу. С одной стороны, для пропаганды присуще использование психологических приемов манипуляции и технологий массовой коммуникации. С другой стороны, отдельные виды пропаганды урегулированы в законодательстве Российской Федерации, определены ее юридические критерии, наработана судебная практика. На наш взгляд, недостатком является фрагментарный характер правового регулирования, который компенсируется правоприменительной практикой. С целью недопущения злоупотребления правом в Конституции РФ закреплены пределы пропаганды. В законодательстве обозначены субъекты пропаганды, к которым относятся органы публичной власти.

Пропаганда права: многообразие форм

Пропаганда права является одним из видов пропаганды. Ее цель заключается в формировании правосознания и правового поведения, преодолении правового нигилизма. В этом состоит отличие пропаганды

права от правового просвещения, которое предполагает ознакомление с законодательством.

В советское время в законах упоминалось о необходимости пропаганды советского права. Например, в Законе РСФСР «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» говорилось, что «адвокат должен быть образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения, обязан постоянно совершенствовать свои знания, повышать свой идеино-политический уровень и деловую квалификацию, активно участвовать в пропаганде советского права»⁵. Другой пример, Закон СССР «О прокуратуре СССР», согласно которому прокуратура СССР участвовала в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов⁶. Работники прокуратуры в рамках своей работы по правовой пропаганде читали тематические лекции, публиковали специальные материалы в печатных СМИ, выступали на радио и телевидении, выступали с докладами на сессиях местных советов депутатов трудящихся, заседаниях исполкомов, собраниях партийно-хозяйственных активов, на курсах партийно-советских работников обкома КПСС [20]. Сегодня эта традиция сотрудниками прокуратуры продолжена⁷.

По утверждению Д. В. Сорокина: «Главное в правовой пропаганде – разъяснение широким слоям трудящихся решений КПСС и Советской Конституции [21, с. 3]. «Правовое просвещение в настоящее время становится в один ряд с распространением политических и научных знаний» [Там же, с. 6]. «Важнейшим направлением правовой пропаганды в современных условиях несомненно является анализ новой Советской Конституции, ее положений, закрепляющих основные черты общества развитого социализма, советского общенародного государства» [Там же, с. 8]. Чаще всего в советский период использовались такие формы пропаганды права, как народные университеты, общественно-политические чтения, лектории, циклы лекций⁸.

Особое воздействие как на сознание, так и подсознание личности оказывают не только вербальные способы пропаганды, но и визуальные. В целях

² По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова. Постановление Конституционного Суда РФ № 24-П от 23.09.2014. СПС КонсультантПлюс.

³ О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 17 от 23.12.1988. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Там же.

⁵ Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР. Закон РСФСР от 20.11.1980 (утратил силу). Гл. IV. СПС КонсультантПлюс.

⁶ О прокуратуре СССР. Закон СССР № 1162-Х от 30.11.1979 (утратил силу). СПС КонсультантПлюс.

⁷ См.: Об организации в органах прокуратуры РФ работы по правовому просвещению и правовому информированию. Приказ Генпрокуратуры России № 471 от 02.08.2018 (ред. от 31.08.2023). СПС КонсультантПлюс.

⁸ О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды. Постановление ЦК КПСС от 27.02.1978. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446648-postanovlenie-tsk-kpss-o-sostoyanii-i-merah-uluchsheniya-lektsionnoy-propagandy-27-fevralya-1978-g> (дата обращения: 18.05.2025).

пропаганды права широко применяются плакатное искусство, монетное дело, выпуск памятных медалей, жетонов и значков.

Расцвет плакатного искусства в России пришелся на 1920–1950-е гг. Как показала практика, письменная пропаганда не всегда имела необходимый эффект ввиду высокого уровня неграмотности населения. Плакатное искусство – это вид тиражной графики, который служит для привлечения внимания к определенной информации. Его главная особенность заключается в воздействии на зрителя на короткое время и на расстоянии. Плакаты используют визуальные и текстовые элементы, чтобы донести конкретное сообщение [22]. Конституция неоднократно становилась объектом плакатного искусства с целью популяризации и разъяснения ее положений (рис. 1⁹).

В дальнейшем плакатное искусство широко применялось в целях пропаганды права. Например, в честь Конституции СССР и празднования 60-летнего юбилея образования Союза Советских Социалистических Республик в 1982 г. вышла серия открыток, разосланных в библиотеки страны (рис. 2¹⁰).

Сегодня возможно провести параллель между прошлым веком и настоящим временем в части использования наглядной пропаганды. При этом если раньше население было неграмотным и поэтому требовались иные когнитивные пути получения информации, то сегодня в цифровую эпоху приветствуется именно визуальный контент.

Принятие Конституции СССР 1977 г. послужило поводом для выпуска более двадцати видов значков (рис. 3), двух настольных медалей, одну из которых – «Конституция СССР» – изготовили в год принятия документа (рис. 4), а вторую – «Победителю социалистического соревнования в честь 1-й годовщины новой Советской Конституции» – диаметром 65 мм выпустили в 1978 г. для автозавода ЗИЛ.

В честь Конституции РФ было выпущено несколько видов монет. Так, 1998 г. в России был объявлен «Годом прав человека» и приурочен к 50-летию принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека. К этой дате изображение Конституции РФ впервые попало на монету. 10 декабря 1998 г. Московский монетный двор выпустил 3 рубля «Год прав человека в Российской Федерации». Тираж указанной монеты из серебра составил 15000 штук. Реверс включает группу людей разных возрастов и профессий на фоне очертаний географической карты России.

Его передний план занят рукописью с надписью Конституция и пером. Вдоль канта надпись: Год Прав человека в Российской Федерации (рис. 5¹¹).

Двадцатилетний юбилей Конституции Российской Федерации также вдохновил на создание монет. При этом обращает на себя внимание контрастный

Рис. 1. Пример пропаганды Конституции СССР 1925 г.
Fig. 1. Propaganda of the USSR Constitution, 1925

Рис. 2. Пример плакатного искусства, посвященный Конституции СССР
Fig. 2. Poster dedicated to the Constitution of the USSR

⁹ История пропаганды. URL: <https://propagandahistory.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁰ На рисунках 2, 3, 4, 6, 8 представлены экземпляры из личной коллекции автора.

¹¹ Банк России. URL: https://www.cbr.ru/cash_circulation/memorable_coins/coins_base>ShowCoins/?cat_num=5111-0064 (дата обращения: 18.05.2025).

Рис. 3. Значки, посвященные Конституции СССР
Fig. 3. Badges dedicated to the Constitution of the USSR

Рис. 4. Настольная медаль «Конституция СССР»
Fig. 4. Tabletop medal
Constitution of the USSR

Рис. 5. Серебряная монета 1998 г., посвященная Конституции Российской Федерации
Fig. 5. Silver coin dedicated to the Constitution of the Russian Federation, 1998

Рис. 6. Монета, посвященная 20-летию Конституции Российской Федерации
Fig. 6. Coin dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation

Рис. 7. Золотая монета, посвященная 20-летию Конституции Российской Федерации
Fig. 7. Gold coin dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation

¹² Банк России. URL: https://www.cbr.ru/cash_circulation/memorable_coins/coins_base>ShowCoins/?cat_num=5221-0025 (дата обращения: 18.05.2025).

В качестве примера зарубежной пропаганды Основного закона хотелось бы привести Северную Корею (КНДР). Монета КНДР 5 вон 2017 г. выпуска посвящена 45-летию Социалистической Конституции КНДР, принятой 27 декабря 1972 г. (заменила Конституцию КНДР 1948 г.). Конституция КНДР 1972 г. закрепила идеи чучхе и единоличную власть Ким Ир Сена. Монета выпущена в эпоху Ким Чен Ына, подчеркивая преемственность режима. На зеркальном поле ее реверса изображена книга Конституции с красной обложкой (цвет правящей Трудовой партии). Расходящиеся солнечные лучи являются аллюзией на пропагандистский лозунг «Солнце нации» (Ким Чен Ын). В отличие от юбилейных медалей, на монете нет изображений Ким Ир Сена и Ким Чен Ына, а только идеологические символы (рис. 8). Следует отметить, что монеты КНДР почти не используются в обращении. Этот выпуск – часть серии пропагандистских монет, посвященных «достижениям» режима.

В рамках пропаганды права следует выделить пропаганду конституционных ценностей, возникшую после внесения поправки в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. Эта деятельность не имеет системного характера и находится в самом начале своего развития. Однако уже сегодня есть субъекты, которые ее осуществляют в соответствии с возложенными на них полномочиями.

Рис. 8. Монета Северной Кореи, посвященная 45-летию Социалистической Конституции КНДР
Fig. 8. A coin dedicated to the 45th anniversary of the Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea

Например, Конституционный совет Республики Башкортостан осуществляет пропаганду конституционных ценностей среди населения¹³.

Отметим, что пропаганда права – один из видов пропаганды. В СССР она активно применялась в различных формах, при этом имелось смешение пропаганды права и правового просвещения. В определенной части традиции пропаганды права продолжены в России (по субъекту и по способам), однако недостаточно учитывается происходящая цифровизация, и, как следствие, не используются релевантные формы пропаганды права.

Пропаганда права при реализации институтов демократии и народовластия

При реализации институтов демократии и народовластия пропаганда права должна быть направлена на борьбу с отрицанием ценности демократических процедур и значимости выборов, т. е. с явлением абсентеизма. Поскольку к субъектам, заинтересованным в искоренении абсентеизма, относятся прежде всего политические партии, то следует говорить о необходимости расширения перечня субъектов пропаганды права.

Политические партии, согласно ст. 26 ФЗ «О политических партиях»¹⁴, имеют право свободно распространять информацию о своей деятельности, пропагандировать свои взгляды, цели и задачи. Цели и задачи политической партии закреплены в ст. 3, согласно которой «политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти, органах публичной власти федеральных территорий и органах местного самоуправления»¹⁵. Особенно значимым для политической партии является требование закона о ее обязательном участии в выборах, подкрепленное санкцией в виде ликвидации¹⁶, необходимости преодолевать заградительный барьер при применении пропорциональной или смешанной избирательной системы, иметь большинство голосов при применении мажоритарной избирательной системы для получения депутатских мандатов¹⁷.

¹³ О Конституционном совете Республики Башкортостан. Закон Республики Башкортостан № 625-з от 21.11.2022 (ред. от 06.02.2025). П. 5 ст. 4. URL: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁴ О политических партиях. ФЗ № 95-ФЗ от 11.07.2001 (ред. от 23.05.2025). СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Там же. Ст. 3.

¹⁶ Там же. Статьи 36, 37.

¹⁷ См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002. Ст. 70; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. ФЗ № 20-ФЗ от 22.02.2014. Ч. 7 ст. 88. СПС КонсультантПлюс.

В результате именно политическая партия заинтересована в высокой явке избирателей на выборы. Таким образом, пропаганда, осуществляется политическими партиями, должна быть нацелена на борьбу с абсентеизмом, популяризацию активного и пассивного избирательного права. Избирателя, понимающего ценность институтов демократии, выборов, значение политических партий в этом процессе, возможно воспитать с помощью пропаганды права. Соответственно, роль политических партий в этом деле очевидна. С этой целью ФЗ «О политических партиях» наделяет политическую партию широкими правами, включающими право учреждать издательства, информационные агентства, полиграфические предприятия, средства массовой информации и образовательные организации дополнительного образования взрослых, создавать объединения и союзы с другими политическими партиями и иными общественными объединениями, организовывать публичные мероприятия.

Основное внимание политические партии уделяют информированию о своей деятельности, что предполагает размещение сведений о текущих делах. Существует несколько аналитических порталов¹⁸, которые занимаются составлением в том числе рейтингов политических партий по их присутствию в информационном пространстве и узнаваемости среди избирателей. По данным 2024 г., самыми узнаваемыми политическими партиями являются «Единая Россия» (медиа рейтинг 98 %), КПРФ (90 %), ЛДПР (85 %), «Справедливая Россия – За правду» (75 %), «Новые люди» (65 %), «Яблоко» (55 %), «Родина» (45 %)¹⁹. Политические партии выбирают различные способы информирования о своей деятельности: сайты в сети Интернет, социальные сети и мессенджеры, чат-боты, NFT-агитацию, трансляции на RUTUBE, телевидении и радио, стримы, подкасты, мобильные приложения, партийные электронные журналы и газеты и т. п. Отметим, что информирование нацелено на членов политической партии и не преследует цели борьбы с абсентеизмом.

Несомненно, много внимания политические партии уделяют политической пропаганде. Политическая пропаганда тесно связана с идеологической платформой политических партий, которая должна быть закреплена в их программах. На основе анализа программ политических партий В. Е. Татаркин

определяет три основных идеологических течения в Российской Федерации в настоящее время [23]:

- традиционное (консервативное) (Единая Россия, Справедливая Россия – За правду);
- социалистическое (коммунистическое) (Коммунистическая партия Российской Федерации);
- либерально-демократическое (Либерально-демократическая партия России, Новые люди, Яблоко).

В юридической практике имеются случаи, когда политическая партия, осуществляя пропаганду, нарушала конституционные запреты. Так, была ликвидирована Общероссийская политическая партия «Воля». Оценив собранные по делу доказательства, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что партией неоднократно и систематически совершались действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности, как самостоятельно, так и через структурные подразделения, членов и сторонников партии.

В Свердловской области партией среди военнослужащих распространялась листовка под заголовком *Обращение к военнослужащим Российской армии*. Судебная лингвистическая экспертиза показала, что в предложенном для исследования тексте присутствуют призывы к действиям, направленным на насилиственное свержение конституционного строя России; пропаганда насилиственных действий в отношении представителей российской власти (листовка признана экстремистской решением Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 9 июля 2015 г.).

В Орловской области партией распространялось печатное издание *Приговор убивающим Россию*, признанное экстремистским решением Петропавловско-Камчатского городского суда Камчатского края от 1 апреля 2010 г.

В Тюменской области партией распространялась листовка *Выбери открыто*, признанная экстремистской решением Ялуторовского районного суда Тюменской области от 20 января 2015 г.²⁰

При этом отмечается тенденция постепенной утраты традиционными политическими партиями своих позиций. Все больше появляется политических партий, ориентирующихся на максимально широкий круг избирателей и не заявляющих о своих идеологических предпочтениях. В политической науке партии данного типа принято называть универсальными (*catch-all parties*, партии

¹⁸ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>; ФОМ. URL: <https://fom.ru/>; Левада-Центр. URL: <https://levada.ru/>; Mediascope. URL: <https://mediascope.net/>; Медиалогия. URL: <https://mlg.ru/> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁹ Данные получены 25 апреля 2025 г. с сайтов ВЦИОМ и Медиалогия, затем обработаны с помощью нейросети DeepSeek.

²⁰ Решение Верховного Суда РФ № АКПИ16-735 от 09.08.2016. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082016-n-akpi16-735/> (дата обращения: 08.05.2025).

«хватай всех», всеохватные партии) [23]. Многочисленную группу составляют популистские политические партии – «партии одного вопроса». Популизм заимствует необходимые понятия и гиперболизирует их значение, он отличается склонностью к максимальному упрощению действительности, сведению ее к простым лозунгам и клише. Популизм в эпоху перемен способен занять практически все пространство политического процесса, трансформировать партийно-политическую систему [24]. Так, к причинам, способствующим его возникновению, относятся мировые финансовые кризисы, глобализация, кризис традиционных партийных систем, размывание ценностей парламентаризма, развитие новых информационно-коммуникационных технологий [25]. Политические партии используют популистские лозунги, чтобы заручиться поддержкой избирателей. Популизм в России часто строится на обещаниях социальной справедливости, борьбе с коррупцией, защите традиционных ценностей и противостоянии внешним угрозам. Отметим, что постепенная утрата политическими партиями идеологической платформы делает их «неинтересными» как для потенциальных членов и сторонников, так и для избирателей. Соответственно, средства политической пропаганды не подходят для борьбы с абсентеизмом.

Пропаганда права в целях борьбы с абсентеизмом, как и любая другая пропаганда, должна быть постоянной и последовательной. На практике имеются отдельные примеры осуществления политическими партиями пропаганды права, но эта деятельность не носит системного характера. Например, Всероссийская политическая партия «Единая Россия» проводит мероприятия, посвященные популяризации Конституции Российской Федерации²¹. К сожалению, имеются примеры и негативного отношения к Основному закону²².

Таким образом, пропаганда права ведется только некоторыми политическими партиями в ограниченных формах и не имеет системного характера. Причины «непопулярности» пропаганды права имеют как организационный, так и юридический характер. Учитывая сказанное, полагаем необходимым возложение обязанности пропаганды права с целью борьбы с абсентеизмом,

популяризации активного и пассивного избирательного права на политические партии и ее закрепление в Федеральном законе «О политических партиях». Такой подход опирается на сущность и природу политической партии, а также отвечает потребностям времени.

Заключение

Сформулируем факторы, оказывающие влияние на пропаганду права в России при реализации институтов демократии и народовластия на современном этапе.

Во-первых, это устоявшийся в обществе односторонний подход к пропаганде как к технологии манипулирования сознанием. В ситуации запрета государственной идеологии пропаганда права может служить цели укрепления конституционных ценностей, к которым как раз относятся демократическая и правовая государственность, народный суверенитет, народовластие [26].

Во-вторых, это отсутствие комплексного и системного подхода к пропаганде права, недостаточное внимание к ее визуальным формам в условиях цифровизации общественных отношений.

В-третьих, это отсутствие специального субъекта, осуществляющего пропаганду права в целях борьбы с абсентеизмом, популяризации активного и пассивного избирательного права. Устранение обозначенных факторов лежит как в плоскости конституционно-правового регулирования, так и политических технологий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья выполнена на основе доклада автора на VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Тенденции развития юридической науки на современном этапе» (Кемерово, 16 мая 2025 г.).

Acknowledgment: This study was reported at the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference in the Current Trends in Legal Science, Kemerovo, May 16, 2025.

²¹ «Единая Россия» проведет 600 просветительских мероприятий к 30-летию Конституции. *Ведомости*. 04.10.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/04/998646-edinaya-rossiya-provedet-600-prosvetitelskih-meropriyatiy>; «Единая Россия» проинформирует граждан о поправках в Конституцию. *RG.RU*. 16.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/16/edinaya-rossiiia-proinformiruet-grazhdan-o-popravkah-v-konstituciui.html> (дата обращения: 08.05.2025).

²² О дне конституции. *КПРФ Москва*. URL: <https://msk.kprf.ru/2024/12/05/260625/> (дата обращения: 08.05.2025).

Литература / References

1. Щепачев В. А. Конституционная концепция правового государства и проблемы ее реализации в законодательстве Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 1. С. 12–16. [Schepachev V. A. The constitutional concept of a law-governed state and issues of its implementation in the laws of the Russian Federation. *Konstitucionnoe i municipalnoe parvo*, 2020, (1): 12–16 (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-1-12-16>
2. Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права. *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 5. С. 43–55. [Lopatin A. I. Digitalization of electoral actions and procedures in Russia: Legal issues. *Journal of Russian Law*, 2022, 26(5): 43–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.051>
3. Головина А. А. Трансформация современного правосознания российского избирателя в контексте цифровизации публично-властной коммуникации. *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 2. С. 28–33. [Golovina A. A. Transformation of the modern legal consciousness of Russian voters within framework of digitalization of communication with the public authorities. *Konstitucionnoe i municipalnoe parvo*, 2021, (2): 28–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-2-28-33>
4. Рыбакова О. С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодежи. *Конституционное и муниципальное право*. 2024. № 5. С. 53–59. [Rybakova O. S. On the need for the establishment of the constitutional law worldview of contemporary youth. *Konstitucionnoe i municipalnoe parvo*, 2024, (5): 53–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-5-53-59>
5. Завьялова Н. Ю. Опыт организации советской пропаганды в СССР. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2025. № 1. С. 197–202. [Zavyalova N. Yu. Experience of organizing Soviet propaganda in the USSR. *The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, (1): 197–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/usnqua>
6. Куликова С. А. Цензура и правовые ограничения свободы массовой информации. *Юридический мир*. 2012. № 10. С. 24–28. [Kulikova S. A. Censorship and legal restrictions on media freedom. *Yuridicheskij mir*, 2012, (10): 24–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pffrpr>
7. Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры: правовое содержание и развитие в российском законодательстве. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2015. Т. 23. № 4. С. 102–128. [Kulikova S. A. Constitutional prohibition of censorship: Legal essence and development in the Russian legislation. *Works on intellectual property*, 2015, 23(4): 102–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yujetn>
8. Добросклонская Е. Н. Пропаганда в системе постсоветского политического дискурса. *Социология власти*. 2008. № 1. С. 114–122. [Dobrosklonskaya E. N. Propaganda in the system of postsoviet political discourse. *Sociology of Power*, 2008, (1): 114–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/juhxzf>
9. Добросклонская Е. Н. Динамика политической пропаганды в постсоветских СМИ. *Журналистика в 2004 году: СМИ в многополярном мире: науч.-практ. конф.* (Москва, 2–5 февраля 2005 г.) М.: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. [Dobrosklonskaya E. N. The dynamics of political propaganda in the post-Soviet media. *Journalism in 2004: Media in a Multipolar World: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 2–5 Feb 2005. Moscow: Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, 2005. (In Russ.)]
10. Свечникова С. В. Тоталитаризм и пропаганда. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018. № 1. С. 39–42. [Svechnikova S. V. Totalitarianism and propaganda. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (1): 39–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpqxvr>
11. Лучкин Д. А. Пропаганда в информационной стратегии российского государства. *Теория и практика управления: новые подходы*, ред. Т. Я. Подольская, М. А. Сажина. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2004. Вып. 3. [Luchkin D. A. Propaganda in the information strategy of the Russian state. *Theory and practice of management: new approaches*, ed. Podolskaya T. Ya., Sazhina M. A. Moscow: University Humanities Lyceum, 2004, iss. 3. (In Russ.)]
12. Прокопенко Д. Ю. Опросы общественного мнения как инструмент политического маркетинга. *Реформы в России и проблемы управления: 20 Всерос. науч. конф. молодых ученых и студентов*. М., 2005. [Prokopenko D. Yu. Public opinion polls as a political marketing tool. *Reforms in Russia and governance issues: Proc. 20 All-Russian Sci. Conf. Young Scientists and Students*. Moscow, 2005. (In Russ.)]
13. Щербаль С. С. Пропаганда – способ организации политического дискурса. *Наука Кубани*. 2005. № 2. С. 27–42. [Shcherbal S. S. Propaganda is a way of organizing political discourse. *Nauka Kubani*, 2005, (2): 27–42. (In Russ.)]
14. Орлов И. Б. Сущность и механизмы пропаганды (От какого наследства мы отказываемся?). *Вопросы правоведения*. 2009. № 1. С. 57–66. [Orlov I. B. The essence and mechanisms of propaganda (The heritage we are giving up). *Voprosy pravovedeniya*, 2009, (1): 57–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxngwl>

15. Забарин А. В. Механизмы информационно-психологической защиты гражданина и общества от воздействия деструктивных идеологий. *Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе*: IV Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Новосибирск, 25–26 февраля 2025 г.) Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, 2025. С. 165–169. [Zabarin A. V. Mechanisms of information and psychological protection of citizens and society from the impact of destructive ideologies. *Current problems of countering extremism and terrorism*: Proc. IV All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Novosibirsk, 25–26 Feb 2025. Novosibirsk: Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, 2025, 165–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tuokzg>
16. Забарин А. В. Контрпропаганда как социально-психологический инструмент противодействия идеологии экстремизма и терроризма. *Научное мнение*. 2023. № 6. С. 118–122. [Zabarin A. V. Counter-propaganda as a socio-psychological tool for countering the ideology of extremism and terrorism. *The Scientific Opinion*, 2023, (6): 118–122. (In Russ.)] https://doi.org/10.25807/22224378_2023_6_118
17. Тогузаева Е. Н. Пропаганда, агитация и политическая реклама: проблемы и противоречия правового регулирования. *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 12. С. 2742–2745. [Toguzaeva E. N. Propaganda, agitation and political advertising: Problems and contradictions of legal regulation. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, (12): 2742–2745. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjkwyz>
18. Дудко И. Г. Авторитетность конституции. *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 7. С. 3–8. [Dudko I. G. Authority of the constitution. *Konstitucionnoe i municipalnoe parvo*, 2014, (7): 3–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjkvvz>
19. Комкова Г. Н., Тогузаева Е. Н. Конституционные основы институциональных изменений правовой пропаганды. *Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов*, отв. ред. С. Е. Чебуранова. Гродно: ГрГУ, 2024. С. 16–20. [Komkova G. N., Toguzaeva E. N. Constitutional foundations of institutional changes and legal propaganda. *Relevant issues of legal institutions in the context of global challenges*, ed. Cheburanov S. E. Grodno: GrSU, 2024, 16–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cowlyq>
20. Фролов В. В. Правовая пропаганда как направление деятельности органов прокуратуры СССР в годы перестройки (на примере Псковской области). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 79. С. 92–96. [Frolov V. V. Legal propaganda as a direction of activities of the USSR prosecutor's office in the years of perestroika (on the example of the Pskov region). *Tomsk State University Journal of History*, 2022, (79): 92–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/79/11>
21. Сорокин Д. В. Конституция СССР и вопросы правовой пропаганды (в помощь лектору). Л., 1980. 16 с. [Sorokin D. V. *A lecturer's guide to the Constitution of the USSR and issues of legal propaganda*. Leningrad, 1980, 16. (In Russ.)]
22. Ильясова А. С. Плакатное искусство в системе антирелигиозной пропаганды в 20–30 годах СССР. *Наука. Искусство. Культура*. 2022. № 4. С. 194–199. [Ilyasova A. S. Plakate art in the system of anti-religious propaganda in the 20–30'S of the USSR. *Science. Art. Culture*, 2022, (4): 194–199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncydap>
23. Татаркин В. Е. Идеология политических партий в условиях реформирования партийной системы современной России. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. № 4. С. 39–44. [Tatarkin V. E. The ideology of political parties in the context of the reform of the party system in modern Russia. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2014, (4): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/taqklx>
24. Слинько А. А., Криворучко А. А. Усиление популистских тенденций в условиях кризиса традиционных партийно-политических систем. *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2021. № 2. С. 64–67. [Slinko A. A., Krivoruchko A. A. Strengthening of populist tends in the conditions of the crisis of traditional party-political systems. *Vestnik VGU. Seriya: Istorija. Politologija. Sociologija*, 2021, (2): 64–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axaalr>
25. Глухова А. В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда? *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. Т. 13. № 2. С. 33–61. [Glukhova A. V. Populism in the 21st century: Today, tomorrow, always? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2021, 13(2): 33–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61>
26. Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации. *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 3. С. 11–26. [Burla V. M. "Constitutional values" as a scientific category: Problems of definition, formalization, systematization. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, 19(3): 11–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/msofyd>

Генезис нормативно-правового регулирования устойчивого развития сельских территорий

Шиндина Анна Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 2716-2596

a.v.shindina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию нормативно-правового регулированию устойчивого развития сельских территорий. Цель – провести комплексный анализ становления законодательства, регулирующего указанную сферу общественных отношений, а также обосновать необходимую трансформацию действующего правового поля с позиции единого пространственного развития и научно-технологического развития отечественного государства, экономики и общества. Ретроспективный анализ законодательства советского периода и переходного периода формирования современной России позволил аргументировать этапы нормативного закрепления устойчивого развития сельских территорий. Методологическая основа исследования представлена общеначальными методами – диалектическим, системным, методами анализа и синтеза, методами индукции и дедукции, а также специальными методами научного познания – формально-юридическим, сравнительно-правовым, системным, историко-правовым, социологическим, статистическим. В результате обоснован тезис о формировании перспективных целей совершенствования нормативного регулирования устойчивого развития сельских территорий, элементами которых могут стать: комплексный человекоцентрированный подход; повышение качества управления ресурсами; интегральная цифровая трансформация сельских территорий: органы местного самоуправления, цифровая грамотность населения, разработка самостоятельных информационных технологических ресурсов для анализа миграционных процессов *город-село*, структурированность сельского туризма; «зеленое» экономическое развитие сельских территорий с учетом социоэкологических подсистем, а также возможность применения подходов «экологизации законодательства» в построении устойчивого развития сельских территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие сельских территорий, нормативно-правовое регулирование, государственная концепция развития, интегральная цифровая трансформация, экологизация законодательства

Цитирование: Шиндина А. В. Генезис нормативно-правового регулирования устойчивого развития сельских территорий. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 432–441. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-432-441>

Поступила в редакцию 11.07.2025. Принята после рецензирования 04.08.2025. Принята в печать 04.08.2025.

full article

State Regulation of Sustainable Rural Development: Genesis

Anna V. Shindina

Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 2716-2596

a.v.shindina@yandex.ru

Abstract: The legal regulation of sustainable rural development has a long history. This comprehensive analysis of legislation regulating the public relations in rural areas views it as part of development of domestic science, technology, economy, and society. A retrospective analysis of the Soviet period and the transitional period revealed the main stages and approaches to sustainable rural development. A set of formal-legal, comparative-legal, systemic, historical-legal, sociological, and statistical methods made it possible to identify the goals for improving the regulatory framework for sustainable rural development, e.g., an integrated human-centered approach, high-quality resource management, integral digital transformation of local governments, digital literacy of rural residents, independent information technology resources for the analysis of urban-rural migration, organized rural tourism, green economy based on socio-ecological subsystems, green legislation, etc.

Keywords: sustainable development of rural areas, legal regulation, state development concept, digital transformation, green legislation

Citation: Shindina A. V. State Regulation of Sustainable Rural Development: Genesis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 432–441. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-432-441>

Received 11 Jul 2025. Accepted after review 4 Aug 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

Важность государственного и нормативно-правового регулирования, а также научного анализа устойчивого развития сельских территорий современной России в условиях построения суверенной продовольственной позиции и устройства единого пространственного развития является безусловной и абсолютной. Высокая заинтересованность отечественного государства в построении сельских территорий с позиции их устойчивого развития логична и обоснована, а также имеет определенный генезис и нуждается в проработке с учетом практики мирового сообщества [1, с. 440; 2, с. 452].

Общеизвестное закрепление понимания устойчивого развития произошло во время поведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и было обозначено как *sustainable development* – т.е. «развитие человечества, не наносящего необратимого ущерба окружающей природной среде» [3, с. 32]. Таким образом, первичное толкование исходило из развития социо-экологического-экономического развития, без акцента на выделение отдельного субъекта устойчивого развития – сельских территорий. Стоит отметить, что в зарубежной литературе интеграция термина *устойчивое развитие сельских территорий* имеет определенную дифференциацию: как *sustainable development*, т.е. устойчивое развитие с позиции экологических аспектов, или как *rural development* – развитие в аспекте комплексного становления сельской местности с учетом социального компонента [4, р. 743].

Говоря об отечественной практике, обозначим, что в современной России во исполнение решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию был принят Указ Президента РФ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»¹. Данный акт содержал в себе широкий спектр задач, направленных на развитие экономико-социальных показателей, сохранение благоприятной окружающей среды, а также природно-ресурсного потенциала. Отдельной регламентации сельских территорий в рассматриваемом документе не закреплялось.

Впервые законодательное определение *устойчивое развитие сельских территорий* было закреплено в ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (далее – ФЗ-264). Первоначальная редакция ФЗ-264 не содержала дефиниции термина *устойчивое развитие сельских территорий*, а лишь определяла механизм осуществления государственной аграрной политики с точки зрения достижения устойчивого развития сельских территорий. Законодательная фиксация дефиниции *устойчивое развитие сельских территорий* была введена только в 2024 г. (как в рассматриваемый акт, так и в ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»²) и представляет собой: «Под устойчивым развитием сельских территорий понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, рациональное использование и охрана земель, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, обеспечиваемые в том числе в результате осуществления видов деятельности, не связанных с сельскохозяйственным производством, включая деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма»³. Подобное закрепление законодателем, во-первых, свидетельствует о применении комплексного подхода в понимании *устойчивое развитие сельских территорий* с позиции экологических, экономических и социальных аспектов. Во-вторых, применение закрытого перечня элементов, входящих в понимание устойчивого развития сельских территорий, делает более сложным процесс позитивной трансформации такого развития с позиции современного единого пространственного развития отечественного государства, экономики и общества, а также таких перспективных направлений развития общества и государства, как интегральная цифровая трансформация и экологизация законодательства.

Определенной сложностью в проведении исследования является тот факт, что в настоящее время отсутствует «единое понимания того, что собой представляют сельские территории» [5, с. 276], кроме того,

¹ О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию. Указ Президента РФ № 440 от 01.04.1996. СПС КонсультантПлюс.

² О внесении изменений в ст. 19 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и ФЗ «О развитии сельского хозяйства». ФЗ № 160-ФЗ от 22.06.2024. СПС КонсультантПлюс.

³ О развитии сельского хозяйства. ФЗ № 264-ФЗ от 29.12.2006 (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). Ст. 4.1. СПС КонсультантПлюс.

некоторые ученые отождествляют понятия *развитие сельских территорий* и *развитие сельского хозяйства* [6, с. 23]. В вопросе понимания термина *сельские территории* мы солидарны с подходом В. И. Меньщиковой, М. А. Аксеновой и А. С. Никулиной: «Понятие "сельские территории" традиционно определяется как обитаемая местность вне крупных городов с ее природными условиями и ресурсами, сельским населением и овеществленными плодами предшествующего труда людей. Термин "сельский", следовательно, имеет территориальный акцент вне зависимости от способов землепользования, степени экономического развития и преобладания какого-либо экономического сектора» [7, с. 119].

Методы и материалы

Работа основана на анализе источников российского права, документов государственного стратегического планирования, практических материалов российского и зарубежного права, посвященных реализации устойчивого развития сельских территорий.

Методологической основой выступают обще-научные (диалектический, анализ, синтез) и частно-научные (формально-юридический, функциональный) методы, применяемые в юридической науке. Выводы основаны на признанных результатах научных исследований в области понимания устойчивого развития сельских территорий и правовых явлений, связанных с его формированием, реализацией и развитием.

Результаты

Проводимый анализ был бы не полным без исследования периода СССР, ведь согласно поправкам Конституции Российской Федерации 2020 г. была введена ст. 67.1, закрепляющая следующее положение: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР»⁴. Прямого нормативного закрепления термина *устойчивое развитие сельских территорий* в советский период не встречается, но одним из направлений, применимых к настоящему анализу, является политика⁵, «направленная на борьбу с миграцией из села в город путем совмещения методов по ликвидации "неперспективных деревень"» [8, с. 118]. Одним из способов таковой работы стали идеи разделения поселений на перспективные (в которых планировалось активное строительство

и их развитие), а также неперспективные (их жизнедеятельность сохранялась на краткосрочный период с последующим переселением жителей в так называемые «перспективные» поселки). Главной идеей таковой работы являлась ликвидация неоднородности развития сельской местности, развитие территорий Нечерноземья. В этот же период были предприняты «попытки создания агрогородов путем укрупнения колхозов и совхозов» [9, с. 157]. Стоит отметить, что указанная работа не только не принесла ожидаемых результатов, но и осознанно создавала негативные условия, в результате которых так называемые «неперспективные» поселки были погружены в «рукотворную» неблагоприятную среду их жизнедеятельности, что привело к сокращению общего числа населенных пунктов (на примере Нечерноземья за 1970-е гг. этот показатель численности населенных пунктов на сельских территориях упал на 17 %) [10].

В период РСФСР была предпринята попытка развития сельских территорий в аспекте социального развития. Одним из правовых инструментов стал Закон РСФСР «О социальном развитии села»⁶. Важность данной работы актуальна в комплексном понимании устойчивого развития сельских территорий, т.к. «устойчивость развития любой территории характеризуется, прежде всего, стабильностью и развитием человеческого капитала» [11, с. 3542]. Схожей точки зрения придерживается Н. П. Советова: Сельские территории – это платформа не только сферы производства, но и социальной сферы, достаточной для долговременного устойчивого функционирования, обеспечения конкурентных преимуществ для сельских жителей [12, с. 109]. Кроме того, первым элементом действующего законодательного понимания термина *устойчивое развитие сельских территорий* является закрепление такого элемента, как *стабильное социально-экономическое развитие*. Таким образом, можно утверждать, что первое нормативное фиксирование одного из элементов, составляющих понимание устойчивого развития сельских территорий, произошло в Законе РСФСР «О социальном развитии села».

В советский период и в период существования РСФСР на законодательном уровне были предприняты попытки нормативного регулирования «развития сельских территорий» как с позиции регулирования миграционных процессов, так и с позиции реализации социальной политики государства.

⁴ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Во исполнение указанных амбиций были принятые такие акты, как Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета министров СССР от 12.09.1968 «Об упорядочении строительства на селе», Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах к дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной полосы РСФСР» от 20.03.1974.

⁶ О социальном развитии села (утратил силу с 01.01.2005 в связи с принятием ФЗ № 122-ФЗ от 22.08.2004). Закон РСФСР № 438-1 от 21.12.1990. СПС КонсультантПлюс.

Оба подхода важны для построения современного устойчивого развития сельских территорий современной России. Так, работа, направленная на совершенствование механизмов миграционной политики *город-село*, лежит в основе пространственной дифференциации сельских территорий и коррелируется с реализуемой Стратегией пространственного развития⁷. Относительно социального вектора, стоит отметить, что в решении данного вопроса мы понимаем примат построения отечественного государства как социального, исходя из реализации конституционного принципа социального государства, но вместе с тем считаем, что высокое социальное развитие сельских территорий выступает следствием его устойчивого развития, а не началом в конструкции устойчивого развития сельских территорий. Схожей позиции придерживаются В. Г. Закшевский, И. Н. Меренкова, И. И. Новикова, Е. А. Пархомов, которые отмечают, что выдвижение на первый план воспроизводства социальной жизни не соответствует содержательной стороне устойчивого развития – как целенаправленного процесса перехода сельского общества на новый качественный уровень, обеспечивающий экономически и экологически обоснованное, социально ориентированное расширенное воспроизводство, повышение уровня и улучшение качества жизни сельского населения на основе финансовой и инвестиционной стратегий, а также с учетом природо-ресурсного потенциала сельской территории [13, с. 685–686].

В настоящее время практика построения нормативного регулирования государственных процессов, связанных с устойчивым развитием сельских территорий, имеет в своем ядре [14, с. 19] как базовый ФЗ-264, так и «ориентируется» на стратегированный концептуальный подход, выражющийся в принятии таких важнейших правовых актов,

как *стратегия, концепция, доктрина, национальная программа, национальный проект* [15, с. 160]. Например, приоритетный национальный проект «Развитие АПК» трансформировался в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия⁸. В настоящее время действуют Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.⁹, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.¹⁰ и иные. Указанное акты стратегированного планирования логичны и обоснованы в рамках исполнения положений ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹¹ и Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»¹². Однако до настоящего времени среди ученых государствоведов и правоприменителей нет единства мнений о соотношении и предметной определенности перечисленных правовых актов [16, с. 8].

Исходя из положений п. «д» ст. 72 Конституции РФ, «природопользование; сельское хозяйство; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры»¹³ находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, во исполнение указанной компетенции в ряде субъектов была проведена работа, направленная на регулирование устойчивого развития сельских территорий с учетом региональной специфики. Например, в таких субъектах, как Забайкальский край¹⁴, Волгоградская область¹⁵, Орловская область¹⁶, Архангельская область¹⁷, были приняты Государственные программы

⁷ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ № 4146-р от 28.12.2024. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса». URL: <https://yanao.ru/deyatelnost/promyshlennost-i-khozyaystvo/agropromyshlennost/natsionalnyy-proekt-razvitiye-apk/> (дата обращения: 02.06.2025).

⁹ Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 151-р от 02.02.2015 (ред. от 13.01.2017). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ...

¹¹ О стратегическом планировании в РФ. ФЗ № 172-ФЗ от 28.06.2014 (ред. от 13.07.2024). СПС КонсультантПлюс.

¹² Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ. Указ Президента РФ № 633 от 08.11.2021. СПС КонсультантПлюс.

¹³ Конституция РФ...

¹⁴ О принятии Государственной программы Забайкальского края «Устойчивое развитие сельских территорий». Постановление правительства Забайкальского края № 480 от 30.10.2013. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460214008> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁵ Об утверждении Государственной программы Волгоградской области «Устойчивое развитие сельских территорий». Постановление правительства Волгоградской области № 681-п от 23.11.2013. ИПП Гарант.

¹⁶ О принятии Государственной программы Орловской области «Устойчивое развитие сельских территорий». Постановление правительства Орловской области № 441 от 04.12.2013. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700201907040007> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁷ О принятии Государственной программы Архангельской области «Устойчивое развитие сельских территорий». Постановление правительства Архангельской области № 431-пп от 08.10.2013. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2900201905230004> (дата обращения: 04.05.2025).

«Устойчивое развитие сельских территорий» для каждого конкретно субъекта. Считаем указанную практику обоснованной и логичной, ведь предположить, что в одной программе можно учесть весь спектр особенностей развития сельских территорий всей Российской Федерации, затруднительно [17, с. 44].

Более того, как научное сообщество, так и государственное управление понимают сельские территории как сферу обеспечения продовольственной безопасности современной России [18, с. 142], поэтому логично отнести к механизму правового регулирования и стратегии, направленные на регламентацию и становление продовольственной безопасности¹⁸, национальной безопасности¹⁹ и экономической безопасности²⁰. Подобная объемная регламентация, с одной стороны, обусловлена ввиду широты предмета такового регулирования, с другой – несет определенную сложность в понимании правового регулирования сельских территорий с позиции их устойчивого развития.

Промежуточный анализ, направленный на обобщение этапов становления устойчивого развития сельских территорий, позволяет резюмировать, что генезису нормативно-правового регулирования современной дефиниции *устойчивое развитие сельских территорий* присущ путь от отраслевого эпизодического нормативного закрепления до широкого нормативного понимания с позиции комплексного стратегированного подхода, выходящего за пределы сельскохозяйственного производства. В общем виде этапы развития могут быть представлены как:

- эпизодическое нормативное регулирование (Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета министров СССР от 12 сентября 1968 г. «Об упорядочении строительства на селе», Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах к дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной полосы РСФСР» от 20 марта 1974 г. и Законе РСФСР «О социальном развитии села»);
- регулирование поддержки сельскохозяйственного производства (первоначальная редакция ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и ФЗ «О развитии сельского хозяйства»);
- разработка и реализация федеральных и региональных программ по комплексному регулированию устойчивого развития сельских территорий (переход к устойчивому развитию) (закрепление в ФЗ № 264-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства»)

возможности разработки и реализации государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия стало действенным импульсом в развитии субъектов Российской Федерации с точки зрения имплементации в их работу подобного рода программ);

- совершенствование действующего законодательства (современное развитие, требующее расширение реализации устойчивого развития сельских территорий с позиции пространственного развития, человекоцентрированного подхода, интегральной цифровой трансформации и экологизации законодательства).

Обсуждение

А. А. Афанасьев, высказывающий опасения по существующему массиву правового регулирования устойчивого развития сельских территорий, отмечает, что «для достижения цели развития сельской территории нужен более четкий алгоритм действия правовой системы Российской Федерации в целом, своеобразная нормативно-правовая матрица» [19, с. 39], и озвучивает в качестве предложения, направленного на нивелирование указанной сложности, принятие «правовой доктрины устойчивого комплексного развития сельских поселений Российской Федерации в составе следующих элементов (блоков): 1) концепция правовой доктрины устойчивого комплексного развития сельских поселений Российской Федерации; 2) сельская жизнь как предмет правового регулирования устойчивого развития сельских поселений Российской Федерации; 3) государственное регулирование сельской жизни в Российской Федерации; 4) муниципально-правовое регулирование сельской жизни в Российской Федерации; 5) основные направления совершенствования правового регулирования устойчивого комплексного развития сельских поселений Российской Федерации в современных условиях» [Там же, с. 40].

Отмечая высокую степень проработки вопроса автором, все же не можем с ним полностью согласиться из-за диапазона предполагаемого нормативного регулирования, их логичного перманентного изменения, а также сложности понимания для простого гражданина. Кроме того, беря во внимание происходящие трансформационные процессы, особого изучения заслуживает позиция Т. Я. Хабриевой, обозначенная в отношении цифровой трансформации

¹⁸ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ. Указ Президента РФ № 20 от 21.01.2020 (ред. от 10.03.2025). СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ О Стратегии национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. СПС КонсультантПлюс.

²⁰ О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017. СПС КонсультантПлюс.

государственного управления, но применимая к настоящему исследованию ввиду многообразия регуляторной функции: «Для того чтобы адекватно отражать динамику развития современной правовой сферы, правовые регуляторы должны быть чрезвычайно гибкими. Стремление государства при помощи законодательных актов регулировать едва ли не весь спектр отношений, связанных с цифровизацией, лишает соответствующий правовой массив этой гибкости» [20, с. 8].

Одним из перспективных направлений правовой трансформации устойчивого развития сельских территорий выступает поиск путей логичной и обоснованной интеграции моделей правового регулирования устойчивого («зеленого») развития сельского хозяйства в элементы, выступающие основой устойчивого развития сельских территорий. Исходя из законодательной дефиниции, к элементам можно отнести: «стабильное социально-экономическое развитие; увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции; повышение эффективности сельского хозяйства; рациональное использование и охрана земель; достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, оказание услуг в сфере сельского туризма»²¹. С точки зрения научных подходов указанный вопрос имеет несколько позиций. Например, по мнению В. И. Меньщиковой и М. А. Аксеновой, устойчивое развитие сельских территорий выражено в способности региона к стабильному функционированию и самосовершенствованию [21, с. 104].

Одним из самых смелых в понимании элементов устойчивого развития сельских территорий является подход Т. А. Афанасьевой, которая в качестве основополагающих элементов обозначает связь с городом, сервисность для производимой продукции, а также экспериментарный подход. Автор приводит позитивную практику Китая, согласно которой «на первоначальном этапе реформы проводились только в Гуанчжоу, которые предполагались для всей страны» [22]. В понимании элементов устойчивого развития сельских территорий мы придерживаемся позиции законодателя, но считаем необходимым проведение трансформационных процессов, направленных на включение цифровой трансформации и экологизации в действующую дефиницию устойчивого развития сельских территорий.

В качестве предложения нормативно-правовой трансформации действующего законодательного понимания устойчивого развития сельских территорий предлагаем следующее его закрепление в федеральных законах «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и «О развитии сельского хозяйства»: *под устойчивым развитием сельских территорий понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, рациональное использование и охрана земель, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, обеспечиваемые в том числе в результате осуществления видов деятельности, не связанных с сельскохозяйственным производством, включая деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма, «зеленое» экономическое развитие сельских территорий с учетом социо-экологических подсистем, цифровое обеспечение муниципального управления и жизнедеятельности населения, а также иное развитие в соответствии с пространственным и научно-технологическим развитием.*

Векторной точкой указанного направления является позиция Президента РФ В. В. Путина, озвученная в рамках ежегодного послания Совету Федерации Федерального собрания Российской Федерации в 2019 г., согласно которой «наше естественное преимущество – это огромные природные возможности, их нужно использовать для наращивания производства именно экологически чистой продукции»²². Так, в настоящее время и в Стратегии национальной безопасности²³, и в Доктрине продовольственной безопасности²⁴ содержатся положения о «развитии производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, соответствующих экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным требованиям». Правительство РФ 14 июля 2021 г. определило несколько направлений устойчивого (в том числе и «зеленого») экономического развития²⁵. Понимая, что сельские территории являются ядром реализации экономического развития Российской Федерации [23, с. 178], нельзя не отметить существующую разрозненность положений документов стратегического планирования в отношении устойчивого развития сельских территорий и устойчивого «зеленого» экономического развития [24, с. 212].

²¹ О внесении изменений в ст. 19...

²² Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://duma.gov.ru/news/29857/> (дата обращения: 04.05.2025).

²³ О Стратегии национальной безопасности РФ...

²⁴ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ...

²⁵ Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ. Распоряжение Правительства РФ № 1912-р от 14.07.2021. СПС КонсультантПлюс.

Одним из сложных векторов возможной правой трансформации является изменение составляющих устойчивого развития сельских территорий с учетом цифрового компонента и человекоцентрированного подхода. В качестве примера отсутствия человекоцентрированного подхода приведем анализ комплексных программных документов, направленных на регламентацию и развитие вопросов цифровой трансформации сельских территорий. К таковым мы отнесли: ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»²⁶, Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»²⁷, Стратегия цифровой трансформации сельского хозяйства – «Моя цифровая ферма» или «Привет, Ферма!»²⁸, Федеральный проект «Устранение цифрового неравенства»²⁹. Проведенный лексический анализ актов стратегического планирования, которые так или иначе распространяются на деятельность органов местного самоуправления на сельских территориях, показал, что они не только не содержат отдельных подходов, направленных на цифровизацию муниципальных образований на сельских территориях, но и что указанные документы ориентированы на развитие сельских территорий как площадки для развития сельского хозяйства и не закрепляют подходы интеграции сельских поселений в современную цифровую политику с позиции «человека». Такой поход не может быть позитивным и перспективным, т. к. ориентироваться на итог для производства без обеспечения высококвалифицированного ресурса весьма обманчиво. В качестве примера отсутствия человекоцентрированного подхода приведем терминологию из дорожной карты ведомственного проекта Министерства сельского хозяйства Российской Федерации «Цифровое сельское хозяйство»: «Умная ферма», «Умное поле», «Умное стадо», «Умная теплица», «Умная переработка», «Умный склад», «Умный агроофис». Каких-либо контуров, направленных на привлечение и становление специалистов с высокими цифровыми компетенциями, для сельских территорий мы, к сожалению, не смогли встретить.

Указанная позиция государственно регулирования не ясна, т. к. грамотная цифровая трансформация сельских территорий дополнительно может позитивным образом отразиться и на таких важных для современного отечественного государства направлениях, как демографический потенциал³⁰, экономический потенциал развития производственной независимости, духовно-нравственный потенциал, экологический потенциал, развитие уникального культурного кода и пр.

Заключение

Сложностью реализации указанных предложений выступает тот факт, что законодательно закрепленная дефиниция *устойчивое развитие сельских территорий* в ст. 4.1 ФЗ-264 содержит закрытый перечень элементов и не включает указаний на развитие человекоцентрированного подхода, цифровизации и «зеленого» сельского хозяйства. В качестве предложения для изучений возможных моделей правовой трансформации устойчивого развития сельского хозяйства [25, с. 30] стоит обратить внимание на понимание Н. М. Заславской изменения государственного экологического контроля с учетом развития цифрового общества: «Переход ко всему новому объективно требует больше внимания... Субъективный момент заключается в необходимости принятия изменений, адаптации к технологическому цифровому подходу» [26, с. 31].

Касательно экологической составляющей устойчивого развития сельских территорий [27, с. 85–86], то особое значение стоит уделить пониманию экологизации как процессу достижения устойчивого развития, обозначенного Е. Н. Абаниной: «Достижение указанных целей возможно посредством применения специальных мер, которые в совокупности составляют процесс экологизации» [28, с. 202]. Подчеркнем, что отмечается отсутствие единого понимания процесса экологизации. Однако в современной науке все больше внимания обращено к трансформации имеющегося законодательства с точки зрения «экологизации законодательства» как одного из способов достижения устойчивого развития [29, с. 214].

²⁶ О создании национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство». Приказ Министерства сельского хозяйства РФ № 84 от 25.02.2020. ИПП Гарант.

²⁷ Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий». Утверждена постановлением Правительства № 696 от 31.05.2019. URL: <http://government.ru/tugovclassifier/878/events/> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁸ «Стратегия цифровой трансформации сельского хозяйства – «Моя цифровая ферма» или «Привет, Ферма!» (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол № 20 от 25.06.2021)). URL: <https://kprim.ru/privet-ferma-pravitelstvo-utverdilo-strategiyu-cifrovoj-transformacii-selskogo-hozyajstva/> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁹ Федеральный проект «Устранение цифрового неравенства». СПС КонсультантПлюс.

³⁰ Исследование РСХБ показало, что индекс рождаемости в российских селах выше, чем в городах в пяти из восьми федеральных округов. РСХБ: сельское население – ключ к решению демографического вопроса в стране. РСХБ. 23.08.2024. URL: <https://www.rshb.ru/news/23082024-000001> (дата обращения: 04.05.2025).

В настоящее время на государственном уровне проделана большая работа, направленная на развитие законодательства, регулирующего построение устойчивого развития сельских территорий, заметна активная государственная заинтересованность. Однако необходимо указать, что вопросы развития сельских территорий требуют трансформации действующего нормативно-правового регулирования устойчивого развития сельских территорий с учетом современного развития государства, экономики и общества.

Совершенствование имеющейся нормативной базы может быть осуществлено по следующим направлениям: комплексный человекоцентрированный подход; повышение качества управления ресурсами; интегральная цифровая трансформация сельских территорий: органы местного самоуправления, цифровая грамотность населения, разработка самостоятельных информационных технологических ресурсов для анализа

миграционных процессов *город-село*, структурированность сельского туризма; «зеленое» экономическое развитие сельских территорий с учетом социоэкологических подсистем, а также возможность применения подходов «экологизации законодательства». Предложенное выше изменение понимания устойчивого развития сельских территорий наиболее емко отражает современное развитие отечественного государства и позволяет интегрировать в его элементы компоненты, заложенные в основу единого пространственного и научно-технологического развития.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Барышникова Н. А. Категория «продовольственный суверенитет» в исследованиях российских и зарубежных ученых: сравнительный анализ концепций и подходов. *Продовольственная политика и безопасность*. 2024. Т. 11. № 3. С. 439–456. [Baryshnikova N. A. Food sovereignty in the research of Russian and foreign scientists: A comparative analysis of concepts and approaches. *Food Policy and Security*, 2024, 11(3): 439–456. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ppib.11.3.121653>
2. Гаврилюк М. Н., Ильичев К. С., Орлов С. В., Попов В. А., Цыпкин Ю. А. Пространственное развитие сельских территорий. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2023. № 5. С. 449–453. [Gavrilyuk M. N., Ilyichev K. S., Orlov S. V., Popov V. A., Tsypkin Yu. A. Spatial development of rural areas. *International Agricultural Journal*, 2023, (5): 449–453. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_5_449
3. Минина Е. Л. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий. *Журнал российского права*. 2009. № 12. С. 31–37. [Minina E. L. Legal regulation of sustainable development of rural territories. *Journal of Russian Law*, 2009, (12): 31–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxzueh>
4. 贺艳华, 邬建国, 周国华, 周兵兵. 论乡村可持续性与乡村可持续性科学. 地理学报, 2020, 75(4): 736–752. [He Y., Wu J., Zhou G., Zhou B. Discussion on rural sustainability and rural sustainability science. *Acta Geographica Sinica*, 2020, 75(4): 736–752. (In Chin.)] <https://doi.org/10.11821/dlxb202004006>
5. Вострецова Т. В. Типология сельских территорий: методика и возможности применения. *Никоновские чтения*. 2010. № 15. С. 275–277. [Vostretsova T. V. Typology of rural areas: Methodology and application possibilities. *Nikonovskie chtenija*, 2010, (15): 275–277. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocspesr>
6. Панкова К. И. Сельское хозяйство, село, сельская территория (размышления над концепцией и некоторыми связанными с ней вопросами). Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 9. С. 21–24. [Pankova K. I. Agriculture, countryside, rural area (meditations over the conception and several coupled issues). *Economy of agricultural and processing enterprises*, 2012, (9): 21–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pddvjn>
7. Меньщикова В. И., Аксенова М. А., Никулина А. С. Экономика региона: аспекты устойчивого развития. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. 143 с. [Menshchikova V. I., Aksanova M. A., Nikulina A. S. *Regional economy: Aspects of sustainable development*. Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2008, 143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzuylg>
8. Заславская Т. И. Проблемы зональной дифференциации целевых программ развития села. *Советская социология*, ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 117–128. [Zaslavskaya T. I. Problems of zonal differentiation of target programs for rural development. *Soviet sociology*, eds. Ryabushkin T. V., Osipov G. V. Moscow: Nauka, 1982, vol. 1, 117–128. (In Russ.)]

9. Судьбы российского крестьянства, ред. Н. С. Иванов, Е. Б. Никитаева, Л. М. Тимофеев и др. М.: РГГУ, 1996. 624 с. [*The fate of the Russian peasantry*, eds. Ivanov N. S., Nikitaeva E. B., Timofeev L. M. et al. Moscow: RSUH, 1996, 624. (In Russ.)]
10. Денисова Л. Н. Российская нечерноземная деревня 1960–1980-х годов (по материалам российско-британского социологического обследования). *Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории, науч.* ред. М. А. Безнин. Вологда: Легия, 2002. Вып. 3. С. 10–43. [Denisova L. N. Russian non-black earth village in the 1960–1980s (based on materials from a Russian-British sociological survey). *Northern village in the 20th century: Current problems of history*, ed. Beznin M. A. Vologda: Legiia, 2002, iss. 3, 10–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtwpvb>
11. Олесиук О. С., Руденко М. Н. Современные подходы к управлению внегородскими (сельскими) территориями. *Экономика, предпринимательство и право*. 2023. Т. 13. № 9. С. 3541–3554. [Olesiyuk O. S., Rudenko M. N. Modern approaches to managing rural areas. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2023, 13(9): 3541–3554. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.13.9.118987>
12. Советова Н. П. Цифровизация сельских территорий: от теории к практике. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 2. С. 105–124. [Sovetova N. P. Rural territories' digitalization: From theory to practice. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2021, 14(2): 105–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.7>
13. Закшевский В. Г., Меренкова И. Н., Новикова И. И., Пархомов Е. А. Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации. *Экономика региона*. 2023. Т. 19. № 3. С. 683–696. [Zakshevsky V. G., Merenkova I. N., Novikova I. I., Parkhomov E. A. Sustainable rural development: A new perspective on the assessment in the context of spatial localization. *Economy of Regions*, 2023, 19(3): 683–696. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-6>
14. Хабриева Т. Я. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций. *Государственная служба*. 2019. Т. 21. № 1. С. 17–25. [Khabrieva T. Ya. Constitutional development in the context of modern challenges and global social transformations. *Gosudarstvennaja sluzhba*, 2019, 21(1): 17–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-17-25>
15. Липчанская М. А., Шиндина А. В. Концепция развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8. № 2. С. 159–166. [Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Concept of local government development during digital management transformation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 159–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-159-166>
16. Григорьева В. А. Стратегическое экономическое планирование государства: конституционно-правовой аспект. *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 8. С. 6–16. [Grigorieva V. A. Strategic economic planning of the state: Constitutional and legal aspect. *Actual problems of Russian law*, 2013, (8): 6–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qznbzt>
17. Макар С. В. Устойчивое пространственное развитие: критерии и индикаторы. *Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии*: Междунар. науч. конф. (Барнаул, 12–19 сентября 2018 г.) Барнаул: АлтГУ, 2018. Т. 2. С. 43–46. [Makar S. V. Sustainable spatial development: Criteria and indicators. *Modern trends in spatial development and priorities of human geography*: Proc. Intern. Sci. Conf., Barnaul, 12–19 Sep 2018. Barnaul: ASU, 2018, vol. 2, 43–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmjxqa>
18. Устюкова В. В. Устойчивое развитие и продовольственная безопасность. *Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 мая 2018 г.) М.: МосГУ, 2018. С. 141–147. [Ustyukova V. V. Sustainable development and food security. *Sustainable development strategy: Environmental rights and other components*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 16 May 2018. Moscow: MosUH, 2018, 141–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vafuik>
19. Афанасьев А. А. Концепция правовой доктрины устойчивого комплексного развития сельских поселений Российской Федерации. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2021. № 4. С. 36–41. [Afanashev A. A. The concept of the legal doctrine of sustainable complex development of rural settlements of the Russian Federation. *State power and local self-government*, 2021, (4): 36–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2021-4-36-41>
20. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018. № 9. С. 5–16. [Khabrieva T. Ya. Law facing the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*, 2018, (9): 5–16. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1

21. Меньщикова В. И., Аксенова М. А. Формирование поляризованного пространства как одно из направлений государственного регулирования территориального развития. *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 1. С. 103–106. [Menshchikova V. I., Aksanova M. A. Formation of the polarized space as one of the directions of state regulation of territorial development. *Socio-economic phenomena and processes*, 2012, (1): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcdnht>
22. Афанасьева Т. А. Методика устойчивого развития сельских территорий региона. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 3. [Afanasieva T. A. Methodology for sustainable development of rural areas of the region. *Moscow Economic Journal*, 2022, 7(3). (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_154
23. Воронина Н. П. Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 7. С. 177–186. [Voronina N. P. Sustainable ("green") development of agriculture in the context of climate change: Legal experience of Russia and India. *Actual problems of Russian law*, 2022, 17(7): 177–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.177-186>
24. Пархомов Е. А. Пространственная локализация сельских территорий: теоретико-методические аспекты оценки. *Инновации в АПК: проблемы и перспективы*. 2021. № 2. С. 209–216. [Parkhomov E. A. Spatial localization of rural territories: Theoretical and methodological aspects of evaluation. *Innovations in the agro-industrial complex: Problems and prospects*, 2021, (2): 209–216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbczsa>
25. Дусаева Е. М. Рыболовство в Арктике: угрозы, вызовы, перспективы. *Russian Journal of Management*. 2024. Т. 12. № 2. С. 29–46. [Dusaeva E. M. Fishing in the arctic: Threats, challenges, prospects. *Russian Journal of Management*, 2024, 12(2): 29–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2024-12-2-29-46>
26. Заславская Н. М. Экологический контроль как гарантия эффективности государственного экологического управления в цифровом обществе (на примере государственного экологического контроля (надзора) за обращением с промышленными отходами). *Правовое государство: теория и практика*. 2023. № 2. С. 30–37. [Zaslavskaya N. M. Environmental control as a guarantee of the effectiveness of state environmental administration in the digital society (based on the example of state environmental control (supervision) over industrial waste management). *The Rule of Law State: Theory and practice*, 2023, (2): 30–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.2.4>
27. Джуха В. М., Кузьминов А. Н., Погосян Р. Р. Проблемы и основные факторы устойчивого развития сельских территорий. *Учет и статистика*. 2019. № 3. С. 84–91. [Dzhukha V. M., Kuzminov A. N., Pogosyan R. R. Problems and main factors of sustainable development of rural territories. *Accounting and statistics*, 2019, (3): 84–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/anfixx>
28. Абанина Е. Н. Экологизация как процесс достижения устойчивого развития. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 3. С. 201–207. [Abanina E. N. Greening as a process of achieving sustainable development. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2018, (3): 201–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xunszv>
29. Бринчук М. М. Проблемы экологизации законодательства. *Права человека и современное государственно-правовое развитие*, ред. А. Г. Лисицын-Светланов. М.: Институт государства и права РАН, 2007. С. 202–219. [Brinchuk M. M. Problems of green legislation. *Human rights and modern state and legal development*, ed. Lisitsyn-Svetlanov A. G. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 2007, 202–219. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wzchrt>

История становления системы народных прокуратур железных дорог КНР

Гавриленко Артем Александрович

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 2791-2299

<https://orcid.org/0009-0002-6210-3155>

616661@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема становления и развития системы народных прокуратур железных дорог КНР. Цель – провести анализ истории учреждения развития народных прокуратур железных дорог (транспортных прокуратур) в КНР в период 1949–1987 гг. Актуальность темы обусловлена отсутствием исследований на данную тематику в юридической литературе, а также тем, что этот институт был создан при непосредственном восприятии опыта его организации в СССР. Специализированные прокуратуры КНР для надзора за транспортной сферой были учреждены в 1953 г. в целях обеспечения соблюдения законности на транспорте и привлечения нарушителей к ответственности. Народные прокуратуры железных дорог были призваны обеспечить реализацию первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР, процесс индустриализации, в котором транспорту отводилась значительная роль. Их последующее упразднение и восстановление было связано с общими процессами государственного строительства, на которые в значительной мере оказывало влияние восприятие / невосприятие опыта СССР, а также внутренние политические процессы, результаты восстановления и развития транспортной сферы. Сделан вывод о том, что учет и использование исторического опыта развития института народных прокуратур железных дорог КНР представляет существенный интерес для нашей страны, прежде всего, как пример развития оригинального советского органа прокуратуры, воспринятого за рубежом. Изучение динамики развития специализированного органа прокуратуры в транспортной сфере (с учетом единой исходной модели) может быть использовано при принятии решений о развитии и совершенствовании деятельности транспортных прокуратур в России.

Ключевые слова: история КНР, надзор за транспортом в КНР, прокуратура, народная прокуратура КНР, транспортная прокуратура, народные прокуратуры железных дорог КНР

Цитирование: Гавриленко А. А. История становления системы народных прокуратур железных дорог КНР. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 442–452. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-442-452>

Поступила в редакцию 16.05.2025. Принята после рецензирования 18.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

History of Railway Transport Procuratorates in China

Artem A. Gavrilenko

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 2791-2299

<https://orcid.org/0009-0002-6210-3155>

616661@mail.ru

Abstract: Chinese railways are controlled by a system of People's Procuratorates. The article describes its development in 1949–1987. The People's Procuratorate for railway transport was based on the Soviet experience. It was established in 1953 in order to prevent violations on transport and ensure the implementation of the first five-year plan since railroads played a major role in the national economy and industrialization. Its subsequent abolition and re-establishment were related to the internal political processes, as well as to China's relations with the USSR. The history of Railway Transport Procuratorates is an interesting example of interpreting the original Soviet system of procuratorates. The Chinese model of a specialized transport procuratorate may be used to develop and improve the current system of railway transport in Russia.

Keywords: Chinese history, transportation supervision in China, people's procuratorates, people's procuratorates in China, transport people's procuratorates, railway transport people's procuratorates in China

Citation: Gavrilenko A. A. History of Railway Transport Procuratorates in China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 442–452. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-442-452>

Received 16 May 2025. Accepted after review 18 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Проблема становления и развития системы народных прокуратур железных дорог в Китайской Народной Республике (КНР) в отечественной литературе освещения не получила. Важность исторического анализа эволюции народных прокуратур железных дорог КНР обусловлена тем, что они формировались, как и иные органы власти и управления КНР, при непосредственном участии советских специалистов [1, с. 323]. Очень точно отмечено, что организация высших органов государственной власти и управления КНР осуществлялась по единым началам с аналогичными государственными органами СССР [2, с. 103]. Поэтому, как и в СССР, принятие решения об учреждении народных прокуратур железных дорог в КНР, также как и их дальнейшее развитие, было обусловлено двумя ключевыми факторами: формированием народной прокуратуры КНР и ролью транспорта.

Наравне с Россией железнодорожный транспорт в КНР имеет важнейшее значение как опора народного хозяйства и базовая отрасль экономики. Железные дороги выступают связующим элементом всего экономического пространства государства. Они соединяют административные единицы провинциального уровня, кроме того, являются артериями, посредством которых осуществляется активное внешнеэкономическое взаимодействие в целях интеграции в глобальную экономическую систему.

История развития железнодорожного транспорта КНР представляет значительный интерес, т. к. именно эта сфера экономики предопределила экономическое и пространственное развитие КНР, стала фактором укрепления его территориальной целостности и способствовала формированию международного влияния. Установлено, что железнодорожный транспорт Китая выступил в качестве важнейшего экономического драйвера экономики КНР с момента ее образования [3, с. 6].

Как отмечалось выше, становление и развитие системы органов народной прокуратуры в КНР осуществлялось в значительной степени под влиянием модели построения прокуратуры в Советском Союзе [4, с. 16–24]. В то же время это не исключало изначального наличия специфики организации и функций, а с распадом СССР эти особенности начали проявляться более значимо.

Цель работы – провести анализ истории учреждения развития народных прокуратур железных дорог (транспортных прокуратур) в КНР в период 1949–1987 гг. Задачи исследования:

1) изучение предпосылок создания специализированных прокуратур в транспортной сфере, влияние образования КНР и потребности в централизованном правовом надзоре;

2) исследование основных нормативных источников, регламентировавших деятельность специализированных прокуратур и ее трансформацию в контексте происходивших государственных преобразований в рассматриваемый период;

3) установление корреляционных связей между реорганизацией специализированных прокуратур и изменениями в организации народной прокуратуры и транспортной системы.

Методы и материалы

Методологической основой исследования являются методы познания, в том числе диалектический, историко-правовой, системный и сравнительно-правовой методы, что дает возможность провести анализ становления и развития народных прокуратур железных дорог КНР в рассматриваемый период. Материал исследования – нормы законодательства КНР, научные работы и статьи исследователей.

Результаты

В настоящей работе рассмотрена проблема становления и развития системы народных прокуратур железных дорог КНР. Выявлены закономерности процесса создания и эволюции народных прокуратур железных дорог КНР в период 1949–1987 гг., в том числе в контексте рецепции опыта советской организационной модели транспортных прокуратур; определены роли народных прокуратур железных дорог в обеспечении законности, укреплении государственного контроля над стратегической транспортной отраслью и адаптации к политico-экономическим изменениям в Китае; выявлены ключевые этапы развития народных прокуратур железных дорог и связь с процессами, происходящими в государстве, а также вклад народных прокуратур железных дорог в стабилизацию железнодорожной системы и их роль в формировании сложившейся правовой инфраструктуры КНР.

Предпосылки организации и становления народных прокуратур железных дорог в КНР (1949–1953 гг.)

Длительное время в китайских исследованиях отсчет учреждения прокуратуры велся с момента создания КНР в 1949 г. Но в настоящее время распространенной стала точка зрения, согласно которой на территории Китая исходным пунктом для прокуратуры стало принятие в 1906 г. Закона об организации суда Далян "大理院审判编制法", который предусматривал учреждение прокуратур при каждом уровне судебной системы. Существовала четырехзвенная система органов прокуратуры, включавшая центральную, высшую местную, местную и низшую прокуратуры, процесс формирования которых на местном уровне завершился к апрелю 1911 г.¹

Помимо этого, имеется точка зрения, согласно которой прообразом прокуроров были цензоры, должности которых существовали со времен династии Западная Чжоу (1045–770 гг. до н.э.).

В начале XX в. в отношениях СССР и Китая транспорт играл ключевую роль. Конфликты на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) были одной из важнейших причин последовавшего разрыва дипломатических отношений между странами, равно как и их восстановления [5, с. 81].

Единая (для будущей КНР) система прокуроров начала формироваться, как официально признано, в Китайской Советской Республике в Жуйцзине (Ruijin, 瑞金)². Прокуроры должны были осуществлять деятельность при судебных отделах уровня провинции (главный прокурор) и уезда (прокурор), но на районном уровне эти должности не были предусмотрены³.

Одной из первых предпосылок для создания специализированных прокуратур стало учреждение в 1932 г. военных прокуратур, но единой их система в тот период создана не была, что было связано с внутренними противоречиями на территории Китая и начавшейся войной с Японией.

Использование советского опыта государственного строительства в КНР было связано с тем, что в июне 1949 г. Мао Цзэдун сформулировал ключевой тезис выстраивания взаимоотношений с СССР

на ближайшие годы: «держаться одной стороны..., т.е. объединившись с Советским Союзом... образовать международный единый фронт»⁴.

Во вступительной речи на первой сессии Народного политического консультативного совета Китая Мао Цзэдун, говоря о стоящих перед Китайской Народной Республикой задачах, в том числе указал на необходимость интенсивного развития экономики «твёрдо отстаивать демократическую диктатуру народа и сплачиваться с нашими международными друзьями, и мы сможем быстро одержать победу на экономическом фронте» [6, с. 4], а также бескомпромиссную борьбу с оппозицией: «Пусть содрогаются перед нами внутренние и внешние реакционеры» [Там же, с. 5].

В принятом по результатам данной сессии первом конституционном документе КНР – Общей программе Народного политического консультативного совета Китая – отражалась направленность на централизацию власти (ст. 33), важность восстановления и развития экономики (ст. 26). Предшествовавшие войны нанесли существенный ущерб одному из важнейших драйверов грядущего роста экономики – транспорту. Учитывая роль железных дорог в восстановлении и последующем развитии экономики, государство сосредоточилось на выделении всех необходимых для железнодорожного строительства ресурсов (ст. 36). Происходящие процессы должны были реализовываться при строгом выполнении возложенных на государственные органы и их должностных лиц обязанностей. В противном случае народные судебные и подконтрольно-надзорные органы должны были привлекать нарушителей к ответственности (ст. 19) [7, с. 88–90]. Важнейшая роль в обеспечении законности отводилась народной прокуратуре.

На этой сессии был принят Закон от 27 сентября 1949 г. об организации Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики, который сыграл важную роль в становлении прокуратуры КНР⁵. В законе было предусмотрено, что прокуратура, наряду с судом и другими органами государственной власти и управления, является самостоятельным органом государства. Согласно

¹ 朱丽欣 "中国检察事业发展史". (Лисинь Чжу. История развития прокуратуры Китая). URL: <https://cn.ambafrance.org/IMG/docx/-4.docx> (accessed 13 Apr 2025).

² 刘志成人民检察职权的历史演进 (Лю Чжичэн. Историческая эволюция народной прокуратуры). URL: http://www.spp.gov.cn/spp/zdgz/201111/t20111121_24135.shtml (accessed 13 Apr 2025).

³ Временные правила об организации судебных отделов и судопроизводства от 9 июня 1932 г. Справочные материалы по истории государства и права Китая. Раздел новейшей истории. Вып. 2, Пекин, 1954. Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики, 1931–1934, ред. Л. М. Гудошников. М.: Наука, 1977. С. 118.

⁴ Мао Цзэдун. О демократической диктатуре народа К 28-й годовщине основания Коммунистической партии Китая (30 июня 1949 г.). URL: <http://library.maoism.ru/demdic.htm> (дата обращения: 13.04.2025).

⁵ Закон об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики от 27.09.1949. URL: <https://law.pkulaw.com/chinalaw/7dd64bed613518abbd8.html> (accessed 13 Apr 2025).

ст. 5 этого Закона, Управление Верховной народной прокуратуры образовалось Центральным Народным правительственный Советом в качестве высшего органа прокуратуры в государстве. Также Центральному Народному Правительственному Совету принадлежали полномочия по назначению и смещению Генерального прокурора Управления Верховной народной прокуратуры, его заместителей и членов⁶.

Впоследствии происходило развитие организационной структуры народной прокуратуры. 22 октября 1949 г. Управление Верховной Народной Прокуратуры было преобразовано в Верховную Народную Прокуратуру [8, с. 45]. Верховной народной прокуратурой осуществлялся высший прокурорский надзор за строгим соблюдением законов как правительственные органами, так и государственными служащими, а также гражданами всей страны.

Таким образом, с момента своего образования прокуратура КНР была наделена достаточно широкими полномочиями в сфере обеспечения законности и борьбе с преступлениями врагов «диктатуры народной демократии».

Далее последовало уточнение организационных основ деятельности Верховной народной прокуратуры. В 1951 г. было принято Временное положение о Верховной народной прокуратуре Центрального народного правительства (обнародованы Центральным народным правительством КНР 4 сентября 1951 г.). В статьях 2 и 3 этого акта было установлено, что Верховная народная прокуратура состоит в прямом подчинении Центрального народного правительенного совета, является высшим органом прокуратуры, ответственным за осуществление высшего прокурорского надзора за строгим соблюдением законов, и непосредственно осуществляет руководство деятельностью нижестоящих народных прокуратур.

Положение устанавливало, что во главе Верховной народной прокуратуры стоит Председатель или Генеральный прокурор, назначаемый Центральным Народным Правительственным Советом. У Генерального прокурора имелось от двух до трех заместителей, назначаемых тем же Советом. Кроме того, в состав Верховной народной прокуратуры входило 11–17 членов, также назначаемых Центральным Народным Правительственным Советом.

Генеральный прокурор, его заместители и члены прокуратуры составляли Коллегию Верховной народной прокуратуры, которая, заседая под председательством Генерального прокурора один раз в месяц, определяла политическое направление деятельности прокуратуры и разрешала другие важные вопросы.

Следовательно, Генеральный прокурор осуществлял свое руководство коллегиально. В то же время при отсутствии единства мнений в коллегии решение Генерального прокурора имело определяющее значение. Аналогично было организовано функционирование территориальных прокуратур⁷.

В то же время процесс формирования прокурорской системы был очень медленным, что было связано с кадровыми проблемами, отсутствием опыта организации прокурорской деятельности, сложной внутренней обстановкой [9, с. 208]. В районах, где органы прокуратуры еще не были созданы, их полномочия выполнялись органами общественной безопасности под руководством вышестоящего прокурора [10, с. 57].

Становление народных прокуратур железных дорог в КНР и их ликвидация (1953–1957 гг.)

К 1953 г. был разработан и принят План развития народного хозяйства КНР 1953–1957 гг. (Первый пятилетний план развития национальной экономики)⁸. В ходе реализации плана первой пятилетки была выполнена основная работа по социалистическому преобразованию экономики государства. Данным актом предусматривалось форсированное промышленное развитие, в том числе включавшее создание развитой транспортной системы, а также как восстановление старых, так и создание новых транспортных артерий. Например, железной дороги «Баоцзи-Чэнду», которая стала линией, обеспечившей сообщение между северо-западной и юго-западной частями КНР. Данный проект, наряду с иными, реализовывался при непосредственном участии СССР⁹.

Ранее уже упоминалось о негативной роли проблемы управления КВЖД в выстраивании взаимоотношений между СССР и Китаем. Еще в 1945 г. было подписано соглашение, согласно которому за счет объединения КВЖД и Южно-Манжурской железной дороги была образована Китайская Чанчуньская железная дорога, находившаяся в совместном

⁶ Заметим, что в первые годы существования КНР органы прокуратуры именовались управлениями народной прокуратуры.

⁷ 中央人民政府最高人民检察院暂行组织条例 (Временное положение о Верховной народной прокуратуре Центрального народного правительства (обнародованы Центральным народным правительством КНР 4 сентября 1951 г.) (утратило силу)). URL: <https://zh.m.wikisource.org/zh-hans/> (accessed 13 Apr 2025).

⁸ 一五计划 (1953–1957年) (План развития народного хозяйства КНР (1953–1957 гг.)). URL: <https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gifzgh/202112/P020211214370085847910.pdf> (accessed 13 Apr 2025).

⁹ 李富春 关于发展国民经济的第一个五年计划的报告 (Ли Фучунь. Доклад о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства). URL: http://www.hprc.org.cn/wxzl/wxysl/wnjj/diyyigewnjh/200907/t20090728_3954113_1.html (accessed 13 Apr 2025).

управлении обоих государств¹⁰. Роль данной транспортной артерии такова, что одновременно с заключением Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой 14 февраля 1950 г. было подписано соглашение, позволившее в дальнейшем окончательно разрешить проблему по одному из наиболее спорных вопросов между государствами – управлении Китайской Чанчуньской железной дорогой¹¹. Окончательно она перешла китайскому правительству в 1952 г.¹²

После длительных военных действий страна переходила на мирное строительство. Необходимо было как восстановление разрушенных железных дорог, так и активное строительство новых [11, с. 25], создание необходимой им инфраструктуры. Все эти мероприятия происходили при непосредственном участии советских специалистов [12, с. 179]. Железнодорожный транспорт должен был стать одним из драйверов развития экономики КНР. Исходя из советского положительного опыта и были приняты решения по организации деятельности специализированных прокуратур в транспортной сфере. Ведь, как и в СССР 1930-х гг., когда было принято решение о создании специализированных прокуратур в области транспорта, перед КНР стояли задачи существенной интенсификации развития экономики государства, что требовало обеспечения бесперебойного функционирования, прежде всего, железных дорог, а также их интенсивного развития.

Первый пятилетний план развития национальной экономики являлся выражением идеи создания «Нового Китая», согласно которой страна вступила в социалистическую трансформацию, для чего предусматривалось интенсивное экономическое строительство.

Руководствуясь опытом СССР как государства с развитой системой управления и контроля за железными дорогами, с учетом национальной специфики, понимая важность транспортных артерий для становления нового государства, в 1953 г. Верховная народная прокуратура приступила к планированию создания специализированных органов правосудия и прокурорского надзора за транспортной сферой, которые были призваны обеспечить как безопасность на транспорте, так и выполнение плана первой пятилетки.

Учреждение специализированных прокуратур железных дорог, как и в Советском Союзе, следовало за созданием системы специализированных транспортных судов. Так в мае 1953 г. в целях обеспечения развития промышленных и горнодобывающих районов решением Второй национальной конференции по судебной работе был создан опытный транспортный суд в системе железнодорожного и водного транспорта. Как следствие, в «Отчете о прокурорской работе и текущих руководящих принципах и задачах прокурорской работы», представленном партийной группой Верховной народной прокуратуры в ЦК КПК, содержалось предложение о постепенном создании специальной прокуратуры промышленного и горнодобывающего районов и железнодорожного и водного транспорта, получившее одобрение ЦК КПК [13, с. 178].

16 октября 1953 г. в КНР одновременно были созданы специализированный суд на железной дороге и специализированная прокуратура «вдоль железной дороги Тяньцзинь».

Учреждение специализированных народных прокуратур в транспортной сфере должно было способствовать окончательному закреплению общегосударственной централизации управления, как следствие, минимизировать влияние местных региональных элит и учитывать особенности организации построения системы управления железных дорог (линейность).

Важнейшей вехой для развития специализированных прокуратур можно считать вторую Национальную конференцию прокурорских работников, прошедшую в Пекине 17 марта – 10 апреля 1954 г.

Конференция сыграла большую роль в деле дальнейшего развития народной прокуратуры КНР, т. к. ее итогом была разработка важнейших принципов прокурорской работы для нового этапа развития страны. В результате была принята «Резолюция второй Национальной конференции прокурорских работников», в которой содержались предложения в сфере совершенствования организации народной прокуратуры на всех уровнях развития прокуратуры провинций и выше. Отдельное внимание было уделено развитию народных прокуратур в городах, промышленных и горнодобывающих районах. Также содержалось предложение о создании системы специализированных органов народной прокуратуры железнодорожного и водного транспорта.

¹⁰ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой о Китайской Чанчуньской железной дороге от 14.08.1945. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/247850-soglashenie-mezhdu-soyuzom-sovetskikh-sotsialisticheskikh-respublik-i-kitayskoy-respublikoy-o-kitayskoy-chanchunskoy-zheleznoy-doroge-14-avgusta-1945-g> (дата обращения: 13.04.2025).

¹¹ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем от 14.02.1950. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757481> (дата обращения: 13.04.2025).

¹² Советско-китайское коммюнике о передаче Китайской Чанчуньской железной дороги правительству Китайской Народной Республики. 15 сентября 1952 г. URL: <https://istmat.org/node/54252> (дата обращения: 13.04.2025).

Положения Резолюции были учтены при принятии Конституции КНР 1954 г.¹³

20 сентября 1954 г. прошла первая сессия Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП) Китайской Народной Республики, на которой было принята Конституция КНР. Суду и прокуратуре был посвящен раздел 6 главы II Основного закона, детально регламентировавший организационные основы деятельности прокуратуры. В данном разделе Конституции 1954 г. была предусмотрена система как местных, так и специализированных прокуратур. Статья 81 Конституции КНР 1954 г. закрепляла полномочия местных народных прокуратур и специальных народных прокуратур, осуществлявших надзор в пределах, установленных законом. При этом устанавливалась и вертикаль подчинения местных и специализированных прокуратур вышестоящим народным прокуратурам и Верховной народной прокуратуре¹⁴.

Прокуратуре была отведена существенная роль в обеспечении построения «Нового Китая», т. к. на следующий день после принятия Конституции КНР (21 сентября 1954 г.) первой сессией ВСНП был принят «Закон об организации Народной прокуратуры». Согласно этому закону, в КНР была учреждена Верховная народная прокуратура, местные и народные прокуратуры различных степеней и специальные народные прокуратуры¹⁵. В ст. 1 данного закона указывалось, что основы организации специализированной народной прокуратуры должны определяться соответствующим актом Всекитайского собрания народных представителей. Необходимо отметить, что поиск в доступных источниках акта, к которому отсылает «Закон об организации Народной прокуратуры», результатов не дал.

Несмотря на данный факт, в целом итоги Конференции, воспринятые законодателем в Конституции КНР 1954 г. и органическом законе 1954 г., стали отправной точкой для учреждения и динамичного развития специализированных прокуратур.

В отечественной литературе 1954 г. называют исходным для начала функционирования прокуратуры в КНР [14, с. 204]. С учетом приведенных выше фактов это не в полной мере соответствует действительности. Органы прокуратуры в КНР зарождаются раньше. Если говорить более точно, то с 1954 г. начинает действовать общегосударственная национальная система органов прокуратуры КНР.

К концу 1954 г. при управлениях (бюро) железных дорог было создано в общей сложности девять специализированных прокуратур, а ввиду реорганизации Верховной народной прокуратуры (исключение наименования Управление) было изменено наименование и народных прокуратур железных дорог (ранее именовавшихся управления народных прокуратур железных дорог).

Базовыми для дальнейшего развития народных прокуратур железных дорог стали Пекинское (бывшее Тяньцзиньское), Шанхайское и Харбинское бюро железных дорог. В январе 1955 г. Верховная народная прокуратура учредила народные прокуратуры водного транспорта, а в некоторых местностях были одновременно созданы народные прокуратуры железных дорог и водного транспорта. В 1955 г. в 16 управлениях железной дороги (например, Пекин) были созданы народные прокуратуры железных дорог (управлений железных дорог), а в 20 отделениях железнодорожных дорог организованы народные прокуратуры железных дорог низшего звена¹⁶.

Позднее начинает функционировать трехуровневая система народных прокуратур железных дорог: народные прокуратуры железных дорог и водного транспорта на уровне управлений железных дорог в Пекине, Тайюане, Шэньяне, Харбине, Цзилине, Цзиньчжоу, Цицикаре, Цзинане, Шанхае, Гуанчжоу, Лючжоу, Чэнду, Ланьчжоу, в 15 железнодорожных бюро, таких как Чжэнчжоу и Куньмин, народные прокуратуры железных дорог этих бюро, а в 50 железнодорожных отделениях низовые народные прокуратуры железных дорог. К концу 1956 г. общее число прокуратур железнодорожного и водного транспорта достигло 101 [15].

Существенное значение для дальнейшего развития правовой науки имел VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, на котором первоначально было подтверждено дальнейшее использование советского опыта социалистического строительства и советских специалистов [16, с. 8].

Характерной особенностью организации прокуратуры в КНР являлась ее коллегиальность, т. к. основные вопросы деятельности органов прокуратуры обсуждались на их комитетах и советах. Сотрудниками прокуратуры могли быть исключительно члены партии. В прокуратурах действовали партийные группы. Также обратим внимание

¹³ 徐向春：铁路运输检察体制改革（Сюй Сянчунь: Реформа системы надзора за железнодорожным транспортом). URL: http://www.spp.gov.cn/llyj/201506/t20150626_100302.shtml (accessed 13 Apr 2025)

¹⁴ Конституция КНР 1954 г. In: Зеленов М. В. Китай 1946–2011. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 55.

¹⁵ 中华人民共和国人民检察院组织法[失效] (Закон об организации Народной прокуратуры КНР от 21.09.1954) (утратил силу). URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=176635 (accessed 13 Apr 2025).

¹⁶ 徐向春：铁路运输检察体制改革（Сюй Сянчунь...）

на то, что надзор за гражданским судопроизводством прокуратура не осуществляла¹⁷.

Однако функционировала система специализированных прокуратур КНР на транспорте недолго. В 1957 г. в КНР начался очередной этап обострения внутриполитической борьбы. Он привел с существенному изменению политических установок и политической практики КПК КНР в сфере государственно-правового строительства.

Начало данного курса было положено в период «необычной весны», когда было продемонстрировано движение к безбоязненной критике в работе государственного и партийного аппарата [17, с. 30]. Летом – осенью 1957 г. произошло существенное изменение курса, получившее окончательное оформление в решениях III пленума ЦК КПК КНР, окончательно отраженное в лозунге Мао Цзэдуна *Покончить с суевериями в отношении советского опыта* [18, с. 297]. В конце 1957 г. были сняты с постов и отнесены к числу «пролезших в партию правых элементов» руководящие работники Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, Министерства контроля КНР [17, с. 32]. Аналогичные процессы прошли и на уровень ниже в отношении работников судебных и прокурорских органов провинций и автономных областей, Пекина и Шанхая. В результате сформировался дефицит юридических кадров, с которым боролись посредством подготовки «народных юристов» на краткосрочных курсах, которые правильно понимали «политическую линию и курс» [19, с. 34–35].

Помимо этого, на принятие последующих решений очевидно оказались и процессы, произошедшие в СССР. Ввиду значительного сокращения числа преступлений на транспорте в феврале 1957 г. была ликвидирована система транспортных судов¹⁸.

Позитивно оценивались и результаты реализации задач первой пятилетки в транспортной сфере, т. к. требования к развитию железных дорог в совокупности удовлетворялись [20, р. 36].

Как следствие описанных предшествовавших событий, постановлением Государственного Совета КНР «О ликвидации особых судов на транспорте» от 9 августа 1957 г. специализированные суды на железнодорожном и водном транспорте были упразднены. В постановлении говорилось,

что Государственный совет утверждает доклад Министерства юстиции о ликвидации судов на железнодорожном и водном транспорте и соглашается ликвидировать уже образованные 19 судов на железнодорожном и водном транспорте и, кроме того, постановляет: «После ликвидации транспортных судов обычные уголовные дела, относящиеся к транспорту, рассматриваются низовыми судами в зависимости от места возникновения дела. Уголовные дела, представляющие непосредственную угрозу для транспорта, рассматриваются теми народными судами средней ступени, в районе которых находятся управления или отделения управлений транспортной системы»¹⁹ (прим. – перевод автора статьи).

В связи с этим обратим внимание на непосредственную взаимосвязь процессов реорганизации системы специализированных транспортных судов в СССР и КНР, во много обусловленную влиянием представителей советской правовой школы на построение системы государственного аппарата КНР, а также на формирование системы органов прокуратуры [21].

Позднее Верховная народная прокуратура представила в Центральный комитет КПК предложения об упразднении прокуратуры железнодорожного и водного транспорта²⁰. С 15 сентября 1957 г. система специализированных железнодорожных прокуратур КНР была ликвидирована. К числу причин упразднения прокуратур железнодорожного и водного транспорта были указаны следующие:

- 1) небольшая средняя нагрузка специализированных прокуратур, в сравнении с местными прокуратурами;
- 2) незначительная специфика дел, вытекающих из транспортной сферы, и, следовательно, возможность их рассмотрения в местных судах;
- 3) усиление роли местного политического руководства и местных прокуратур.

В отличие от СССР, решение о ликвидации специализированных прокуратур железнодорожных и водного транспорта в КНР было принято одновременно с ликвидацией соответствующих судебных органов. В СССР этот процесс произошел с некоторой отсрочкой. Период 1957–1960 гг. стал для СССР точкой отсчета для прекращения существовавшей до этого момента общей системы специализированных судебных и правоохранительных органов на транспорте.

¹⁷ Отчет заместителя Генерального прокурора СССР А. Н. Мишутина о пребывании делегации советских юристов в КНР. *Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Друг и союзник нового Китая*, сост. Е. Р. Курапова, В. С. Мясников, А. А. Чернобаев. М.: Памятники исторической мысли, 2010. Т. 2. С. 377.

¹⁸ Об упразднении транспортных судов. Закон СССР от 12.02.1957. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901874552> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁹ Китайская Народная Республика: Постановление о ликвидации особых судов на транспорте, 1957 г. Иностранные законодательство: Бюллетень № 4. Всесоюзный Институт юридических наук. Информационное бюро по зарубежному законодательству. М., 1958. С. 26. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/708/38547> (accessed 13 Apr 2025).

²⁰ 徐向春：铁路运输检察体制改革（*Сюй Сянчунь....*

На принятие данных решений определенно сказалось начавшееся ухудшение взаимоотношений между СССР и КНР, связанное с «осуждением культа личности Сталина» на XX съезде КПСС [22, с. 158–159].

Новая власть в целях упрочнения своих позиций активно боролась с контрреволюцией, сопротивлением отдельных социальных групп, преступностью. Решение данных задач осуществлялось широкомасштабными радикальными методами [23, с. 61]. Народная прокуратура в этой борьбе играла ключевую роль [24, с. 203], что стало определяющим для ее судьбы в последовавших в КНР событиях.

Периоды «большого скачка», «культурной революции» и восстановление народных прокуратур железных дорог (1958–1987 гг.)

В 1958 г. прошла 2-я сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, на которой был провозглашен отказ от использования советского опыта социалистического строительства [25, с. 134]. Был разработан новый вариант пятилетнего плана на 1958–1962 гг., согласно которому предполагалось резкое ускорение темпов экономического развития [26, с. 657–658]. Существенное место в его реализации отводилось развитию железных дорог как основной артерии развития экономики. Но итоги реализации данного плана крайне негативно оказались на состоянии и развитии железных дорог, существенно возросло количество аварий. Вследствие этого объемы перевозимых грузов существенно снизились к 1962 г.²¹ Эти проблемы существовали во всех секторах экономики, что привело к принятию решений о ликвидации кризиса «большого скачка» (1961–1962 гг. – «урегулирование», 1963–1965 гг. – «социалистическое воспитание») [27, с. 9].

С началом «культурной революции» (1966–1975 гг.) роль прокуратуры существенно снижается. В результате в ст. 25 Конституции КНР 1975 г. устанавливалось, что функции прокуратуры выполняются органами общественной безопасности различных степеней [7, с. 105]. Следовательно, в тексте Основного закона было закреплено прекращение деятельности прокуратуры в Китае.

Главный идеолог «культурной революции» супруга Мао Цзэдуна – Цзян Цин, выступая перед «красной молодежью», заявляла, что «войска общественной безопасности, прокуратура, Верховный народный суд – все это органы, пришедшие к нам от капиталистических государств. Они стоят над

партией, над правительством; все они, в конечном счете, устанавливают надзор над нами, поставляют о нас черные материалы, все они являются бюрократическими органами» [28, с. 70].

В период «культурной революции» правоохранительные органы были полностью заменены революционными комитетами. Наметилась тенденция слияния практически уничтоженных органов общественной безопасности, суда и прокуратуры в единую организацию, находящуюся под военным контролем [29, с. 54].

Восстановление прокуратуры КНР началось в 1979 г., когда на второй сессии Пятого Всекитайского собрания народных представителей был принят новый Закон о народной прокуратуре, вступивший в силу в 1980 г. Согласно ст. 2 Закона о народной прокуратуре, предусматривалось создание специальной народной прокуратуры наряду с территориальными народными прокуратурами. В п. 4 ст. 2 данного Закона было предусмотрено, что к специализированным народным прокуратурам относятся: военная прокуратура, прокуратура железных дорог, прокуратура водного транспорта и другие специализированные прокуратуры²².

К 1982 г. в стране была создана трехуровневая система специализированных прокуратур железных дорог, возглавляемая Национальной прокуратурой железных дорог, нижестоящими были прокуратуры железных дорог среднего звена (бюро железных дорог) и основные прокуратуры железных дорог (железнодорожных веток). Согласно решению Верховной народной прокуратуры от 23 апреля 1982 г., прокуратуры железных дорог на всех уровнях официально приступили к осуществлению своих функций с 1 мая 1982 г.

Существенной особенностью являлось то, что прокуратуры и суды железных дорог весь этот период были встроены в национальную систему управления железнодорожным транспортом.

В 1983 г. в Закон Об организации народной прокуратуры КНР были внесены изменения, отравившие желание законодателя провести реформирование прокуратур железных дорог. В новой редакции ст. 2 Закона Об организации народной прокуратуры КНР п. 4 был отменен, конкретизированное указание о наличии военной прокуратуры, прокуратуры железных дорог и водного транспорта было заменено на общее упоминание о военных и иных специализированных народных

²¹ Пространство БРИКС. Исторические хроники Создание и развитие железных дорог в Китае (1876 – н.в.). РЖД. URL: <https://1520international.com/content/2024/dekabr-2024/the-brics-space-china/> (дата обращения: 13.04.2025).

²² 中华人民共和国人民检察院组织法 (1979) (Закон об организации Народной прокуратуры КНР). URL: <https://law.pkulaw.com/chinalaw/9fa4afb39e3e6756bdfb.html> (accessed 13 Apr 2025).

прокуратурах²³. Учитывая изложенное, обратим внимание, что в отечественной литературе данные обстоятельства ошибочно трактуются в обратном значении [30, с. 14].

В апреле 1987 г. Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура приняли совместный акт «О прекращении деятельности Высшего суда железных дорог и Национальной прокуратуры железных дорог»²⁴, что привело к созданию Управления прокуратуры железных дорог в структуре Верховной народной прокуратуры КНР. Нижестоящие звенья изменений не претерпели, следовательно, трехзвенная система прокуратур железных дорог была трансформирована в двухзвенную под непосредственным подчинением соответствующего управления Верховной народной прокуратуры.

Заключение

Подводя итоги исследования становления и развития народных прокуратур железных дорог КНР в период 1949–1987 гг., можно сформулировать следующие выводы:

1. Учреждение народных прокуратур железных дорог являлось следствием стремления правительства КНР к установлению контроля за стратегическими отраслями экономики, одной из которых выступает железнодорожный транспорт. Железные дороги выступали символом единства и модернизации, требовали повышенного внимания, учитывая их значение для экономики, а также необходимость устранения «контрреволюционных элементов».

2. Прокуратура в целом и специализированные прокуратуры на транспорте в частности стали инструментом внедрения марксистко-ленинской правовой модели «социалистической законности». Их учреждение являлось следствием централизации и идеологизации права.

3. При создании народных прокуратур железных дорог в основе была использована существовавшая в этот период послевоенная модель организации транспортных прокуратур СССР²⁵. Это было связано

с участием в формировании системы органов государственной власти и управления КНР представителей Советского Союза.

4. Учреждение специализированных народных прокуратур КНР в транспортной сфере было направлено на установление контроля за железными дорогами и водными путями сообщения правительства КНР. Деятельность данных прокуратур была направлена на централизацию управления транспортными артериями, учитывая специфичный линейный принцип построения последних.

5. Упразднение специализированных прокуратур КНР в транспортной сфере было связано в меньшей степени с новой политикой выстраивания взаимоотношений с СССР, а в большей степени – с низкими показателями их деятельности в сравнении с территориальными прокуратурами. В отличие от причин ликвидации транспортных прокуратур в СССР 1960-х гг., где такое решение имело преимущественно политическое значение.

6. Восстановление народных прокуратур железных дорог после «культурной революции» было обусловлено стремлением Дэн Сяопина к восстановлению контроля за транспортной сферой и обеспечению ее динамичного развития, провозглашением стратегии «социалистической модернизации с китайской спецификой»²⁶.

Народные прокуратуры железных дорог стали продуктом синтеза партийной диктатуры, экономического прагматизма и управленческой необходимости. Их эволюция отражает ход трансформации КНР и происходившие в связи с этим в государстве изменения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Трошинский П. В. Высшие органы государственной власти и управления в начальный период существования КНР (1949–1954 гг.) (историко-правовой аспект). *70 лет современному китайскому государству: науч. конф.* (Москва, 20–22 марта 2019 г.) М.: ИДВ РАН, 2019. С. 323–335. [Troshchinskiy P. V. Supreme

²³ 全国人民代表大会常务委员会关于修改“中华人民共和国人民检察院组织法”的决定 (Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о пересмотре Закона об организации Народной прокуратуры Китайской Народной Республики от 02.09.1983). URL: http://pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=1750 (accessed 13 Apr 2025).

²⁴ 最高人民法院 最高人民检察院关于撤销铁路运输高级法院和全国铁路运输检察院有关问题的通知 (Уведомление Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры о решении вопросов, относящихся к Высокому суду по железнодорожному транспорту и Национальной прокуратуре железнодорожного транспорта от 15.04.1987). URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=4235/ (accessed 13 Apr 2025).

²⁵ Подробнее см. [31].

²⁶ О причинах восстановления транспортных прокуратур в СССР подробнее см. [32].

- public control and administration authorities during initial period of PRC'S existence (1949–1954) (historical legal aspect). *70 years of modern China: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 20–22 Mar 2019. Moscow: IFES RAS, 2019, 323–335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhcke0>
2. Гудошников Л. М. Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М.: АН СССР, 1960. 110 с. [Gudoshnikov L. M. *Higher organs of state power and public administration of the People's Republic of China*. Moscow: AS USSR, 1960, 110. (In Russ.)]
 3. Сазонов С. Л., Цзы У. Железнодорожный транспорт КНР: императивы развития. М.: ИДВ РАН, 2019. 408 с. [Sazonov S. L., Tzu U. *China railway transport: Development imperatives*. Moscow: IFES RAS, 2019, 408. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfutdd>
 4. Чжан Цзюэ. Прокурор в современном уголовном процессе. Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 234 с. [Zhang Jue. *Prosecutor in modern criminal proceedings. Comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China*. Cand. Law. Sci. Diss. Moscow, 2007, 234. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nonmtx>
 5. Лю Т. Восстановление китайско-советских дипломатических отношений в 1931–1932 годах: процесс и условия. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2024. Т. 68. № 4. С. 81–94. [Liu T. Restoration of Sino-Soviet diplomatic relations in 1931–1932: Process and conditions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 2024, 68(4): 81–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-6>
 6. Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палея-Мишин, 2000. 472 с. [Mao Zedong. *Revolution and construction in China*. Moscow: Paleya-Mishin, 2000, 472. (In Russ.)]
 7. Конституционные акты Китая, сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: БГПУ, 2014. 190 с. [Constitutional acts of China, comp. Kuznetsov D. V. Blagoveshchensk: BSPU, 2014, 190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jphawb>
 8. Трощинский П. В. Особенности правового регулирования деятельности органов прокуратуры в современном Китае. *Журнал научных и прикладных исследований*. 2016. № 7. С. 44–46. [Troshchinsky P. V. Features of the legal regulation of the prosecutor's office in modern China. *Journal of Applied Research*, 2016, (7): 44–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/woqkxt>
 9. Воеводин Л. Д. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Госюризат, 1956. 271 с. [Voevodin L. D. *The state system of the People's Republic of China*. Moscow: Gosyurizat, 1956, 271. (In Russ.)]
 10. Судариков Н. Организация суда и прокуратуры Китайской Народной Республики. *Социалистическая законность*. 1952. № 5. С. 50–57. [Sudarikov N. Organization of the court and procuratorate in the People's Republic of China. *Socialist legality*, 1952, (5): 50–57. (In Russ.)]
 11. 郝瀛. 中国铁路建设概论. 北京: 中国铁道出版社, 1998, 329. [Hao Ying. *Overview of China's Railway construction*. Beijing: Chinese Railways, 1998, 329. (In Chin.)]
 12. Страницы истории сотрудничества железнодорожников СССР и КНР (Из неопубликованной работы Г. И. Мордвинова о КЧЖД). *Проблемы Дальнего Востока*. 1986. № 2. С. 177–184. [Pages of the history of cooperation between railway workers of the USSR and China (From the unpublished work by G. I. Mordvinov on the Chinese Eastern Railway). *Far Eastern Studies*, 1986, (2): 177–184. (In Russ.)]
 13. 李士英主编 · 王桂五、梁国庆副主编.当代中国的检察制度[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 1988, 386. [The procuratorate system in modern China, ed. Lee Shiying. Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences, 1988, 386. (In Chin.)]
 14. Корешникова Н. Р. Правовые статусы прокуратур Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ). *Сибирское юридическое обозрение*. 2019. Т. 16. № 2. С. 203–208. [Koreshnikova N. R. The legal statuses of the Prosecutor's Offices of the Russian Federation and the People's Republic of China (comparative legal analysis). *Siberian Law Review*, 2019, 16(2): 203–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-2-203-208>
 15. Гавриленко А. А. Становление народных прокуратур железнодорожных дорог в КНР. *Проблемы совершенствования прокурорской деятельности и правоприменительной практики*: конф. (Иркутск, 16–19 ноября 2021 г.) Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021, 71–74. [Gavrilenco A. A. The formation of the People's Prosecutor's offices of railways in China. *Problems of improving prosecutorial activity and law enforcement practice*: Proc. Conf., Irkutsk, 16–19 Nov 2021. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021, 71–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ecwuyr>
 16. Чугунов В. Е. Уголовный процесс Китайской Народной Республики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1959. 39 с. [Chugunov V. E. *Criminal procedure of the People's Republic of China*. Cand. Law. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1959, 39. (In Russ.)]

17. Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. 160 с. [Kumanin E. V. *Legal policy and the legal system of the People's Republic of China*. Moscow: Nauka, 1990, 160. (In Russ.)]
18. Новейшая история Китая (1917–1970), отв. ред. М. И. Сладковский. М.: Мысль, 1972. 437 с. [*The modern history of China (1917–1970)*, ed. Sladkovsky M. I. Moscow: Mysl, 1972, 437. (In Russ.)]
19. Гудошников Л., Егоров К. Отказ от социалистической законности в Китае. *Социалистическая законность*, 1975, № 11. С. 34–36. [Gudoshnikov L., Egorov K. *Rejection of socialist legality in China. Socialist legality*, 1975, (11): 34–36. (In Russ.)]
20. Pritchard R. *Industrial locomotives of the People's Republic of China: Second edition*. Melton Mowbray: Industrial Railway Society, 2008, 252.
21. Тань Шичунь. Советские юристы в Китае (1949–1960). *Проблемы Дальнего Востока*. 2019, № 6. С. 142–149. [Tan Shichun. Soviet lawyers in China (1949–1960). *Far Eastern Studies*, 2019, (6): 142–149. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013128120008001-2>
22. Тихвинский С. Л. Избранные произведения. Кн. 6. дополнительная. М.: Наука, 2012. 376 с. [Tikhvinsky S. L. *Selected works. Book 6. Miscellaneous*. Moscow: Nauka, 2012, 376. (In Russ.)]
23. Остроумов Г. С. Политико-правовая идеология и кризис политической власти в Китае. *Советское государство и право*. 1967, № 6. С. 59–66. [Ostroumov G. S. Political and legal ideology and the crisis of political power in China. *The Soviet State and law*, 1967, (6): 59–66. (In Russ.)]
24. Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики, пер. с кит. Л. М. Гудошников, С. Г. Остроумов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 223 с. [Zhou Fan. *State bodies of the People's Republic of China*, tr. Gudoshnikov L. M., Ostroumov S. G. Moscow: Izd-vo inostrannoj literature, 1958, 223. (In Russ.)]
25. Смирнов Д. А. Идеально-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 324 с. [Smirnov D. A. *Ideological and political aspects of China's modernization: From Mao Zedong to Deng Xiaoping*. Moscow: Institute of the Far East of the RAS, 2005, 324. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpcayh>
26. История Китая, ред. А. В. Меликsetov. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2002. 736 с. [*The history of China*, ed. A. V. Meliksetov. 2nd ed. Moscow: MSU, 2002, 736. (In Russ.)]
27. Молодцова Л. И. Экономика КНР: возможности и реальность. М.: Наука, 1976. 235 с. [Molodtsova L. I. *China's economy: Opportunities and reality*. Moscow: Nauka, 1976, 235. (In Russ.)]
28. Гудошников Л. М. Произвол и насилие – основа политики маоистов. *Проблемы Дальнего Востока*. 1974, № 3. С. 64–72. [Gudoshnikov L. M. Arbitrariness and violence as the basis of Maoist policy. *Far Eastern Studies*, 1974, (3): 64–72. (In Russ.)]
29. Гудошников Л. М., Трошинский П. В. Функционирование правоохранительных органов КНР в период крупных политических кампаний (1957–1976 гг.). *Журнал научных и прикладных исследований*. 2016, № 6. С. 53–55. [Gudoshnikov L. M., Troshchinsky P. V. The functioning of law enforcement agencies of the PRC during major political campaigns (1957–1976). *Journal of Applied Research*, 2016, (6): 53–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whsfkr>
30. Антонов В. И., Аршавский Г. А., Гудошников Л. М. и др. Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства). М.: ИДВ РАН, 2012. Т. 1. 392 с. [Antonov V. I., Arshavsky G. A., Gudoshnikov L. M. et al. *Modern law in the People's Republic of China: A legislative overview*. Moscow: IFES RAS, 2012, vol. 1, 392. (In Russ.)]
31. Гавриленко А. А. Некоторые аспекты развития модели советской транспортной прокуратуры в Китайской Народной Республике (КНР) и странах постсоветского пространства. *Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)*: Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 20–22 октября 2022 г.) Омск: ОмГУ, 2022. С. 457–462. [Gavrilenko A. A. Some aspects of the development of the model of the Soviet transport prosecutor's office in the countries of the post-Soviet space and the PRC. *The Federal State: Historical and legal experience and modern practices (on the occasion of the 100th anniversary of the formation of the USSR)*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Omsk, 20–22 Oct 2022. Omsk: OmSU, 2022, 457–462. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdtehk>
32. Гавриленко А. А., Юсовских Е. О. К вопросу о восстановлении транспортной прокуратуры в СССР. *Сибирский юридический вестник*. 2012, № 1. С. 3–11. [Gavrilenko A. A., Yusovskikh E. O. To a question about the restoration of transport procuratorship in the USSR. *Siberian law herald*, 2012, (1): 3–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opwilj>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xjyprjn>

Цифровая трансформация платежных систем: проблемы мошенничества и перспективы развития средств и методов обнаружения

Абдурагимова Татьяна Иосифовна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2009-0035

<https://orcid.org/0009-0003-3771-5579>

t.abduragimova@yandex.ru

Аннотация: В условиях стремительной цифровизации всех направлений человеческой деятельности, в том числе финансового сектора, ускоренной пандемией COVID-19, проблема мошенничества с кредитными картами приобретает особую актуальность. Данное исследование посвящено комплексному анализу современных технологий обнаружения мошеннических операций, включая методы искусственного интеллекта, обработки больших данных и облачных вычислений. Цель – осветить самые последние и актуальные разработки по обнаружению мошенничества с кредитными картами, влияющие на новые технологии в этой области. Особое внимание уделяется эволюции платежных систем, переходу от традиционных методов к инновационным решениям на основе IoT-устройств и биометрических данных. Рассматриваются ключевые уязвимости существующих систем безопасности, а также перспективные направления развития средств и методов обнаружения мошенничества. Анализируются современные подходы к обработке транзакционных данных, включая распределенные вычисления и машинное обучение, с акцентом на их эффективность в условиях динамично меняющегося поведения пользователей. Исследование подчеркивает необходимость интеграции разнородных источников, данных для повышения точности обнаружения мошеннических операций. Особую значимость приобретает изучение возможностей облачных технологий для создания систем, способных оперативно реагировать на новые виды мошенничества в реальном времени. Предлагаются направления будущих исследований, включающие разработку гибридных моделей на основе данных IoT-устройств и биометрических показателей.

Ключевые слова: мошенничество, банковские карты, цифровая трансформация, цифровые платежи, токенизация, биометрические системы, транзакции, искусственный интеллект, Интернет вещей (IoT)

Цитирование: Абдурагимова Т. И. Цифровая трансформация платежных систем: проблемы мошенничества и перспективы развития средств и методов обнаружения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 453–461. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-453-461>

Поступила в редакцию 19.05.2025. Принята после рецензирования 09.06.2025. Принята в печать 10.06.2025.

full article

Digital Transformation of Payment Systems: Fraud Issues and Detection Prospects

Tatyana I. Abduragimova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2009-0035

<https://orcid.org/0009-0003-3771-5579>

t.abduragimova@yandex.ru

Abstract: The COVID-19 pandemic boosted digitalization in all areas of human activity, including finances. As a result, the problem of credit card fraud is particularly relevant today. This comprehensive analysis highlights the latest and most relevant developments in the detection of credit card fraud, e.g., artificial intelligence, big data processing, and cloud computing methods. It focuses on the evolution of payment systems, including the shift from traditional methods to innovative solutions based on IoT devices and biometric data. The existing security systems remain vulnerable and require novel fraud detection tools and methods. The modern approaches to transaction data

processing include distributed computing and machine learning, which proved effective in the context of dynamically changing users' behavior patterns. Diverse data sources are needed to improve the accuracy of fraud detection. Cloud technologies can create systems capable of prompt response to new types of fraud in real time. Promising research directions include hybrid models based on data from IoT devices and biometric indicators.

Keywords: fraud, bank cards, digital transformation, digital payments, tokenization, biometric systems, transactions, artificial intelligence, Internet of things (IoT)

Citation: Abduragimova T. I. Digital Transformation of Payment Systems: Fraud Issues and Detection Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 453–461. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-453-461>

Received 19 May 2025. Accepted after review 9 Jun 2025. Accepted for publication 10 Jun 2025.

Введение

Устаревание наличных денег как основного способа оплаты, начавшееся в связи с развитием цифровой экономики, еще более ускорилось с пандемией COVID-19. В результате операции с кредитными картами стали доминирующей силой в мировой экономике. Различные заинтересованные стороны, включая финансовые учреждения, платежные системы и продавцов, постоянно стремятся использовать технологические достижения для более эффективного соответствия предпочтениям конечных пользователей.

Распространение устройств Интернета вещей (IoT), расширение возможностей подключения, системы оплаты в приложениях и повсеместное распространение мобильных устройств являются катализаторами как роста, так и разрушения экосистем платежей по кредитным картам. Например, такие организации, как Amazon Go, экспериментируют с платежными решениями на основе биометрических данных. Благодаря токенизации мобильные IoT-устройства [1, р. 13898], такие как смарт-часы, облегчают обмен информацией с близлежащими системами, позволяя совершать транзакции по требованию, и тем самым порождают новые парадигмы транзакционных коммуникаций.

Кредитные карты стали неотъемлемой частью онлайн-банкинга и широко используются в цифровых транзакциях и электронной коммерции. Однако эволюция и рост использования кредитных карт привели к появлению различных видов мошенничества. Мошенники используют все более изощренные методы для совершения незаконных операций, что приводит к значительным финансовым потерям как для держателей карт, так и для финансовых учреждений. Эти преступные действия варьируются от кражи и несанкционированного доступа к информации о кредитных картах до создания поддельных карт, которые имитируют поведение законных пользователей, что позволяет с беспрецедентной легкостью осуществлять незаконные действия.

Цель исследования – осветить самые последние и актуальные разработки по обнаружению мошенничества с кредитными картами, влияющие на новые технологии в этой области.

Результаты

Средства и методы обнаружения мошенничества и их развитие

Одновременно с этим нормализация данных и расширение применения нейронных сетей подчеркивают необходимость использования искусственного интеллекта (ИИ) и методов глубокого обучения для эмитентов кредитных карт и банковских служб [2–4]. Искусственный интеллект играет важную роль в разработке инновационных методик для выявления мошенничества с кредитными картами нового поколения, повышения уровня одобрения, минимизации отклоненных транзакций и проактивного контроля кредитных лимитов. Тем не менее интеллектуальная обработка банковских операций сопряжена с многочисленными трудностями, в том числе с необходимостью учета меняющегося поведения клиентов для обеспечения легитимности транзакций. В связи с этими динамичными изменениями и проблемами финансовые учреждения и процессоры платежей быстро модернизируют свои платежные технологии, что потенциально может привести к появлению уязвимостей в системе безопасности.

Поэтому крайне важно внедрять надежные и современные системы обнаружения мошенничества с кредитными картами. Надежная система обнаружения мошенничества классифицирует входящие транзакции на два различных класса: легитимные и нелегитимные. Мошенничество с кредитными картами может проявляться в двух основных формах: онлайн и офлайн. В случае онлайн-мошенничества злоумышленники совершают мошеннические покупки в Интернете, в то время как офлайн-мошенничество предполагает незаконные операции с использованием незаконно полученных кредитных карт.

Изоцщренность и адаптивность мошеннических действий требуют внедрения передовых механизмов обнаружения для защиты целостности финансовой экосистемы.

Анализ существующих исследований и современных проблем

В настоящее время опубликовано большое количество исследований, посвященных мошенничеству с кредитными картами, как отечественными авторами [5–8], так и зарубежными коллегами [9–13]. В этой связи крайне важно провести анализ освещаемых проблем и предлагаемых решений в целях формирования возможной «дорожной карты» в этой области. Несмотря на обилие исследований в данной сфере, в последнее время появилось много новых методов, что требует тщательного анализа. Кроме того, существующие обзоры в основном посвящены моделям обнаружения, а не использованию новых технологий и вычислительных методов. Поэтому в данной работе предлагается всестороннее рассмотрение нескольких аспектов обнаружения мошенничества с кредитными картами с акцентом на методы глубокого обучения и прорывные технологии.

Мошенничество, определяемое как хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана либо злоупотребления доверием¹, получило широкое распространение с ростом использования электронных методов оплаты, таких как кредитные и дебетовые карты. Растущая популярность мобильного банкинга еще больше усугубила проблему, приведя к увеличению числа мошеннических платежных операций и, как следствие, финансовых потерь. Кредитные карты можно использовать для покупки товаров как онлайн, так и офлайн. Онлайн-платежи, не требующие физического присутствия карты, особенно уязвимы для атак, этот вид мошенничества известен как мошенничество без присутствия карты (Card-Not-Present, CNP)² [14; 15].

Технологические решения и будущие направления развития сферы противодействия мошенничеству с кредитными картами

Кроме того, особенно после пандемии COVID-19, все большее распространение получает использование бесконтактных платежей с помощью чиповых карт и мобильных устройств, использующих технологию Near Field Communication (NFC) [16, р. 10–11]. Эти способы оплаты используют беспроводную

технологию ближнего радиуса действия для облегчения бесконтактных транзакций [17, р. 399]. В отличие от традиционных платежей, в платежах NFC участвуют два дополнительных партнера: производитель телефона и оператор мобильной связи. Политика безопасности этих партнеров может оказывать большее влияние на рынок телефонии, чем на рынок платежей [18, р. 95], что приводит к большим проблемам с безопасностью и подвергает клиентов большему количеству мошенничества с виртуальными кредитными картами, чем с физическими. Хотя при таких платежах допускается взимание небольших сумм, мошенники могут изучить поведение пользователя и провести большое количество транзакций, прежде чем клиент сообщит об этом в банк.

Согласно отчету Единой европейской платежной зоны (Single European Payments Area (SEPA))³, опубликованному в 2023 г. и анализирующему данные за 2021 г., общая стоимость мошеннических операций составила 1,53 млрд евро, из которых 84 % пришлись на CNP-платежи. Доля мошенничества в банкоматах и терминалах в точках продаж, напротив, снизилась до 5 % и 12 % от общего объема мошенничества соответственно. По сравнению с мошенничеством при предъявлении карты, мошенничество CNP в последние годы значительно возросло, что делает его серьезной проблемой для индустрии кредитных карт.

В этой связи стоит рассмотреть современные возможности обнаружения и противодействия мошенничеству с использованием банковских карт, выделить основные проблемы и направления будущих исследований, которые необходимо изучить.

В современном цифровом пространстве постоянно генерируются и собираются огромные объемы данных. Очевидно, что к настоящему времени человек получил широкую возможность использовать ИИ в практике повседневной жизни, например, при создании или обработке графических или текстовых файлов [19, с. 148], а растущее внедрение Интернета вещей (IoT), умных технологий и умных городов привело к появлению огромных массивов данных (Big Data), требующих обработки для получения более четких представлений у лиц, принимающих решения.

Термин *большие данные* (Big Data) был впервые введен в научный лексикон Клиффордом Линчем, главным редактором авторитетного научного журнала "Nature", в специальном тематическом выпуске

¹ Уголовный кодекс РФ. ФЗ № 63-ФЗ от 13.06.1996. Ст. 159. СПС КонсультантПлюс.

² INTERPOL. Global Financial Fraud Assessment. URL: https://www.interpol.int/content/download/21096/file/24COM005563-01%20-%20CAS_Global%20Financial%20Fraud%20Assessment_Public%20version_2024-03_EN_v3.pdf (accessed 3 May 2025).

³ Report on card fraud in 2020 and 2021. Europa.eu. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/cardfraud/ecb.cardfraudreport202305-5d832d6515.en.pdf> (accessed 3 May 2025).

за 2008 г. В данной публикации акцент был сделан на феномен экспоненциального роста объемов глобальной информации, что свидетельствовало о начале новой эры в области обработки и анализа данных. Клиффорд Линч определил большие данные как массивы разнообразной информации, превышающие 150 Гб за сутки⁴. По мнению В. А. Мирончука, А. Л. Золкина, А. В. Батищева и А. Б. Урусова, большие данные представляют собой объемные массивы структурированной и неструктурной информации, которые требуют сложных методов обработки с целью получения статистической, аналитической, прогностической и иной ценной информации для принятия решений [20, с. 228].

Как отмечают F. Doko и I. Miskovski, большие данные и наука о данных – это применение программного обеспечения и технологий, интегрированных с передовыми алгоритмами и методиками, для получения более глубоких знаний, подготовки обоснованных выводов, прогнозирования рисков и определения преимуществ [21]. Согласно Оксфордскому английскому словарю, большие данные являются информацией очень большого размера, как правило, в том смысле, что представляют серьезные трудности в материально-техническом обеспечении по манипуляциям и управлению ими; (также) направление вычислений с использованием такого типа данных⁵.

Интересными являются не только дефиниции термина *большие данные*, но и характеристики и классификации этого феномена. Так, исследователь Лэйни охарактеризовал и классифицировал концепцию *больших данных* по объему (*volume*), скорости (*velocity*) и множеству (*variety*), известным как 3Vs [22]. В свою очередь еще одно четвертое "V" для описания больших данных, называемое правдивостью (*veracity*), добавила компания IBM [23]. В ряде работ в качестве еще одного 5-го "V" рассматривается ценность (*value*) [24], 6 – изменчивость (*variability*) добавляют исследователи Jeffrey Dean и Sanjay Ghemawat [25], 7 и 8 "V" ученые указывают как валидность (*validity*) и волатильность (*volatility*) [26].

Таким образом, большие данные включают в себя более крупные и сложные наборы данных, полученные преимущественно из новых и разнородных источников. Эти наборы данных характеризуются большим объемом, что делает традиционное (устоявшееся) программное обеспечение для обработки данных неадекватным. Тем не менее эти огромные объемы данных имеют неоценимое значение для поддержки бизнес-аналитики, особенно при обработке в режиме реального времени

масштабных банковских данных, что повышает эффективность выявления мошенничества. Более того, технологии больших данных позволяют интегрировать разнородные данные из различных источников для более эффективного выявления мошеннических действий.

Параллелизм данных предполагает разделение большого набора данных на несколько узлов в рамках кластера. Каждый узел обрабатывает небольшую часть данных, а затем результаты объединяются для получения конечного результата. Такой подход отличается высокой эффективностью, позволяя быстро реагировать и оперативно принимать решения.

MapReduce от Google [27] обрабатывает данные параллельно на двух этапах: Map и Reduce. На этапе Map данные распределяются между отдельными заданиями на разных узлах. Каждое задание map создает набор пар ключ-значение, которые передаются заданиям reduce, также известным как reducers. Эти редукторы объединяют пары ключ-значение в меньший набор, который формирует конечный результат. Hadoop – основной фреймворк для анализа больших данных, основанный на MapReduce от Google, а также распределенной файловой системе HDFS [28, р. 1] и орхестраторе ресурсов Yarn [29, р. 2]. Однако Hadoop создает дополнительные накладные расходы, поскольку задачи отображения и сокращения данных считывают и записывают их на диск дважды. Это привело к разработке нового фреймворка – Spark [30, р. 287]. Основополагающим принципом Spark является способность обрабатывать данные в памяти, что значительно повышает эффективность и масштабируемость по сравнению с Hadoop. Spark похож на MapReduce, предоставляя функции отображения и сокращения, но поддерживает больше операций с большими и распределенными наборами данных, таких как фильтрация и SQL-подобные операции с распределенными и постоянными структурами данных, RDD и фреймами данных.

Поскольку объем данных о финансовых транзакциях продолжает значительно увеличиваться, надежное обнаружение мошеннических операций в режиме реального времени с помощью традиционных методов становится все более сложной задачей. Поэтому необходим подход к аналитике больших данных, который изучает закономерности на основе так называемых «больших исторических наборов данных» и использует распределенную инфраструктуру для облегчения интенсивных вычислений.

⁴ Nature. Vol. 455, iss. 7209, 4 Sep 2008. URL: <https://www.nature.com/nature/volumes/455/issues/7209> (accessed 3 May 2025).

⁵ Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/18833#eid301162177> (accessed 3 May 2025).

Несмотря на важность распределенного подхода, нельзя не согласиться с исследователями H. Zhou, G. Sun, S. Fu, L. Wang, J. Hu и Y. Gao о том, что очень мало научных работ, посвященных использованию аналитики больших данных в рамках распределенной архитектуры для обнаружения и / или прогнозирования мошенничества с кредитными картами [31]. Таким образом, необходимы дополнительные исследования для создания систем реального времени и изучения проблем, которые могут препятствовать эффективному использованию таких технологий при сохранении конфиденциальности пользователей. Кроме того, интеграция множества данных из различных разнородных источников имеет решающее значение для получения более точных результатов. Помимо этого, все еще существует потребность в открытых наборах больших данных для поддержки исследователей в аналитике больших данных. Одним из возможных направлений исследований может стать разработка ценных синтетических наборов больших данных.

В этом контексте особую значимость приобретают облачные технологии, которые могут стать ключевым элементом в решении указанных проблем. Облачные технологии, определяемые как модель, обеспечивающая универсальный сетевой доступ к распределенным вычислительным ресурсам и хранилищам данных по запросу, которые выделяются и освобождаются автоматически, без прямого участия пользователя [32, с. 230]. Облачные вычисления отличаются пятью ключевыми аспектами: самообслуживание по требованию, широкий доступ к сети, объединение ресурсов [33, р. 47], быстрая эластичность и измеряемый сервис [34, р. 264]. Эти характеристики позволяют организациям совместно использовать ресурсы, гибко масштабировать их, приобретать и оплачивать ресурсы по требованию, обеспечивая тем самым многочисленные преимущества для управления бизнесом и минимизируя затраты. Облачные вычисления позволяют организациям постоянно совершенствовать свои стратегические возможности, одновременно снижая сложность бизнес- и ИТ-функций, что помогает им конкурировать на современном динамичном рынке. По прогнозам Gartner, в 2025 г. более 95 % новых цифровых рабочих нагрузок будет развертываться на облачных платформах, что значительно больше, чем это было в 2021 г.⁶ Согласно ежегодному отчету Cloud Native Computing Foundation (CNCF) за 2023 г., 66 % респондентов заявили,

что их организация уже использует облачные нативные технологии⁷. Такой стремительный рост рынка облачных вычислений привлек значительное внимание как научных, так и промышленных кругов.

В частности, облачные вычисления дают значительные преимущества для обнаружения мошенничества с кредитными картами с различных точек зрения, включая экономию средств и предоставление вычислительных мощностей. В облачных вычислениях нет ограничений на память, вычисления или хранение данных, поскольку в качестве ресурсов выступают крупные центры обработки данных. Все более широкое использование небольших устройств для обнаружения мошенничества с кредитными картами поднимает интригующие исследовательские вопросы об эффективности переноса вычислений в облако для разработки новых легких решений и алгоритмов для удаленных устройств. Кроме того, использование облачной архитектуры и повторное использование облачных интеллектуальных сервисов и инфраструктур может повысить эффективность обнаружения мошенничества с кредитными картами. Очень немногие исследования посвящены облачным вычислениям для обнаружения мошенничества с кредитными картами, что открывает несколько направлений исследований в этой области, таких как использование облаков для сбора и хранения данных о клиентах, а также вычислений и моделей искусственного интеллекта, размещенных в облаке. Кроме того, объединение разнородных источников, данных и обеспечение совместимости между несколькими организациями может повысить эффективность обнаружения мошенничества в режиме реального времени.

В будущих исследованиях можно изучить объединенное машинное обучение и использование облачных / краевых вычислений для моделирования проблемы обнаружения мошенничества с кредитными картами в виде распределенной системы машинного обучения, которая включает множество разнородных наборов данных из нескольких банков, сохраняя при этом конфиденциальность данных о держателях карт. Этот подход позволяет использовать распределенную природу облачных и краевых вычислений для локальной обработки данных, уменьшая задержки и повышая конфиденциальность. Интегрируя данные из различных источников и используя передовые методы машинного обучения, эта система может обеспечить более точное и своевременное обнаружение мошенничества,

⁶ Gartner says cloud will be the Centerpiece of new digital experiences. Gartner. 10.11.2021. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-11-10-gartner-says-cloud-will-be-the-centerpiece-of-new-digital-experiences> (accessed 3 May 2025).

⁷ Cloud native 2023: The undisputed infrastructure of global technology. URL: <https://www.cncf.io/reports/cncf-annual-survey-2023/> (accessed 3 May 2025).

в конечном итоге защищая финансовые учреждения и потребителей от мошеннических действий.

Таким образом, интеграция облачных технологий в систему обнаружения мошенничества с кредитными картами открывает перспективные возможности для повышения эффективности и результативности систем обнаружения мошенничества. Решив открытые исследовательские вопросы и изучив потенциал объединенного машинного обучения и облачных / краевых вычислений, эта область может добиться значительных успехов в борьбе с мошенничеством с кредитными картами и обеспечении безопасности финансовых операций. Однако, помимо облачных технологий, современная финансовая экосистема испытывает трансформационное влияние еще одного технологического прорыва.

Расцвет технологии Интернета вещей (IoT) катализирует глобальные изменения парадигмы в сфере платежей по кредитным картам, вызывая значительные метаморфозы в глобальном секторе финансовых услуг. Цифровые платежи переживают стремительную эволюцию, чему способствуют растущий потребительский спрос на удобные, взаимосвязанные платежные решения и прилив современных инновационных технологий. Помимо все более совершенных технологий анализа данных, искусственного интеллекта и облачных архитектур, одной из наиболее разрушительных технологий, оказывающих влияние на индустрию кредитных карт, является IoT. Экосистема IoT развивается ускоренными темпами, обеспечивая значительный рост во многих областях [35, р. 112]. По прогнозам, в ближайшее десятилетие она будет развиваться по экспоненте⁸. По данным Statista, в 2025 г. мировые расходы на технологию IoT могут достичь 342,5 млрд долларов, причем финансовые услуги являются одним из секторов, наиболее тесно связанных с их внедрением⁹.

За последнее десятилетие каждый смартфон превратился в потенциальный инструмент для совершения покупок. В ближайшем будущем все устройства должны стать платформами для приобретения товаров и услуг. Это привело к появлению концепции Интернета платежей (Internet of Payments, IoP)¹⁰. Хотя эта терминология остается относительно неизученной в научных кругах, она набирает обороты в промышленном контексте благодаря

сотрудничеству с производителями IoT. Mastercard и Visa являются «пионерами» в области IoP-услуг, предлагают различным организациям новые решения, направленные на обеспечение бесперебойных карточных платежей через устройства, подключенные к IoT. Этому способствуют носимые IoT-устройства, которые заменяют традиционную кредитную карту.

IoP проникает в огромное количество аспектов нашей повседневной экономической и социальной деятельности. Пандемия COVID-19 увеличила объем онлайн-транзакций и побудила многих потребителей перейти на обслуживание к онлайн-провайдерам, что привело к росту платежей через IoT-устройства и мобильные телефоны [36, р. 3414].

Стремительное распространение мобильных и IoT-сервисов финансовых платежей не только обеспечило удобство и эффективность для потребителей, но и создало дополнительные скрытые риски мошенничества. Запутанные сети, лежащие в основе этих услуг, могут стать питательной средой для мошеннических действий, совершаемых преступниками. Управление и снижение риска мошенничества становится все более сложной задачей, т. к. частота мошеннических действий возрастает, что приводит к значительным денежным потерям коммерческих банков и финансовых учреждений.

Возможные направления будущих исследований могут включать рассмотрение гибридных наборов данных, объединяющих как транзакционные данные, так и внешние данные, собранные с IoT-устройств. Значительный прогресс может принести разработка новых системных конструкций и методик обучения с использованием данных, собранных с IoT-устройств. Кроме того, биометрические поведенческие данные, собранные с IoT-устройств, могут быть использованы для аутентификации пользователей и предотвращения мошеннических операций. Следовательно, изучение новых моделей обнаружения и аутентификации необходимо для решения проблемы мошенничества с кредитными картами в эпоху IoT.

Заключение

Пересечение IoT и операций с кредитными картами представляет собой сложную и многогранную проблему, требующую применения передовых научных методологий и технологий. Благодаря интеграции

⁸ 60+ Amazing IoT Statistics (2024–2030). URL: <https://explodingtopics.com/blog/iot-stats> (accessed 3 May 2025).

⁹ State of IoT 2024: Number of connected IoT devices growing 13% to 18.8 billion globally. URL: <https://iot-analytics.com/number-connected-iot-devices/>; Naveen Kumar. Internet of Things (IoT) Statistics: Market & Growth Data. 05.07.2025. URL: <https://www.demandsage.com/internet-of-things-statistics/> (accessed 3 May 2025).

¹⁰ SEALSQ integrates internet of payment (IoP) in next-generation IoT-enabled semiconductors, revolutionizing connected commerce. URL: <https://www.sealsq.com/investors/news-releases/sealsq-integrates-internet-of-payment-iop-in-next-generation-iot-enabled-semiconductors-revolutionizing-connected-commerce> (accessed 3 May 2025).

гибридных наборов данных, использованию биометрических поведенческих данных и разработке инновационных систем финансовый сектор может расширить свои возможности по выявлению и смягчению последствий мошеннических действий, тем самым обеспечивая целостность глобальной финансовой экосистемы. В этом контексте особенно актуальным становится утверждение исследователя И. С. Лукинского о том, что в эпоху промышленной революции использование открывающихся перспектив при одновременном решении возникающих проблем будет играть существенную роль в дальнейшем развитии возможностей раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [37, с. 510].

Таким образом, развитие технологий IoT и финансовых, основанных на данных, оказывает серьезное влияние на повседневную жизнь и поведение клиентов. Цифровые платежи быстро распространяются и приобретают все большее значение, в основном после пандемии COVID-19.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Liu W., Wang X., Peng W. State of the art: Secure mobile payment. *IEEE Access*, 2020, 8: 13898–13914. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2963480>
2. Сумина А. В. Возможности искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: региональные аспекты: Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 27 октября 2023 г.)* Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 179–181. [Sumina A. V. Possibilities of artificial intelligence in the detection, investigation, and prevention of crimes. *Actual problems of law and law enforcement activity: Regional aspects: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 27 Oct 2023. Krasnodar: Krasnodar University of the MIA of Russia, 2024, 179–181. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/uxcvqr>
3. Сумина А. В. Внедрение информационных технологий в правоохранительную деятельность: возможности искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. *Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 18 апреля 2024 г.)* М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 266–268. [Sumina A. V. Introduction of information technology in law enforcement: The possibilities of artificial intelligence in the detection, investigation, and prevention of crime. *Information technology in the activities of internal affairs: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 18 Apr 2024. Moscow: V. Y. Kikotya Moscow University of the MIA of the Russian Federation, 2024, 266–268. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/hwnxbv>
4. Васильева Ю. Д., Сумина А. В. Использование искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности: потенциальные возможности применения для раскрытия и расследования преступлений. *Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: Всерос. науч.-практ. конф. (Старотеряево, 12 апреля 2024 г.)* М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 547–551. [Vasilieva Y. D., Sumina A. V. Artificial intelligence in law enforcement: Potential applications for crime detection and investigation. *Law, society, and state: Problems of history, theory, and practice: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 12 Apr 2024. Staroteryaev: V. Y. Kikotya Moscow University of the MIA of Russia, 2024, 547–551. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/qmfdx>
5. Абдурагимова Т. И. Раскрытие и расследование изготовления, сбыта и использования поддельных кредитных и расчетных пластиковых карт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 201 с. [Abduragimova T. I. *Disclosure and investigation of manufacturing, sale, and use of counterfeit credit and settlement plastic cards*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2001, 201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nntouz>
6. Сучкова Е. А. Исследование личности преступника в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей. *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*. 2024. № 3. С. 258–265. [Suchkova E. A. Investigation of the identity of the perpetrator in the course of investigation of illegal circulation of means of payment. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lukyanov*, 2024, (3): 258–265. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cvztf>
7. Филиппов М. Н. Методика расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2015. № 5. С. 26–30. [Filippov M. N. Technique of investigation of thefts and frauds, committed with the use of credit cards of bank details. *Vedomosti penal-executive system*, 2015, (5): 26–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uygmnj>

8. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике. М.: Проспект, 2022. 176 с. [Meshcheryakov V. A. *Theoretical foundations of the mechanism of trace formation in digital forensics*. Moscow: Prospect, 2022, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ejfpkb>
9. Al Hashedi K. G., Magalingam P. Financial fraud detection applying data mining techniques: A comprehensive review from 2009 to 2019. *Computer Science Review*, 2021, 40. <https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2021.100402>
10. Yvan Lucas, Johannes Jurgovsky. Credit card fraud detection using machine learning: A survey. *arXiv*, 2020. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2010.06479>
11. Popat R., Chaudhary J. A survey on credit card fraud detection using machine learning. *2018 2nd International conference on trends in electronics and informatics (ICOEI)*: Proc. Conf., Tirunelveli, 11–12 May 2018. IEEE, 2018, 1120–1125. <https://doi.org/10.1109/ICOEI.2018.8553963>
12. Kanika, Singla J. A survey of deep learning based online transactions fraud detection systems. *2020 International conference on intelligent engineering and management (ICIEM)*: Proc. Conf., London, 17–19 Jun 2020. IEEE, 2020, 130–136. <https://doi.org/10.1109/ICIEM48762.2020.9160200>
13. Mittal S., Tyagi S. Computational techniques for real-time credit card fraud detection. *Handbook of computer networks and cyber security*, eds. Gupta B., Perez G., Agrawal D., Gupta D. Cham: Springer, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22277-2_26
14. Singh A., Jain A. An empirical study of AML approach for credit card fraud detection–financial transactions. *International Journal of Computers Communications & Control*, 2019, 14(6): 670–690. <https://doi.org/10.15837/ijccc.2019.6.3498>
15. DiGabriele J., Heitger L., Riley R. A synthesis of non-fraud forensic accounting research. *Journal of Forensic Accounting Research*, 2020, 5(1): 257–277. <https://doi.org/10.2308/JFAR-19-034>
16. Hossein Motlagh N. *Near field communication (NFC) – A technical overview*. Dr. Diss. 2012, 73. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.1232.0720>
17. Vishwakarma P. P., Tripathy A. K., Vemuru S. Fraud detection in NFC-enabled mobile payments: A comparative analysis. *Innovative data communication technologies and application*, eds. Raj J. S., Iliyasu A. M., Bestak R., Baig Z. A. Singapore: Springer, 2021, vol. 59, 397–403. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9651-3_34
18. Pasquet M., Gerbaix S. The complexity of security studies in NFC payment system. *Australian information security management conference*: Proc. 8 Conf., Perth, 30 Nov 2010. Pert: Cowan University, 2010, 95–101. <https://doi.org/10.4225/75/57b674cb34783>
19. Лукинский И. С., Горшнева И. А. Промт-инжиниринг в образовательном процессе и научной деятельности или к вопросу о необходимости обучения работе с искусственным интеллектом. *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2024. № 4. С. 148–154. [Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A. Promt engineering in the educational process and scientific activity or to the question of the necessity of training to work with artificial intelligence. *Psychology and pedagogy of service activity*, 2024, (4): 148–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-4-148-154>
20. Мирончук В. А., Золкин А. Л., Батищев А. В., Урусова А. Б. Интеграция больших данных и аналитических возможностей в современные системы поддержки принятия решений. *Вестник Академии знаний*. 2023. № 5. С. 227–230. [Mironchuk V. A., Zolkin A. L., Batishchev A. V., Urusova A. B. Integration of big data and analytical capabilities into modern decision support systems. *Vestnik of the Academy of Knowledge*, 2023, (5): 227–230. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/decrqv>
21. Doko F., Miskovski I. An overview of big data analytics in banking: Approaches, challenges and issues. *UBT international conference*. 2019, 11–17. URL: <https://knowledgecenter.ubt-uni.net/conference/2019/events/270> (accessed 3 May 2025).
22. Laney D. 3D data management: Controlling data volume, velocity and variety. *META Group Research*. 2001. URL: <https://diegonogare.net/wp-content/uploads/2020/08/3D-Data-Management-Controlling-Data-Volume-Velocity-and-Variety.pdf> (accessed 3 May 2025).
23. Schroock M., Shockley R., Smart J. *Analytics: The real-world use of big data: How innovative enterprises extract value from uncertain data, Executive Report*. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/315786855_Analytics_the_real-world_use_of_big_data_How_innovative_enterprises_extract_value_from_uncertain_data_Executive_Report (accessed 13 May 2025).
24. Gandomi A., Haider M. Beyond the hype: Big data concepts, methods, and analytics. *International Journal of Information Management*, 2015, 35(2): 137–144. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2014.10.007>
25. Jeffrey Dean, Sanjay Ghemawat. MapReduce: Simplified data processing on large clusters. *Communications of the ACM*, 2008, 51(1): 107–113. <https://doi.org/10.1145/1327452.1327492>

26. Nawsher Khan, Ibrar Yaqoob, Ibrahim Abaker Targio Hashem, Zakira Inayat, Waleed Kamaleldin Mahmoud Ali, Muhammad Alam, Muhammad Shiraz, Abdullah Gani. Big Data: Survey, technologies, opportunities, and challenges. *The Scientific World Journal*, 2014, 2014(1): 1–18. <https://doi.org/10.1155/2014/712826>
27. Dean J., Ghemawat S. MapReduce: A flexible data processing tool. *Communications of the ACM*, 2019, 53(1): 72–77. <https://doi.org/10.1145/1629175.1629198>
28. Shvachko K. V., Kuang H., Radia S. R., Chansler R. J. The hadoop distributed file system. *2010 IEEE 26th Symposium on mass storage systems and technologies (MSST)*: Proc. Conf., Incline Village, NV, 3–7 May 2010. IEEE, 2010, 1–10. <https://doi.org/10.1109/MSST.2010.5496972>
29. Vavilapalli V. K., Murthy A. C., Douglas C., Agarwal S., Konar M., Evans R., Graves T., Lowe J., Shah H., Seth S., Saha B., Curino C., O’Malley O., Radia S., Reed B., Baldeschwieler E. Apache Hadoop YARN: Yet another resource negotiator. *SOCC ’13: ACMsymposium on cloud computing*: Proc. Conf., California, 1–3 Oct 2013. NY: Association for Computing Machinery, 2013, 1–16. <https://doi.org/10.1145/2523616.2523633>
30. Madhavi A., Sivaramireddy T. Real-Time credit card fraud detection using spark framework. *Machine learning technologies and applications*, eds. Kiran Mai C., Brahmananda Reddy A., Srujan Raju K. Springer, 2021, 287–298. https://doi.org/10.1007/978-981-33-4046-6_28
31. Zhou H., Sun G., Fu S., Wang L., Hu J., Gao Y. Internet financial fraud detection based on a distributed big data approach with Node2vec. *IEEE Access*, 2021, 9: 43378–43386. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3062467>
32. Мирончук В. А., Золкин А. Л., Мекшенева Ж. В., Поскряков И. А. Современные компьютерные системы поддержки принятия решений. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023. № 4. С. 228–231. [Mironchuk V. A., Zolkin A. L., Meksheneva Zh. V., Poskryakov I. A. Modern computer decision support systems. *Natural and Humanitarian Research*, 2023, (4): 228–231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ebeeck>
33. Wischik D., Handley M., Braun M. B. The resource pooling principle. *ACM SIGCOMM Computer Communication Review*, 2008, 38(5): 47–52. <https://doi.org/10.1145/1452335.1452342>
34. Galante G., de Bona L. C. E. A survey on cloud computing elasticity. *2012 IEEE fifth international conference on utility and cloud computing*: Proc. Conf., Chicago, 5–8 Nov 2012. IEEE, 2012, 263–270. <https://doi.org/10.1109/UCC.2012.30>
35. Kumari P., Mishra S. P. Analysis of credit card fraud detection using fusion classifiers. *Computational intelligence in data mining*, eds. Behera H., Nayak J., Naik B., Abraham A. Singapore: Springer, 2019, vol. 711, 111–122. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8055-5_11
36. Wiścicka-Fernando M. The use of mobile technologies in online shopping during the covid-19 pandemic – an empirical study. *Procedia Computer Science*, 2021, 192: 3413–3422. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.09.114>
37. Лукинский И. С. Типология промышленных революций и их классификаций через призму инноваций в области технико-криминалистического обеспечения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 4. С. 505–511. [Lukinsky I. S. Typology of industrial revolutions and their classifications through the prism of innovations in the field of technical and forensic support. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(4): 505–511. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-4-505-511>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jkatfr>

Размышления о присягах в уголовном процессе: стоит ли возвращаться к «царскому» инструментарию?

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8295-9884

<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена размышлениям о присягах в уголовном процессе. Цель – рассмотреть вопрос о возможности более активного использования потенциала присяг как традиционно признаваемых гарантий благонадежности намерений участников уголовно-процессуальной деятельности, в том числе их ответственного отношения к исполнению своих обязанностей, правдивости и непредвзятости сообщаемых сведений. В этой связи выявляются причины отсутствия подобных гарантий в уголовном судопроизводстве современной России – они усматриваются в обстоятельствах возникновения раннесоветской системы уголовной юстиции, обусловленных отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе присяг, прежде используемых в судопроизводстве Российской Империи, а затем замененных механизмами предупреждений свидетелей, экспертов и других лиц об уголовной ответственности. Подобные предупреждения оцениваются как плохо согласующиеся с известным принципом презумпции знания уголовного закона. В результате приводятся аргументы, исключающие возможность полной реставрации дореволюционных религиозных присяг. Вместе с тем сама по себе практика использования тождественных присяг оценивается как имеющая весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению с предупреждениями об уголовной ответственности. В этой связи законодателю предлагается задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, то есть исключающей религиозную направленность, форме. Одновременно говорится о разумности перевода предупреждений об уголовной ответственности в разряд дискреционных полномочий дознавателей, следователей, судей для использования в тактических целях, то есть по собственному усмотрению.

Ключевые слова: дача заведомо ложных показаний, заведомо ложное заключение эксперта, отказ от дачи показаний, подписка свидетеля, подписка эксперта, предупреждение об уголовной ответственности, присяга, судебная клятва

Цитирование: Россинский С. Б. Размышления о присягах в уголовном процессе: стоит ли возвращаться к «царскому» инструментарию? *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 462–471. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-462-471>

Поступила в редакцию 11.07.2025. Принята после рецензирования 04.08.2025. Принята в печать 04.08.2025.

full article

Oaths in Criminal Procedure: Back to Tsarist Tools?

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8295-9884

<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: In criminal proceedings, oaths traditionally guaranteed the reliability and true intentions of court participants, including responsible attitude to their duties and the truthfulness and objectivity of the information they provided. However, they are absent from the modern criminal proceedings. The Russian Empire employed oaths as part of criminal proceedings and trials, but the early Soviet criminal justice system denied any religious rites in the activities of state bodies and replaced oaths with criminal liability warnings, i.e., a penal notice, to witnesses, experts, and other participants. Today, such warnings seem poorly consistent with the principle of presumption of knowledge of the criminal law. Yet, the pre-revolutionary religious oaths cannot be fully restored. However, the practice of using identical oaths has a very high preventive potential, which exceeds that of penal notice.

If modified and secularized, such legal guarantees may find their way back to the sphere of criminal proceedings and trials. As for criminal liability warnings and penal notices, they should be the category of discretionary powers of inquiries, investigators, and judges to be used for tactical purposes at their own discretion.

Keywords: giving knowingly false testimony, knowingly false expert opinion, refusal to testify, witness signature, expert signature, warning of criminal liability, oath, judicial oath

Citation: Rossinskiy S. B. Oaths in Criminal Procedure: Back to Tsarist Tools? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 462–471. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-462-471>

Received 11 Jul 2025. Accepted after review 4 Aug 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

В чем смысл присяги как одного из способов обеспечения доброкачественности результатов уголовно-процессуальной деятельности? Каково ее значение для успешного решения стоящих перед уголовной юстицией задач?

Исходя из содержания имеющейся в нашем распоряжении информации историко-правового характера, можно с уверенностью констатировать, что различные присяги, клятвы, адъюрации и тому подобные торжественные обещания с незапамятных времен признавались вполне пригодными к использованию, зачастую даже приоритетными гарантиями благонадежности намерений участников уголовного судопроизводства, в том числе их ответственного отношения к исполнению своих обязанностей, правдивости и непредвзятости сообщаемых сведений. Данные приемы были востребованы еще у народов Древнего Востока, в античных государствах, в иных странах Древнего мира. Они же широко использовались в период Средневековья, являлись достаточно распространенными способами установления обстоятельств случившегося в присущих европейским княжествам и монархиям частноисковых формах уголовного правосудия. Тогда же стали активно применяться компургации – очистительные присяги (клятвы), предполагающие «снятие» с человека обвинения путем его клятвенного заверения в своей невиновности. Однако наибольшую популярность таких приемов обычно связывают с инквизиционным типом судопроизводства – именно тогда, в эпоху позднего феодализма и абсолютизма, они начали признаваться имеющими особое значение формальными гарантиями юридического превалирования одних доказательств, главным образом показаний, над другими. Присяги сохранились и в более поздних формах уголовного правосудия – остались свойственны и состязательным, и смешанным порядкам процессуальной деятельности, в том числе предусмотрены законодательством целого ряда современных государств со сложившимися правовыми традициями и развитыми правовыми системами в целом и системами уголовной юстиции

в частности. Правда на сегодняшний день присягам придается уже несколько иной смысл, а их процессуальная роль является уже не такой заметной.

Некогда существовавшие на территории нашей страны механизмы расследования и судебного разбирательства уголовных дел тоже не являлись исключениями. Упоминания о различных судебных присягах и клятвах (в первую очередь так называемых ротах) можно встретить и в Русской Правде, и в известных средневековых Судных грамотах, и в обоих Судебниках Московского централизованного государства, и в Соборном уложении 1649 г., и в положениях уголовно-процессуального права Российской Империи. Однако в дальнейшем, после Октябрьской революции подобные процессуальные гарантии были признаны неприемлемыми. Ни в РСФСР, ни в других союзных республиках они не использовались, а на сегодняшний день были возвращены лишь для обеспечения некоторой ритуальности участия граждан – присяжных заседателей в осуществлении правосудия.

В этой связи в настоящее время не лишенными актуальности видятся вопросы о возвращении присяг и в другие механизмы уголовного судопроизводства, в первую очередь связанные с необходимостью обеспечения благонадежности и правдивости показаний, экспертных заключений и другой доказательственной информации верbalного характера.

Цель исследования – рассмотреть вопрос о возможности более активного использования потенциала присяг как традиционно признаваемых гарантий благонадежности намерений участников уголовно-процессуальной деятельности, в том числе их ответственного отношения к исполнению своих обязанностей, правдивости и непредвзятости сообщаемых сведений.

Методы и материалы

Проведенное исследование основано на изучении ряда доктринальных источников по теории и истории государства и права, а также уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике.

Кроме того, подробно проанализированы положения законодательства Российской Империи, РСФСР, действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), некоторые источники зарубежного права в сфере уголовной юстиции и т.д.

Содержание и результаты проведенных изысканий предопределены диалектическим подходом к познанию реальности, предполагающим изучение и осмысление подлежащих исследованию проблем в своем развитии. В качестве общеначальных использовались методы системного анализа, описания, сравнения, а также дедукции, индукции, абдукции, анализа и синтеза, позволившие осознать непроработанность поднимаемых в статье вопросов и наметить направления предпринимаемых доктринальных поисков. Для выявления причин упразднения присяг как гарантий обеспечения правдивости и благонадежности доказательственной информации вербального характера, для определения путей разрешения некоторых наблюдаемых в этой связи практических проблем были применены специальные методы научного исследования: историко-правовой, формально-юридический, социолого-правовой, компаративистский (метод сравнительного правоведения) и др.

Результаты

Метаморфозы гарантий доброкачественности вербальных средств уголовно-процессуального доказывания: от религиозных присяг к предупреждениям об ответственности

Традиционно считаясь вполне пригодными к использованию в качестве гарантий доброкачественности средств доказывания, присяги и тому подобные торжественные обещания были присущи русскому уголовному правосудию, начиная с глубокой древности. В дальнейшем они сохранились и в уголовном судопроизводстве Российской Империи, до 1864 г. состоящем в совокупности механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел, предусмотренных архаичными нормами Соборного уложения 1649 г. и ряда принятых в периоды правления Петра I, Екатерины II, Александра I [1, с. 127; 2, с. 238] инструктивных документов, а с 1835 г. – положениями унифицированного Свода законов [3, с. 179].

В частности, присяги активно использовались для обеспечения качества, в первую очередь юридического совершенства, результатов формально-следственных (проводимых в ходе формального следствия) и судебных допросов свидетелей, включая так называемых сведущих людей (в современной

terminологии – экспертов). Но многие социальные группы в силу некоторых (далеко не самых справедливых) причин к свидетельству под присягой не допускались. Тогда как для обвиняемых (подсудимых) предусматривались упомянутые выше очистительные присяги. Они считались несовершенными средствами доказывания, а прибегать к их помощи позволялось лишь в случаях невозможности изобличения или оправдания человека путем использования других доказательств. Одновременно рекомендовалось относиться к очистительным присягам с большой осторожностью, не добиваясь от обвиняемых подобных заверений посредством принуждения.

В соответствии с положениями гл. 7 разд. 4 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. (УУС)¹ основной гарантией правдивости свидетельских показаний и объяснений сведущих лиц также признавалась религиозная присяга, даваемая лицами в соответствии с обрядами их вероисповеданий. Лица, исповедующие православие, приводились к присяге священником – ему предписывалось зачитывать клятвенное обещание религиозного характера, а свидетелю (сведущему лицу) – прикладываться к кресту, евангелию и вслух произносить: *Клянусь. Иных верующих – католиков, лютеран, иудеев, мусульман и пр. – надлежало приводить к присяге согласно догматам и обрядам исповедуемых ими религий*, для чего следовало приглашать соответствующих духовных лиц; в случае отсутствия таковых приведение «иноверца» к присяге поручалось председателю суда. Правда к использованию подобных гарантий были предрасположены далеко не все свидетели. Законом предусматривалось достаточно много специальных субъектов, не допускаемых к свидетельству под присягой. Священнослужители и христианские монахи, напротив, освобождались от присяги. Лицам, «принадлежащим к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги»², вместо нее позволялось давать обещание «показывать всю правду по чистой совести»³ и т.д. В любом случае перед допросом председателю суда в соответствии со ст. 716 УУС надлежало напомнить про ответственность «за лживые показания» (объяснения), но лишь напомнить, не разъясняя соответствующих положений уголовного закона и не прибегая к получению каких-либо подписок. А для предварительного следствия ни присяг, ни напоминаний об уголовной ответственности по общему правилу просто не предусматривалось – согласно ст. 442 УУС судебному следователю предписывалось приводить

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской Империи от 20.11.1864. ИПП Гарант.

² Там же.

³ Там же.

свидетеля к присяге лишь в случаях перспективы его длительного отсутствия в месте производства по уголовному делу либо постоянного проживания вдали от места нахождения суда, а также ввиду наличия у него заболевания с реальной возможностью достаточно скорого смертельного исхода.

Известные революционные потрясения 1917 г., приведшие к возникновению Советской России, предопределили закономерный отказ от использования религиозных присяг и тому подобных способов обеспечения достоверности необходимых для нужд юстиции, в том числе уголовной юстиции, сведений. В принципе сформированное после Октябрьской революции рабоче-крестьянское правительство вовсе не стремилось к незамедлительному упразднению прежних, особо не противоречащих новой парадигме государственного управления механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Напротив, ответственные за формирование раннесоветской системы уголовной юстиции (до весны 1918 г. – преимущественно представители левоэсеровской партии [4, с. 164], а затем – члены РСДРП(б) с дореволюционным юридическим прошлым [5, с. 38]) постарались обеспечить максимально возможную преемственность вводимых правил по отношению к хорошо апробированным и достаточно прогрессивным для своего времени положениям «царского» законодательства. Вместе с тем сохранение религиозных присяг ввиду понятных причин не было возможным ни при каких условиях.

Поэтому уже в ст. 14 принятого ВЦИКом в феврале 1918 г. известного Декрета о суде № 2 предписывалось отменить любые присяги, а достоверность свидетельских показаний обеспечивать предварением (в современной терминологии – предупреждением) об ответственности за ложность сообщаемых сведений. Позднее эти же идеи нашли отражение в положениях «пробного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и принятого менее чем через год «обновленного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (УПК РСФСР 1923 г.)⁴. Так, в соответствии со статьями 164 и 274 УПК РСФСР 1923 г. народному следователю или председательствующему в судебном заседании предписывалось, приступая к допросу свидетеля, помимо прочего, предупреждать вызванное лицо об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, о чем отбирать у него подпись; в ст. 170 УПК РСФСР 1923 г. схожие требования

(только без необходимости получения подписки) устанавливались и в части назначения судебной экспертизы.

В дальнейшем эти же требования в несколько измененном виде нашли отражение в положениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (УПК РСФСР 1960 г.)⁵. Согласно ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 287 УПК РСФСР 1960 г., приступая к допросу достигшего 16-летнего возраста свидетеля (потерпевшего), надлежало предупреждать его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за отказ либо уклонение от дачи показаний – данные факты также надлежало фиксировать посредством соответствующих подписок, подлежащих изложению в протоколах следственных действий либо приобщаемых к материалам судебных заседаний самостоятельных документах. В соответствии с ч. 2 ст. 134 и ч. 2 ст. 269 УПК РСФСР 1960 г. схожие «ритуалы» предусматривались в части обеспечения должной работы переводчика, а в соответствии с ч. 2 ст. 139 УПК РСФСР 1960 г. – для обеспечения режима неразглашения данных предварительного следствия. Кроме того, близкими предписаниями обременялись процедуры назначения судебных экспертиз. В соответствии с ч. 2 ст. 187 и ч. 2 ст. 189 УПК РСФСР 1960 г. эксперта надлежало предупреждать об ответственности за заведомо ложное заключение: при проведении исследований в судебно-экспертном учреждении данная обязанность возлагалась на его руководителя, тогда как при назначении экспертизы «частному», т. е. не работающему в судебно-экспертном учреждении лицу – на самого следователя (иного вынесшего соответствующее постановление субъекта). В УПК РСФСР 1960 г. прямо не говорилось об обязанности эксперта давать соответствующую подпись. Однако подобные требования стали усматриваться практическими работниками из смысла закона. По крайней мере, повсеместно используемые в практике последних лет применения позднесоветского уголовно-процессуального законодательства стандартизованные шаблоны экспертных заключений предполагали располагаемую во вводной части подпись эксперта о разъяснении ему прав, обязанностей и предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения⁶.

Таким образом, причины, некогда побудившие к введению в сферу уголовно-процессуального регулирования требований о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов, прочих участников

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: <http://museumreforms.ru/node/13986> (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). СПС КонсультантПлюс.

⁶ Автору настоящей статьи, проходившему в конце 1990-х гг. службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы), приходилось работать с множеством подобных документов.

досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности за определенные преступления против правосудия, были напрямую связаны с атеистическим характером советской идеологии, с отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе используемых ранее свидетельских присяг. Правда начиная с 1960-х гг. в юридической литературе стали вновь обсуждаться идеи о возможности использования присяг как гарантий достоверности необходимых для нужд уголовной юстиции сведений. Так, еще в 1969 г. Г. З. Анашкян указал на потребность приведения свидетелей к государственной присяге [6, с. 37]. Несколько позднее М. Х. Хабибуллин посчитал разумным придавать процедурам предупреждения об уголовной ответственности большую торжественность либо вообще заменить их присягами или клятвами – в целях позитивного психологического воздействия на свидетелей (потерпевших), побуждения указанных лиц к подлинному осознанию всей важности сообщаемых ими сведений [7, с. 143]. О целесообразности замены присягами предупреждений об уголовной ответственности «профессиональных» экспертов, т.е. сотрудников судебно-экспертных учреждений, неоднократно писали Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская и другие ученые-криминалисты [8, с. 615–616; 9, с. 127].

Предупреждение об уголовной ответственности как современный суррогат уголовно-процессуальной присяги

На сегодняшний день именно предупреждения об уголовной ответственности остаются главными «заменителями» используемых ранее уголовно-процессуальных присяг – являются наиболее известными процессуально-профилактическими мерами, применяемыми к различным участникам досудебного либо судебного производства в целях предотвращения отказа или уклонения от надлежащего исполнения ими своих обязанностей, в первую очередь недопущения совершения преступлений против правосудия, предусмотренных рядом статей, включенных в гл. 31 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)⁷. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 141 и ч. 6 ст. 318 УПК РФ заявителя надлежит предупреждать об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). В силу ч. 5 ст. 164 УПК РФ, находящейся в системном единстве с ч. 1 ст. 189 УПК РФ, участвующих в верbalных следственных действиях потерпевших и свидетелей предписывается предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи

показаний и дачу заведомо ложных показаний, а переводчиков – за заведомо ложный перевод (статьи 307, 308 УК РФ); исходя из смысла закона, эти же предписания касаются и судебных заседаний по уголовным делам, рассматриваемым в первой либо апелляционной инстанциях. Необходимость предупреждения экспертов об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ) вытекает из совокупного содержания частей 2, 4 ст. 199 и п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, хотя нельзя не обратить внимания на особый, достаточно неопределенный режим доведения указанных сведений до сотрудников государственных экспертных учреждений. А потребность в принятии схожей профилактической меры в отношении специалистов, не будучи формально легализованной в положениях уголовно-процессуального закона, является следствием продуктивной работы Пленума Верховного Суда РФ – в п. 17 постановления Пленума «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)⁸ специалиста рекомендуется допрашивать по правилам допроса свидетеля, в том числе разъяснять предусмотренную ст. 58 УПК РФ ответственность. И, наконец, в соответствии с ч. 3 ст. 161 УПК РФ участников досудебного производства по уголовному делу надлежит предупреждать об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

Все эти процессуально-профилактические меры являются настолько устоявшимися, настолько глубоко укоренившимися в законодательстве и правоохранительной деятельности, что воспринимаются практическими работниками как само собой разумеющиеся. На сегодняшний день вряд ли можно встретить дознавателя, следователя, прокурора, адвоката, сотрудника судебно-экспертного учреждения или судью, сомневающегося в необходимости предупреждения некоторых участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности за совершение определенных преступлений против правосудия. Более того, маловероятно, что кто-либо из них даже задумывается над данными вопросами – обычно такие предупреждения как фрагменты ежедневной процессуальной рутины осуществляются достаточно рефлексорно, машинально, «на автомате», а подчас – и вообще сугубо формально, т.е. посредством беглого и невнятного зачитывания судьей соответствующих положений закона или настоятельных предложений

⁷ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996. СПС КонсультантПлюс.

⁸ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства). Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 19.12.2017. СПС КонсультантПлюс.

следователя (дознавателя) расписаться в специально предусмотренной графе протокола либо в самостоительной подписке о неразглашении данных предварительного расследования. Скорее всего подобные сомнения и раздумья не присущи и подавляющему большинству преподавателей уголовного процесса, и многим ученым-процессуалистам. По крайней мере, такие вопросы, как правило, поднимались и продолжают подниматься лишь в публикациях уголовно-правовой направленности – в связи с рассмотрением проблем квалификации соответствующих преступлений [10, с. 144–146; 11; 12, с. 282; 13, с. 195–204; 14]. Тогда как в уголовно-процессуальной литературе они практически не освещаются – о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов и прочих участников досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности (вариативно – о разъяснении им соответствующих положений УК РФ) обычно заявляется как об аксиоматичной данности [15, с. 168; 16, с. 43; 17, с. 152; 18, с. 697]. И только в некоторых публикациях содержатся отдельные намеки, способствующие распознанию в позициях авторов отношения к подобным предупреждениям (разъяснениям) как к профилактическим упреждениям, направленным на обеспечение правомерного поведения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь объективности сообщаемых ими сведений [19, с. 181–182].

В этой связи возникает ряд закономерных вопросов. Что подтолкнуло явно необремененного советской идеологией, а, напротив, стремившегося (порой слишком сильно и демонстративно) отказаться от всего советского «коллективного законодателя» к сохранению в действующем УПК РФ ранее вытеснивших религиозные присяги требований о предупреждениях участников уголовного судопроизводства об ответственности и получениях соответствующих расписок? Что послужило причиной к расширению подобных требований за счет предписаний о предупреждении заявителей, в том числе потенциальных частных обвинителей, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос? Почему обсуждаемые в научной литературе идеи о возможности возвращения к использованию присяг как гарантий достоверности необходимых для нужд уголовной юстиции сведений не вызвали никакой правотворческой реакции?

По прошествии времени возможности точно и однозначно ответить на все указанные вопросы, наверное, уже не представится – вместо этого придется ограничиться лишь наиболее вероятной гипотезой. По всей видимости, сохранение в действующем законе требований о предупреждениях участников уголовного судопроизводства

об ответственности, т. е. своеобразных суррогатов «заменителей» присяг, стало следствием банального оставления авторами-разработчиками УПК РФ данных вопросов без должного внимания. Вместе с тем подобные предупреждения сами по себе представляются достаточно сомнительными гарантиями обеспечения доброкачественности результатов процессуальной деятельности ввиду очевидных противоречий с принципом презумпции знания уголовного закона.

Предупреждение об уголовной ответственности vs презумпция знания уголовного закона

Установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов, некоторых других лиц об уголовной ответственности, будучи достаточно устоявшимися процессуальными гарантиями, представляются несколько странными. Они плохо согласуются с известным принципом презумпции знания закона в целом и уголовного закона в частности, обычно выражаемым в виде крылатого латинского афоризма *Ignorantia juris neminem excusat* (*Незнание закона не освобождает от ответственности*). Никто не может оправдываться незнанием закона – писал крупный советский правовед А. А. Тилле, – эту известную с незапамятных времен «формулу», продолжал ученый, надлежит осознавать и всякому юристу, и любому не состоящему в юридической корпорации обывателю [20, с. 34]. Схожие взгляды высказывались и другими известными авторами. И действительно, в части прочих правоотношений, в том числе каких-то обыденных, повседневно-жизненных ситуаций справедливость и бесспорность подобного «неписанного» принципа ни у кого не вызывает сомнений – в противном случае можно было бы ожидать его формальное закрепление в положениях Конституции РФ или уголовного закона.

В этой связи вряд ли кому-либо может прийти в голову мысль о потребности в предупреждении любого выходящего из дома человека о недопустимости совершения убийства, кражи, грабежа, разбоя и т. д. (по списку), а садящегося «за руль» автомобилиста – о преступности нарушения правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности тяжкий вред здоровью. Маловероятно, что сотрудники ЗАГСа станут разъяснять вступающим в законный брак молодым людям положения уголовного закона, предусматривающего санкции за домашнее насилие. Едва ли кому-то покажется разумным каждое утро требовать от приходящего на работу чиновника давать подпись об осведомленности об уголовной ответственности за получение взятки, злоупотребление полномочиями, халатность и пр.; еще менее вероятно, что кто-то сочтет необходимым

подвергать таким бессмысленным обременениям сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Однако в отношении свидетелей (потерпевших), экспертов, некоторых иных участников определенных уголовно-процессуальных правоотношений (равно как и гражданско-процессуальных, и ряда других процессуальных правоотношений) почему-то стал использоваться принципиально иной подход – принцип презумпции знания уголовного закона фактически был заменен противоположным принципом презумпции незнания уголовного закона. Причем наиболее вычурными на этом фоне выглядят нормы, закрепленные в ч. 3 ст. 53 и п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, помимо прочего, обязывающие адвокатов-защитников (юристов-профессионалов) давать подписки о разъяснении ответственности за разглашение данных предварительного следствия, а государственных судебных экспертов (экспертов-профессионалов) – ответственности за заведомую ложность экспертного заключения. Да и многие другие предупреждения об уголовной ответственности в реальности становятся не более чем пустыми формальностями. Например, таковыми представляются подобные меры, предпринимаемые в отношении «профессиональных» свидетелей: сотрудников полиции, Росгвардии, ФСБ России и пр. или часто привлекаемых к сотрудничеству переводчиков.

Конечно, презумпцию знания уголовного закона нельзя считать абсолютно универсальной и неопровергимой. Скорее следует согласиться с позициями ученых, предлагавших и продолжающих предлагать ограничивать практическую реализацию данного принципа рядом исключений. Так, еще Н. С. Таганцев в полне справедливо не допускал существования супер-эрудированных людей, в том числе профессиональных юристов, знающих все нюансы «антикриминального» (в терминологии автора – полицейского) законодательства [21, с. 238]. Схожей точки зрения придерживался М. С. Стrogович. Однако ученый в характерном для его публикаций несколько пропагандистском стиле связывал причины ненадлежащего знания населением положений уголовного права свойственными буржуазным странам и не свойственными советскому государству путанностью и неясностью системы законодательства [22, с. 207]. В настоящее время подобных взглядов придерживаются С. С. Тихонова, П. Н. Панченко, В. И. Кузнецов, М. А. Ревазов [23, с. 125–127; 24, с. 228; 25, с. 69–70; 26, с. 16–17].

Вместе с тем предусмотренные статьями 306–308 и 310 УК РФ преступления являются уж слишком «примитивными», а охраняемые ими правоотношения (будучи воплощением известных,

в каком-то смысле даже традиционных для российского общества ценностей) вполне очевидными для понимания абсолютным большинством населения. Вряд ли кто-либо из представителей многонационального народа Российской Федерации не знает (по крайней мере не доглашается) об аморальности лжи, тем более в связи с потенциальной возможностью освобождения от ответственности виновного в каком-либо деянии человека или, наоборот, привлечения к ответственности невиновного. Маловероятно, что в реальности кто-либо может не осознавать неприемлемости отказа от выполнения законных требований государственного органа (должностного лица) либо разглашения вверенной тайны. Все эти признаваемые в основных мировых культурах и религиях «прописные истины», обычно доводимые до людей в процессе родительского, школьного или иного воспитания, хорошо известны каждому, пусть даже самому «неблагополучному» и постоянно игнорирующему подобные каноны члену общества – также хорошо, как и поступаты о недопустимости убийства, изнасилования, кражи и т. п.

Во многом установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов, некоторых других лиц об ответственности направлены не только на устрашение данных субъектов, сколько на их правовое «просвещение» – подразумевают не столько побуждение к опасениям за наступление предусмотренных статьями 306–308 и 310 УК РФ репрессивных (достаточно щадящих) последствий, сколько разъяснение тех конкретных форм аморального поведения в сфере уголовного судопроизводства, которые признаются уголовно-наказуемыми деяниями. Вместе с тем добиться надлежащего эффекта таких предупредительных мер, т. е. обеспечить подлинное понимание среднестатистическими адресатами доводимых до них положений уголовного закона, все равно практически невозможно. Ведь в силу достаточно сложной национальной системы уголовно-правового регулирования, предполагающей возможность применения конкретных норм Особенной части УК РФ лишь в системном единстве с положениями Общей части УК РФ, с учетом имеющихся позиций Пленума Верховного Суда РФ, а иногда – и Конституционного Суда РФ, «рядовые» обыватели, т. е. не имеющие базовой юридической подготовки, порой – даже базового среднего образования дилетанты, просто не в состоянии уразуметь смысл вкратце сообщаемых им сведений. Тогда как для подлинного осознания данных сведений подавляющим большинством потерпевших, свидетелей, других лиц дознавателю, следователю или судье приходилось бы каждый раз превращаться в преподавателя уголовного права и методично знакомить

человека со всеми нюансами квалификации одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 306–308 или 310 УК РФ, и особенностями соответствующей правоприменительной практики. Ввиду понятных причин такие приемы дознавательской, следственной или судебной работы видятся совершенно невозможными.

Заключение

Означает ли все вышесказанное, что на сегодняшний день существует объективная потребность в реставрации предусмотренных дореволюционным законодательством религиозных присяг как гарантий надлежащего исполнения свидетелями (потерпевшими), экспертами, другими участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей? Нет, не означает!

Представляется, что невзирая на проводимую государством достаточно мудрую политику в сфере возрождения церковных ценностей, в России вряд ли когда-нибудь, по крайней мере в обозримом будущем, удастся достигнуть дореволюционного уровня религиозности населения, в частности, большого количества подлинно и глубоко верующих людей. Тем более что установленные Уставом уголовного судопроизводства Российской Империи механизмы были не такими уж безупречными и справедливыми, какими они видятся некоторым ученым-процессуалистам, главным образом представителям так называемой либеральной общественности, привыкшим к демонизации всего советского, в том числе постреволюционных реформ в сфере уголовной юстиции. Например, в соответствии со ст. 707 УУС в случае заявления какой-либо из сторон отвода к свидетельству под присягой не допускались «лишенные по суду всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных»⁹, «евреи – по делам бывших их единоверцев, принявших христианскую веру, и раскольники – по делам лиц, обратившихся из раскола в православие»¹⁰, некоторые другие категории вполне нормальных в современном понимании лиц.

Вместе с тем сама по себе практика использования тюдественных присяг (вариативно – клятв, адьюраций и т.п.) представляется имеющей весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению с предусмотренными действующим уголовно-процессуальным законом предупреждениями об ответственности по статьям 306–308 и 310 УК РФ. Думается, что «коллективному законодателю» надлежит всерьез задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства

(равно как и в сферах иных судопроизводств) подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, т.е. исключающей религиозную направленность, форме. Современные процессуальные клятвы, как пишет В. С. Латыпов, не следует ассоциировать с архаичными крестоцелованиями; такие процедуры, по мнению автора, надлежит проводить в условиях нейтралитета к существующим религиям [27, с. 102].

Например, можно предусмотреть торжественную присягу, связанную с упоминанием любви к Родине, памяти предков, иных общепризнанных ценностей российского общества и подлежащую произнесению в условиях соблюдения каких-либо вытекающих из смысла Конституции РФ светских ритуалов: на фоне Государственного флага РФ, Государственного герба РФ и т.п. Также можно прибегнуть к использованию предполагающих некоторую вариативность механизмов, для чего позаимствовать опыт ныне политически недружественных, но при этом располагающих вполне качественными правовыми системами государств. В частности, в Соединенных Штатах Америки в настоящее время предусмотрена достаточна «гибкая» процедура приведения к присяге, рассчитанная на представителей разных конфессий, атеистов, детей и прочих категорий лиц – каждому свидетелю дозволяется клясться с упоминанием ценностей исповедуемой религии либо давать тюдственные обещания без обращения к таковым. Главное – не допускать ошибку, которую в свое время допустили достаточно далекие от простого народа авторы-разработчики текста торжественной клятвы присяжных заседателей. Ведь содержание ч. 1 ст. 332 УПК РФ не предполагает упоминания признаваемых населением ценностей, т.е. чего-то подлинно «цепляющего», не являющегося для народа «простым звуком» – вместо этого используются какие-то казенные и далеко не всем понятные формулировки типа принятия во внимание всех рассмотренных в суде доказательств, необходимости рассмотрения дела по внутреннему убеждению и пр.

В любом случае для обеспечения надежности подобных процессуальных присяг государству было бы желательно принять дополнительные меры, способствующие повышению уровня правовой культуры населения, пониманию рядовыми обывателями особого значения правосудия и осознанию ими необходимости должного исполнения судопроизводственных запретов и обязанностей, например, предусмотреть подробное рассмотрение соответствующих вопросов на школьных уроках

⁹ Устав уголовного судопроизводства Российской Империи...

¹⁰ Там же.

обществознания и т. п. Кроме того, вполне возможно предусмотреть достаточно суровую уголовную ответственность за нарушение присяги – не за дачу заведомо ложных показаний и другие, предусмотренные статьями 306–308 и 310 УК РФ, деяния, а именно за нарушение присяги.

Одновременно надлежит задуматься о деформализации (об исключении из числа непреложных компонентов процессуальной формы) профилактических предупреждений заявителей, свидетелей, потерпевших, экспертов, некоторых иных участников уголовного судопроизводства об ответственности за совершение соответствующих их правовому положению преступлений против правосудия. Подобные возможности разумнее всего перевести в разряд дискреционных полномочий дознавателей,

следователей, судей, т. е. дозволить им пользоваться такими процессуальными средствами по своему усмотрению в тактических целях – лишь при возникновении потребности в дополнительных аргументах, способствующих побуждению определенных участников уголовного судопроизводства к должному поведению, в первую очередь к сообщению правдивых сведений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Голунский С. А. Право на справедливость. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 608 с. [Golunskiy S. A. *The right to justice*. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 2024, 608. (In Russ.)]
2. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Московский ун-т, 1956. 271 с. [Polyanskiy N. N. *Questions of the theory of soviet criminal procedure*. Moscow: Moscow University, 1956, 271. (In Russ.)]
3. Чучаев А. И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права. *Государство и право*. 2024. № 12. С. 172–185. [Chuchaev A. I. Development of criminal law legislation in the XVIII – first quarter of the XIX century: The struggle for the identity of Russian law. *State and Law*, 2024, (12): 172–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S1026945224120168>
4. Чучаев А. И., Россинский С. Б. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории. *Труды Института государства и права РАН*. 2023. Т. 18. № 6. С. 160–175. [Chuchaev A. I., Rossinskiy S. B. The charter of criminal procedure of the RSFSR of 1918: Lessons of history. *Works of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, 18(6): 160–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev>
5. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия), ред. А. И. Чучаев. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с. [Code of criminal procedure of the RSFSR of 1922 as the first Soviet procedural code: To its 100th anniversary, ed. Chuchaev A. I. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 2023, 216. (In Russ.)]
6. Анашкин Г. З. Актуальные проблемы правосудия в СССР. М.: Знание, 1969. 48 с. [Anashkin G. Z. *Relevant issues of justice in the USSR*. Moscow: Znanie, 1969, 48. (In Russ.)]
7. Хабибуллин М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань: Казанский ун-т, 1975. 161 с. [Khabibullin M. Kh. *Responsibility for knowingly false denunciation and knowingly false testimony under Soviet criminal law*. Kazan: Kazan University, 1975, 161. (In Russ.)]
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-Дана, 2001. 837 с. [Belkin R. S. *Course in criminalistics*. 3rd ed. Moscow: UNITY-Dana, 2001, 837. (In Russ.)]
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном гражданском арбитражном процессе. М.: Право и закон, 1996. 224 с. [Rossinskaya E. R. *Forensic examination in criminal and civil arbitration proceedings*. Moscow: Law and right, 1996, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsbndp>
10. Курс советского уголовного права, ред. А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. М.: Институт государства и права АН СССР, 1971. Т. 6. 559 с. [A course in Soviet criminal law, eds. Piontkovsky A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. Moscow: Institute of State and Law of the AS USSR, 1971, vol. 6, 559. (In Russ.)]
11. Юдущкин С. М. Ответственность за ложный донос. *Советская юстиция*. 1974. № 2. С. 10–14. [Yudushkin S. M. Responsibility for false denunciation. *Soviet justice*, 1974, (2): 10–14. (In Russ.)]
12. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с. [Gorelik A. S., Lobanova L. V. *Crimes against justice*. St. Petersburg: Legal Center Press, 2005, 491. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkiawz>

13. Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: Проспект, 2008. 560 с. [Brilliantov A. V., Kosevich N. R. *Handbook of the judge: Crimes against justice*. Moscow: Prospect, 2008, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwkh>
14. Лобанова Л. В. Значение предупреждения лица об уголовной ответственности для квалификации посягательств, совершенных в сфере правосудия по уголовным делам. *Уголовное право*. 2012. № 3. С. 47–52. [Lobanova L. V. The value of warning a person about the criminal liability for qualification of the crimes against justice in criminal cases. *Criminal Law*, 2012, (3): 47–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oykmrr>
15. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Мн.: Вышэйшая школа, 1973. 367 с. [Porubov N. I. *Interrogation in Soviet criminal proceedings*. Minsk: Higher School, 1973, 367. (In Russ.)]
16. Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Прокуратура СССР, 1977. 166 с. [Sоловьев А. В., Center E. E. *Interrogation during the preliminary investigation*. Moscow: Institute for Advanced Training of Management Personnel of the USSR Prosecutor's Office, 1977, 166. (In Russ.)]
17. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 300 с. [Semenov V. A. *Investigative actions in pre-trial proceedings: General provisions of theory and practice*. Ekaterinburg: Ural State Law Academy, 2006, 300. (In Russ.)]
18. Курс уголовного судопроизводства, ред. Л. В. Головко. М.: Статут, 2016. 1276 с. [A course in criminal proceedings, ed. Golovko L. V. Moscow: Statut, 2016, 1276. (In Russ.)]
19. Шейфер С. А. Следственные действия. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с. [Sheifer S. A. *Investigative actions*. Moscow: Yurlitinform, 2001, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nggudb>
20. Тилле А. А. Презумпция знания законов. *Правоведение*. 1969. № 3. С. 34–39. [Tille A. A. Presumption of knowledge of laws. *Jurisprudence*, 1969, (3): 34–39. (In Russ.)]
21. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. М.: Наука. 1994. Т. 1. 380 с. [Tagantsev N. S. *Russian criminal law*. Moscow: Nauka, 1994, vol. 1, 380. (In Russ.)]
22. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.-Л.: АН СССР, 1947. 276 с. [Strogovich M. S. *The doctrine of material truth in criminal proceedings*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1947, 276. (In Russ.)]
23. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород: Деком, 2008. 244 с. [Tikhonova S. S. *Legal technique in criminal law*. Nizhniy Novgorod: Dekom, 2008, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qraffv>
24. Панченко П. Н. Презумпция знания закона как условие виды и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершаются в сфере экономической деятельности. *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2010. № 2. С. 227–233. [Panchenko P. N. Presumption of the knowledge of law as a condition of guilt and responsibility in the criminal law and its treatment concerning the crimes committed in the economic activity. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, 2010, (2): 227–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/normd>
25. Кузнецов В. И. Презумпция знания закона в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и ее правовые последствия. *Вестник Пермского института ФСИН России*. 2023. № 1. С. 66–73. [Kuznetsov V. I. Presumption of knowledge of the law in criminal proceedings of the Russian Federation and its legal consequences. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*, 2023, (1): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svtej>
26. Ревазов М. А. Презумпция понимания закона его адресатами. *Журнал Конституционного правосудия*. 2024. № 2. С. 15–18. [Revazov M. A. Presumption of understanding the law by its recipients. *Zhurnal Konstitucionnogo pravosudija*, 2024, (2): 15–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2024-2-15-18>
27. Латыпов В. С. Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовойrudiment или недооцененная публично-правовая процедура? *Правовое государство: теория и практика*. 2025. № 1. С. 98–103. [Latypov V. S. The criminal procedural phenomenon of the oath: A legal rudiment or an undervalued public law procedure? *The Rule of Law State: Theory and Practice*, 2025, (1): 98–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.10>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xtjong>

Влияние участников процесса на внутреннее убеждение судьи

Галушко Александр Федорович

Омская областная коллегия адвокатов, Россия, Омск

G_aleksandr@list.ru

Аннотация: Формирование внутреннего убеждения судьи – многогранный когнитивный процесс, на который оказывает влияние совокупность факторов. Внутреннее убеждение, сформированное на основе всестороннего, полного исследования доказательств, является основой для принятия справедливого законного и обоснованного решения. Участники судебного процесса, реализуя свои процессуальные права, стремятся к принятию судом судебного акта в свою пользу, используя различные методы влияния на внутреннее убеждение судьи. Цель – проанализировать влияние участников на процесс формирования внутреннего убеждения судьи, а также рассмотреть, какие действия / бездействие или поведение участников процесса способны оказать влияние. Рассмотрены нормативно-правовые основания, определяющие роль внутреннего убеждения судьи в формировании позиции суда; уточнен круг участников гражданского процесса, оказывающих влияние на внутреннее убеждение судьи; обоснована особая роль адвоката в числе указанных субъектов. Основное внимание уделено проблемным вопросам оценки значимости влияния участников процесса на судейское убеждение, а также выявлению положительных и негативных последствий такого влияния. Обсуждаются установленные нормами Гражданского процессуального кодекса РФ пределы влияния участников процесса на формирование убеждения судьи, возможность (невозможность) и целесообразность (нечелесообразность) введения дополнительных ограничений возможностей оказывать такое влияние. Аргументируются недостатки гражданского процессуального законодательства в части обеспечения возможностей для участников процесса влиять на внутреннее убеждение судьи. Рассматриваются некоторые примеры судебной практики. В результате дается обобщенная правовая оценка состояния законодательства и практики его применения в контексте влияния участников гражданского процесса на убеждение судьи и предлагаются меры по устранению недостатков регулирования.

Ключевые слова: влияние адвоката, внутреннее убеждение судьи, мотивы решения судьи, судейское усмотрение, участники гражданского процесса, формирование внутреннего убеждения судьи, оценка доказательств, правосудие

Цитирование: Галушко А. Ф. Влияние участников процесса на внутреннее убеждение судьи. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 472–480.
<https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-472-480>

Поступила в редакцию 26.05.2025. Принята после рецензирования 30.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

Influence of Trial Participants on Judge's Belief

Alexander F. Galushko

Omsk Regional Bar Association, Russia, Omsk

G_aleksandr@list.ru

Abstract: A judge's belief is a result of a multifaceted cognitive process influenced by a combination of factors. It sprouts from a comprehensive and complete examination of evidence and allows the judge to make a fair, legitimate, and informed decision. As trial participants exercise their procedural rights to make the judge decide in their favor, they use various methods to shape the judge's belief. The article describes the influence of trial participants on the judge's belief, as well as the actions that can affect it. It touches upon the legal foundations of judge's belief in shaping the final decision, the circle of stakeholders, the role of the lawyer, the assessment of the influence of trial participants, and its positive and negative consequences. Other issues include the limits of participants' influence on the judge's belief, as well as the possibility and expediency of additional restrictions on this influence in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The author argues for the shortcomings of the civil procedure legislation in terms of providing opportunities for trial participants to influence the judge's belief. A set of cases made it possible

to develop a general assessment of the legislation and practice in the sphere of judge's belief, as well as to develop a number of measures to eliminate the existing regulatory deficiencies.

Keywords: a lawyer's influence, a judge's belief, motives behind a judge's decision, judicial discretion, participants in civil trial, shaping a judge's belief, evaluation of evidence, justice

Citation: Galushko A. F. Influence of Trial Participants on Judge's Belief. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 472–480. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-472-480>

Received 26 May 2025. Accepted after review 30 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Внутреннее убеждение судьи, формируемое по рассматриваемому делу в рамках судебного процесса, является особо значимым фактором, обуславливающим принятие законного и обоснованного судебного акта (приговора, решения, постановления, определения). Указанное вполне справедливо практически для любого вида судопроизводства, в том числе гражданского, урегулированного нормами Гражданского процессуального кодекса РФ¹ (ГПК РФ).

Признание законодателем внутреннего убеждения судьи в качестве одной из основ для принятия судебного решения можно рассматривать как межотраслевой принцип.

Если говорить не только о суде (судьях), но и о любом органе публичной власти (их должностных лицах), уполномоченном законом принимать или иные решения в рамках реализации государственных функций (выполнения государственных полномочий), то внутреннее убеждение выступает одной из основ официальных решений и там. Соответственно, принятие такого рода решений, исходя из внутренних убеждений уполномоченного лица, может расцениваться как некий общеправовой принцип. При этом право оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению не должно быть произвольным, без учета нормативных правовых актов, иное приводит к необъективной оценке доказательств и, как следствие, к неправильному вынесению судебного решения, что влечет усложнение судебной деятельности [1, с. 43].

Внутреннее убеждение является основой оценки доказательств. Вместе с тем представляется, что участники процесса могут принимать участие в формировании внутреннего убеждения судьи. Конкретные правовые возможности влияния, прежде всего, раскрыты в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ и состоят, в частности, в праве представлять доказательства, принимать участие в исследовании доказательств, задавать вопросы, заявлять ходатайства, давать объяснения

суду, представлять собственные доводы и возражения. Реализуя указанные, а также иные процессуальные права, соответствующие лица стремятся убедительно аргументировать свою позицию, логично и ясно противопоставлять факты, мнения, критично анализировать позицию противоположной стороны.

Если убеждение судей реализуется во властных решениях, то убеждения иных субъектов (участников процесса) воплощаются в жалобах, ходатайствах, заявлениях, отводах [2, с. 134]. При этом при осуществлении процессуальных прав и обязанностей участниками процесса важно не допускать незаконного внепроцессуального влияния на формирование внутреннего убеждения судьи, действовать строго в рамках правового поля, соблюдая фундаментальные правовые требования, нормы действующего законодательства, общепризнанные принципы правосудия.

Цель исследования – проанализировать влияние участников на процесс формирования внутреннего убеждения судьи, а также рассмотреть, какие действия / бездействие или поведение участников процесса способны оказать влияние.

Результаты

Формирование внутреннего убеждения

Согласно ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, внутреннее убеждение судьи выступает в качестве основы оценки доказательств. При этом ни в указанной, ни в других нормах не уточнено содержание самого понятия *убеждение*. В то же время в литературе представлено множество вариантов трактовки данного понятия, в том числе и в контексте формирования позиции суда. Но акцентировать внимание на них не представляется целесообразным. В этой связи разумно ориентироваться на толковый словарь, где убеждение описано как «прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд, точка зрения»². Представляется справедливым суждение о том, что внутреннее убеждение заключает в себе чувство уверенности, правильности своих

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 01.04.2025). СПС КонсультантПлюс.

² Убеждение. In: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=УБЕЖДЕНИЕ> (дата обращения: 10.04.2025).

знаний, выводов и решений. Отсутствие сомнений в правильности наших знаний, выводов и решений обязательно для внутреннего убеждения [3, с. 474]. Уместно признание внутреннего убеждения в качестве определенного результата исследования доказательств, причем именно в их совокупности [4, с. 167]. Но нельзя отрицать и возможности формирования убеждения относительно каждого из доказательств, а также относительно каких-либо иных аспектов, которые напрямую не касаются доказательств и процедуры доказывания.

Возвращаясь к ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, важно подчеркнуть, что мнение судьи в любом случае должно базироваться на исследовании доказательств, отвечающем критериям: всесторонности; полноты; объективности; непосредственности.

Роль убеждения, исходя из ч. 2 ст. 67 ГПК РФ, проявляется и в невозможности признания за теми или иными доказательствами заранее установленной силы.

Нельзя не обратить внимание и на закрепленные в ч. 3 ст. 67 ГПК РФ критерии (принципы) оценки доказательств: относимость; допустимость; достоверность; достаточность; взаимную связь. Причем если первые три критерия надлежит учитывать применительно к каждому доказательству отдельно, то последние два – применительно ко всей совокупности доказательств, что должно обеспечить формирование у суда максимально полного и объективного (насколько это возможно) представления об обстоятельствах дела.

Здесь также важно обратить внимание на обязательность изложения в принимаемом судом акте конкретных мотивов, которые послужили принятию того или иного решения в контексте оценки доказательств, согласно ч. 4 ст. 67 ГПК РФ, что должно исключать произвольный характер формирования у судьи внутреннего убеждения по поводу находящегося в его производстве дела. При этом и суд вышестоящей инстанции не может произвольно отменить принятый нижестоящим судом акт лишь ввиду несогласия с оценкой, данной судьей, на что обращается внимание и при рассмотрении отдельных дел³.

Внутренняя убежденность судьи при оценке доказательства должна основываться не на отвлеченном мнении судьи, а на оценке каждого из доказательств и всей их совокупности в целом. Оценить доказательства в совокупности – значит не упустить ни одно из них [5, с. 98].

Некоторые ограничения в части формирования внутреннего убеждения судьи представлены

и в Кодексе судейской этики⁴ (КСЭ). Так, п. 3 ст. 8 КСЭ, наряду с опорой на внутреннее убеждение, предписывает, в частности, не поддаваться влиянию кого бы то ни было. Это касается в том числе какой-либо критики в адрес судьи: она не должна им восприниматься как препятствие соблюдению принципов законности и обоснованности при принятии решения. В п. 2 ст. 9 КСЭ указано на необходимость соблюдения объективности, исходя из чего «судья должен быть свободен от каких-либо предпочтений»⁵.

Изложенное свидетельствует о наличии достаточно жестких и вполне конкретных рамок, в пределах которых складывается убеждение. А это, в свою очередь, означает и наличие весьма ограниченных возможностей влиять на такое убеждение. В этом сочетаются как объективная, так и субъективная составляющие процесса формирования убеждения. К числу объективных факторов влияния на убеждение судьи можно отнести законодательные предписания и судебную практику [6, с. 636]. Знание действующего законодательства, принципов и норм права оказывают первостепенное воздействие на убеждение судьи. Также, учитывая, что судебная практика является результатом обобщения судебных актов, с целью единобразия правосудия и исключения возможных ошибок судьи применяют судебную практику.

Внутреннее убеждение – это личное, собственное мнение конкретного судьи. Очевидно, что внутреннее убеждение носит индивидуальный характер. В этой связи представляется неверным говорить о существовании внутреннего убеждения группы людей [7, с. 142]. Заслуживает внимания также и вопрос о формировании внутреннего убеждения судьи при вынесении решения коллегиальным составом суда. Есть мнение, что судья, несогласный с мнением остальных под влиянием уважения к другим судьям состава суда или авторитета председательствующего, может пойти в разрез своему внутреннему убеждению, полагаясь на мнение большинства [6, с. 637]. Вместе с тем представляется, что в случае неоднозначности и спорности принимаемого коллегиального решения с целью выражения собственного мнения относительно обстоятельств дела судье надлежит воспользоваться институтом особого мнения и не поддаваться мнению большинства, когда оно идет в разрез с собственным внутренним убеждением. Институт особого мнения резко повышает индивидуальную ответственность судей и является важным каналом информирования о сути происходящих дискуссий [8].

³ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88А-8292/2023 (УИД 07RS0001-02-2019-004624-62). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022). СПС КонсультантПлюс.

⁵ Там же.

Мотивы и степень влияния участников процесса на формирование внутреннего убеждения судьи

Наличие субъективной составляющей опосредует подверженность судьи (внутреннее убеждение судьи) влиянию со стороны участников процесса, к которым, согласно нормам гл. 4 ГПК РФ, относят лиц, участвующих в деле, а также «других участников процесса». Исходя из ст. 34 ГПК РФ, в состав лиц включены, в частности, стороны, третьи лица, прокурор, некоторые иные категории субъектов. Что же касается «других участников процесса», о которых упоминается в заглавии гл. 4 ГПК РФ, вопрос остается спорным. Однако, исходя из содержания норм данной главы, вполне очевидно, что, например, помощник судьи является именно «другим участником». Помощник судьи, несмотря на то что самостоятельно не осуществляет правосудие, участвует в подготовке и организации судебного процесса, а также в подготовке проектов судебных постановлений, совершает иные процессуальные действия. Что же касается секретаря судебного заседания, то некоторые относят его к «другим участникам процесса», иные относят к должностным лицам аппарата суда [9, с. 42]. Учитывая, что в ч. 1 ст. 161 ГПК РФ указано о том, что секретарь судебного заседания докладывает суду о явке вызванных лиц или о причинах их неявки, а также в ст. 164 ГПК РФ закреплено, что председательствующий объявляет состав суда и сообщает, кто участвует в судебном заседании, в том числе в качестве секретаря судебного заседания, представляется, что последний относится к «другим участникам процесса» и способствует осуществлению правосудия.

Анализ норм ГПК РФ позволяет отнести к «другим участникам» также эксперта, специалиста, переводчика. Представитель лиц, участвующих в деле, в числе участников занимает особое место.

Это дает ученым основания для выделения лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих осуществлению правосудия [10, с. 36]. Причем такое подразделение, как правило, сомнений не вызывает [11, с. 55].

Стоит уточнить, что в основе разграничения категорий участников лежит процессуальный интерес: если лица, участвующие в деле, как правило, имеют личный интерес, то интерес лиц, содействующих осуществлению правосудия, иной [10, с. 37]. То есть природа их заинтересованности принципиально различна.

Изложенное во многом обуславливает специфику влияния участников каждой из категорий на внутреннее убеждение судьи. В этой связи очевидно, что наиболее значимым является влияние сторон как наиболее заинтересованных в исходе дела субъектов судебного процесса. Этим продиктовано

и наличие у них мотивов к проявлению максимальной активности. Стороны обладают максимально полной информацией об обстоятельствах дела, стремятся к тому, чтобы убедить суд в достоверности представленных сведений и получить наиболее выгодный для себя результат. Последовательность в высказываниях, логичная аргументация в представлении доказательств влияют на восприятие судьей позиции сторон.

Во многом влияние участников процесса на внутреннее убеждение суда опосредуется принципами состязательности и равноправия сторон, закрепленными в ст. 12 ГПК РФ. Из этих принципов следует и обеспечение широких процессуальных возможностей каждой из сторон. Несмотря на то что в ГПК РФ напрямую не закреплен рисковый характер действий участников процесса, стороны в гражданском процессе также несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий [12, с. 126]. Это создает некоторые стимулы для сторон.

Реализуя конкретные правовые возможности влияния на внутреннее убеждение, перечисленные в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ (давать объяснения суду, задавать вопросы, представлять доказательства, участвовать в их исследовании и пр.), лица, участвующие в деле, используют метод убеждения [13, с. 20], состоящий, прежде всего, в представлении аргументов утверждающего или возражающего характера [14, с. 129].

Положения ГПК РФ, конкретизирующие права и обязанности как сторон, так и иных участников, также опосредуют их возможности и особенности влияния на суд. В этой связи, например, ст. 56 ГПК РФ обязывает каждое из лиц, участвующих в деле, доказать наличие обстоятельств, на которые оно ссылается. И поскольку у определенных участников дела таких обязанностей нет, то и заинтересованность в оказании влияния на внутреннее убеждение суда имеется не у всех. Исходя из этого, участниками, оказывающими наиболее существенное влияние на внутреннее убеждение судьи, целесообразно считать стороны, также их представителей, в том числе адвокатов, прокурора (в случае его участия в деле). Представляется, что привлеченные в дело эксперты в исходе дела не заинтересованы, вместе с тем для них имеет важное значение признание представленного с их стороны заключения в полной мере соответствующим нормам законодательства [15, с. 188].

Представляемые участниками дела доказательства судья должен оценивать объективно и независимо от того, кто из участников дела их представил, от какой стороны они исходят – будь то представитель истца, прокурор, представитель государственного органа или иное лицо, участвующее в деле. В ином случае есть возможность перехода

от формирования внутреннего убеждения судьи, основанного на объективном познании действительности в пределах действующего закона, к усмотрению в познании действительности интересов представителей других ветвей власти [16, с. 98].

Влияние лиц, участвующих в деле, в большей степени опосредовано правовыми возможностями, предоставленными процессуальным законодательством, однако лица, участвующие в деле, зачастую осуществляют попытки влияния на внутреннее убеждение психологическими методами. В частности, это может быть стремление установить позитивную обстановку в судебном процессе, положительное поведение в зале суда, уважительное отношение к суду, эмоциональное обращение и стремление получить сочувствие и сострадание. Вместе с тем лица юридической профессии, в том числе судьи, в своей профессиональной деятельности не должны быть подвержены эмоциональному фактору, а напротив – должны осуществлять свои полномочия, оценивая фактические и правовые обстоятельства дела, опираясь на внутреннее убеждение, не поддаваясь постороннему влиянию. В связи с этим интересным представляется вопрос о возможности гипнотического влияния на судью при осуществлении правосудия [17, с. 45]. Несмотря на неоднозначность и спорность подобного рода воздействия применительно к осуществлению правосудия, отмечается, что данная проблема латентна, психологическое воздействие на судью может осуществляться лицами, участвующими в деле, поэтому всегда существует угроза подвергнуться данному воздействию [18].

Роль адвоката в формировании внутреннего убеждения

Особо отметим роль адвоката в формировании внутреннего убеждения судьи. Именно адвокат, в силу наличия особых компетенций, соответствующей квалификации, опыта, статуса, способен оказать наиболее существенное влияние на формирование убеждения. Так, не имеющий юридического образования и необходимого опыта участия в судебных разбирательствах гражданин вряд ли сможет сформировать позицию по делу и стратегию ее отстаивания перед судом именно таким образом, чтобы оказать максимальное влияние на убежденность суда [19, с. 78]. Адвокат же способен выделить наиболее информативные, надежные и доступные для судебной оценки доказательства [13, с. 30], тем самым повлияв на формирование убеждения судьи. Кроме того, процесс получения адвокатом своей профессии – не только само по себе высшее юридическое образование, но и сдача специального

квалификационного экзамена – гарантирует компетентное осуществление своих полномочий на высоком уровне.

Одним из важнейших инструментов оказания адвокатом качественной юридической помощи является адвокатский запрос. Однако на практике зачастую возникают проблемы с реализацией права на сбор необходимых сведений и информации [20, с. 7]. Стоит подчеркнуть, что среди всех адвокатских ходатайств при разбирательстве по гражданским делам второе место (21 %) занимают ходатайства об истребовании документов [19, с. 77], что отражает неэффективность адвокатского запроса, предусмотренного законодательством об адвокатской деятельности⁶. С другой стороны, такого рода трудности вполне объяснимы жесткими и зачастую неоднозначно понимаемыми законодательными ограничениями в плане охраны персональных данных, медицинской, банковской и иной тайны [21, с. 137].

Необходимо отметить наличие у суда права отказать в удовлетворении заявляемых стороной ходатайств, в связи с чем роль адвоката представляется еще более значимой, поскольку он способен должным образом аргументировать те или иные ходатайства или возражения.

В формировании убеждения судьи в итоге значение имеют не только представленные доказательства, но и умение выстраивать логические цепочки, способность замечать и использовать слабые стороны противника, владение навыками психологии и ораторского искусства [22, с. 571].

Адвокат как профессиональный защитник (по обыкновению) обладает сильными личностными качествами, такими как уверенность в себе, спокойствие, выдержка, убедительность, креативность, что помогает ему эффективно отстаивать правовую позицию, сохранять спокойствие в сложных ситуациях, контролировать свои эмоции, находить нестандартные подходы к решению проблемы. Личность адвоката, его профессиональный опыт, психологические качества при реализации им процессуальных прав и обязанностей (в совокупности) способны оказать значительное влияние на внутреннее убеждение судьи.

Внепроцессуальное влияние на убеждение судьи

Нельзя не обратить внимание на отдельные способы влияния на судью со стороны участников процесса, в том числе со стороны адвокатов, расцениваемые как неправомерные или, по крайней мере, как нежелательные. Так, в подобном контексте в п. 2 ст. 8 КСЭ упоминается потенциальная возможность «какого-либо постороннего воздействия, давления,

⁶ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. ФЗ № 63-ФЗ от 31.05.2002 (ред. от 22.04.2024). СПС КонсультантПлюс.

угроз или иного прямого или косвенного вмешательства⁷; в п. 3 ст. 8 в таком контексте упомянуто «публичное обсуждение деятельности судьи»⁸. Все это не должно иметь места, но по различным причинам не может быть исключено, в связи с чем судья должен быть готов к попыткам оказания на него влияния подобными способами и не поддаваться этому.

Также небезосновательно поднимается проблема оказания влияния на судей со стороны должностных лиц судебной системы. Внешнее воздействие на судей из несудебных источников, как правило, пытаются осуществить через руководство судов [23, с. 7]. Как показала практика, внепроцессуальные письменные обращения поступают чаще в адрес председателя суда и направлены на то, чтобы склонить его и оказать давление на судью для вынесения решения в пользу заявителя, они содержат в себе просьбы *возьмите под контроль, лично вникните в ситуацию, прошу учесть государственные интересы с целью недопущения опасных социальных проблем* [24, с. 235].

Законодателем в 2013 г. даже были внесены изменения в ст. 10 Закона РФ от «О статусе судей в Российской Федерации»⁹, нацеленные на предупреждение внепроцессуальных обращений к судьям по поводу находящихся в их производстве дел, в рамках чего предписано каждый факт такого рода доводить до общественности на портале суда. Такую меру, безусловно, оцениваем положительно, однако ее принятие не привело к полному искоренению указанной проблемы. Так, не все случаи внепроцессуального общения суды расценивают как неправомерные¹⁰.

Весьма распространенными являются практики злоупотребления процессуальными правами, прежде всего сторонами, а также их представителями, в том числе адвокатами, что тоже нацелено на оказание влияния на суд и выражается, в частности, в подаче необоснованных жалоб и ходатайств [25, с. 158]. При этом ГПК РФ понятия *злоупотребление процессуальным правом* не раскрывает [26, с. 288], а санкция в виде штрафа за подобные злоупотребления предусматривает лишь ст. 244.22 ГПК РФ применительно к лицу, ведущему дело в интересах группы лиц. Поэтому в иных случаях злоупотребления процессуальными правами суды руководствуются позицией Пленума Верховного Суда РФ¹¹, возлагая судебные издержки на злоупотребляющего субъекта.

Таким образом, действующее законодательство не может пока в полной мере исключить возможности для неправомерного влияния на внутреннее убеждение судьи, в связи с чем требует совершенствование. В качестве основных направлений по его совершенствованию, которые видятся наиболее целесообразными, можно предложить рассмотреть вопросы:

- о детальной законодательной регламентации процессуальных и иных правовых последствий внепроцессуального общения в рамках гражданского процесса, причем в контексте обращения во внепроцессуальном порядке не только к судье, но и к другим участникам, в том числе эксперту, специалисту и пр.;
- о раскрытии понятия *злоупотребление процессуальным правом* в нормах ГПК РФ, с введением конкретных санкций за такое нарушение.

Заключение

Вопрос о влиянии участников процесса на формирование внутреннего убеждения судьи является чрезвычайно важным и сложным, в виду того, что затрагивает фундаментальные принципы правосудия – независимость, беспристрастность, объективность судей при принятии решения.

Несомненно, внутреннее убеждение является основой принятия властных решений, что свойственно не только судьям, но и должностным лицам публичной власти, в связи с чем внутренне убеждение можно рассматривать как межотраслевой принцип.

Внутреннее убеждение – важный инструмент оценки доказательств. Беспристрастное внутреннее убеждение позволяет установить объективную действительность и признать достоверность фактов, имеющих значение дела.

С целью исключения произвольного характера формирования внутреннего убеждения судьи должны конкретизировать мотивы, по которым принято или отвергнуто то или иное доказательство в процессе оценки. Внутреннее убеждение судьи носит индивидуальный характер, присуще конкретной личности и не может быть коллегиальным.

Заинтересованность в исходе дела зачастую определяет уровень вовлеченности участников процесса и их стремление оказать влияние на внутреннее убеждение судьи. Участники судебного процесса,

⁷ Кодекс судейской этики...

⁸ Там же.

⁹ О статусе судей в РФ. Закон РФ № 3132-1 от 26.06.1992 (ред. от 10.07.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-1845/2025 от 20.02.2025. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312091875?section=text> (дата обращения: 10.04.2025).

¹¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-2346/2024 от 26.01.2024. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305101706?section=text> (дата обращения: 10.04.2025).

в зависимости от степени заинтересованности, стремятся оказывать влияние на формирование внутреннего убеждения судьи, главным образом посредством реализации процессуальных прав и обязанностей, предоставленных законодательством (предоставление доказательств, пояснений, свидетельских показаний, экспертных заключений и пр.). В целом границы влияния на внутреннее убеждение судьи в достаточной мере определены процессуальным законодательством.

В силу особых компетенций, статуса, опыта, адвокат как профессиональный защитник, реализуя права и обязанности, предоставленные ему процессуальным законодательством при осуществлении полномочий в суде, способен оказать наиболее существенное и эффективное влияние на формирование убеждения.

При этом влияние на внутреннее убеждение судьи участниками процесса должно находиться строго в рамках правового поля, реализовываться путем исполнения процессуальных прав и обязанностей с соблюдением общепризнанных принципов правосудия.

Однако не исключается возможность применения участниками процесса, в частности сторонами,

психологических методов воздействия влияния на внутреннее убеждение судьи. Не допускается неправомерное внепроцессуальное воздействие на внутреннее убеждение судьи.

С целью минимизации и исключения неправомерного влияния на внутреннее убеждение судьи, для обеспечения исполнения принципов правосудия представляется необходимым продолжать совершенствовать действующее законодательство и повышать юридическую грамотность участников процесса для эффективной реализации прав и обязанностей, предоставленных законодательством. Кроме этого, требуется развитие и самой судебной культуры – формирование уважения к судебному процессу, личности судьи, недопущение несостойтельных жалоб и необоснованных внепроцессуальных обращений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Кипрушенкова Н. Ф. Внутреннее убеждение суда как одна из причин произвольной оценки доказательств. *Вестник магистратуры*. 2022. № 11-1. С. 42–43. [Kiprushenkova N. F. Internal conviction of the court as one of the reasons for arbitrary evaluation of evidence. *Vestnik magistratury*, 2022, (11-1): 42–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcnqmg>
2. Шабанов П. Н. Внутреннее убеждение судьи. *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2010. № 1. С. 129–138. [Shabanov P. N. Internal belief of the judge. *Proceedings of VSU. Series: Law*, 2010, (1): 129–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/musonr>
3. Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с. [Zhogin N. V. *Theory of evidence in the Soviet criminal process*. Moscow: Iuridicheskaiia literatura, 1973, 736. (In Russ.)]
4. Оносов Ю. В. О правоприменительном усмотрении при оценке судом доказательств по юридическому делу. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2023. № 47. С. 162–171. [Onosov Yu. V. On law enforcement discretion in the court's assessment of evidence in a legal case. *Tomsk State University Journal of Law*, 2023, (47): 162–171. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22253513/47/11>
5. Веретенникова Е. В. Объективные и субъективные факторы внутреннего убеждения судьи в оценке доказательств. *Сибирский юридический вестник*. 2011. № 3. С. 95–100. [Veretennikova E. V. Subjective and objective factors of inner judge conviction at an estimation of evidence. *Siberian Law Herald*, 2011, (3): 95–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nyojnb>
6. Хорошилов А. С., Азизов А. А. Внутреннее убеждение как инструмент оценки доказательств в гражданском процессе. *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 7. С. 634–641. [Khoroshilov A. S., Azizov A. A. Internal conviction as a tool for evaluating evidence in civil proceedings. *Voprosy rossijskoj justicij*, 2020, (7): 634–641. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/megtuw>
7. Садиванкин С. Г. Факторы, влияющие на формирование внутреннего убеждения при оценке доказательств. *Проблемы развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе*, ред. С. А. Шейфер. Самара: Самарский ун-т, 2002. С. 141–146. [Sadivankin S. G. Factors influencing the formation of internal beliefs in the evaluation of evidence. *Problems of the development of criminal procedure legislation at the present stage*, ed. Shafer S. A. Samara: Samara University, 2002, 141–146. (In Russ.)] URL: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-472-480>

- <http://repo.ssau.ru/handle/Problemy-razvitiya-ugolovnoprocessualnogo-zakonodatelstva/Faktory-vliyaushie-na-formirovaniye-vnutrennego-ubezhdeniya-pri-ocenke-dokazatelstv-81268> (дата обращения: 10.04.2025).
8. Болдырева Н. Н. Особое мнение судьи в гражданском процессе. *Auditorium*. 2014. № 2. С. 155–157. [Boldyreva N. N. A judge's dissenting opinion in civil proceedings. *Auditorium*, 2014, (2): 155–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sqydsz>
 9. Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса: лекции для студентов. Томск: Томский ун-т, 1979. 130 с. [Shcheglov V. N. *Subjects of the judicial civil process: Lectures for students*. Tomsk: Tomsk University, 1979, 130. (In Russ.)]
 10. Мокхов А. А., Воронцова И. В., Семенова С. Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России. М.: Контракт, 2017. 384 с. [Mokhov A. A., Vorontsova I. V., Semenova S. Y. *Civil procedure (civil procedural law) of Russia*. Moscow: Contract, 2017, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxdxti>
 11. Туманова Л. В. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений: традиции и новации. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2023. № 3. С. 52–57. [Tumanova L. V. Subjects of civil procedural legal relations: Traditions and innovations. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science*, 2023, (3): 52–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2023-3-52-57>
 12. Звягина Н. С. Роль суда в минимизации процессуальных рисков по гражданскому делу. *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2019. № 1. С. 124–134. [Zvyagina N. S. The role of the court in minimizing procedural risks in a civil case. *Proceedings of VSU. Series: Law*, 2019, (1): 124–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjvnph>
 13. Кагирова А. Х. Психология межличностного взаимодействия в гражданском процессе. Махачкала: ДГУ, 2021. 57 с. [Kagirova A. H. *Psychology of interpersonal interaction in the civil process*. Makhachkala: DSU, 2021, 57. (In Russ.)]
 14. Новицкий В. А. Судебная аргументация как самостоятельное средство доказывания. *Процессуальные действия верbalного характера: конф.* (Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2016 г.) СПб.: Северо-Западный филиал РГУП, 2017. С. 128–133. [Novitsky V. A. Judicial reasoning as an independent means of evidence. *Procedural actions of a verbal nature: Proc. Conf.*, St. Petersburg, 18–19 Nov 2016. St. Petersburg: North-Western branch of RSUJ, 2017, 128–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylxhaj>
 15. Шинкарук В. М. Значение заключения эксперта для формирования внутреннего убеждения участников судебного разбирательства. *Правовая парадигма*. 2024. Т. 23. № 4. С. 188–193. [Shinkaruk V. M. The importance of expert opinion for forming moral certainty of parties to a trial. *Legal Concept*, 2024, 23(4): 188–193. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.24>
 16. Косой В. А. Внутреннее убеждение судьи. *Современное право*. 2013. № 4. С. 97–101. [Kosoy V. A. Inner conviction of judge. *Modern Law*, 2013, (4): 97–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pysdop>
 17. Клеандров М. И. О возможности гипнотического воздействия на судью при осуществлении им правосудия. *Российский судья*. 2006. № 1. С. 41–45. [Kleandrov M. I. To the possibility of hypnotic influence on a judge in the administration of justice. *Russian judge*, 2006, (1): 41–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxdtyz>
 18. Руденко А. В., Пятница Е. Ю. Об актуальности проблемы психологического воздействия на судью в арбитражном процессе. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 4. С. 154–156. [Rudenko A. V., Pyatnitsa E. Yu. To the relevance of the problem of psychological influence on the judge in the arbitration process. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2019, (4): 154–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.2019.29099>
 19. Меренков И. В. Получение доказательств по запросу суда и по запросу адвоката в гражданских делах. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2023. Т. 20. № 3. С. 71–80. [Merenkov I. V. Obtaining evidence at the request of the court and at the request of the court and at the request of the advocate in civil cases. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2023, 20(3): 71–80. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\).71-80](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3).71-80)
 20. Иванов А. В. Адвокатский запрос: содержание и проблемы реализации. *Адвокат*. 2014. № 4. С. 5–20. [Ivanov A. V. Lawyer's request: The content and implementation problems. *Advocate*, 2014, (4): 5–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sarjgi>
 21. Абрашин А. А. Роль адвоката в сабирании и раскрытии доказательств по гражданскому делу. *Цивилистика: право и процесс*. 2022. № 4. С. 134–138. [Abrashin A. A. The role of a lawyer in collecting and disclosing evidence in a civil case. *Civil Law: Law and Process*, 2022, (4): 134–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tupwf>
 22. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2012. 608 с. [Vasiliev V. L. *Legal psychology*. St. Petersburg: Piter, 2012, 608. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdrqdr>

23. Терехин В. А. Обеспечение независимости суда – приоритетное направление судебно-правовой политики. *Российская юстиция*. 2009. № 10. С. 6–11. [Terekhin V. A. Ensuring the independence of the court is a priority area of judicial and legal policy. *Russian justice*, 2009, (10): 6–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzbdli>
24. Этина Т. С. Внепроцессуальные обращения к суду: вопросы правовой регламентации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-2. С. 232–237. [Etina T. S. Extra-processual recourses to court: Questions of legal regulation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-2): 232–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttujit>
25. Пятница Е. Ю. Недопустимое воздействие заинтересованных субъектов, оказываемое на формирование внутреннего убеждения судьи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 12. С. 156–158. [Pyatnitsa E. Y. Unacceptable influence of stakeholders on the formation of the judge's belief. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2018, (12): 156–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.12.23707>
26. Трезубов Е. С., Щеглова Н. С. Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 3-1. С. 287–292. [Trezubov E. S., Shcheglova N. S. Fictitiousness of civil procedure: Constitutive signs and mechanisms of prohibiting abuse of procedural rights in the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (3-1): 287–292. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkdfs1>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор,
КемГУ; ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», МГЮА; egortrezubov@mail.ru

Федькина Анна Петровна, ответственный секретарь, КемГУ;
j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University;
ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction of Law,
Kutafin Moscow State Law University; egortrezubov@mail.ru

Anna P. Fedkina, Executive Secretary,
Kemerovo State University; j.juredu@yandex.ru

Литературный редактор, корректор –

Анна Петровна Федькина.

Литературный редактор (английский язык) –

Надежда Владимировна Рабкина.

Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editor, proof-reader – Anna P. Fedkina.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 15.09.2025.

Дата выхода в свет 30.09.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 17,2. Уч.-изд. л. – 16.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

